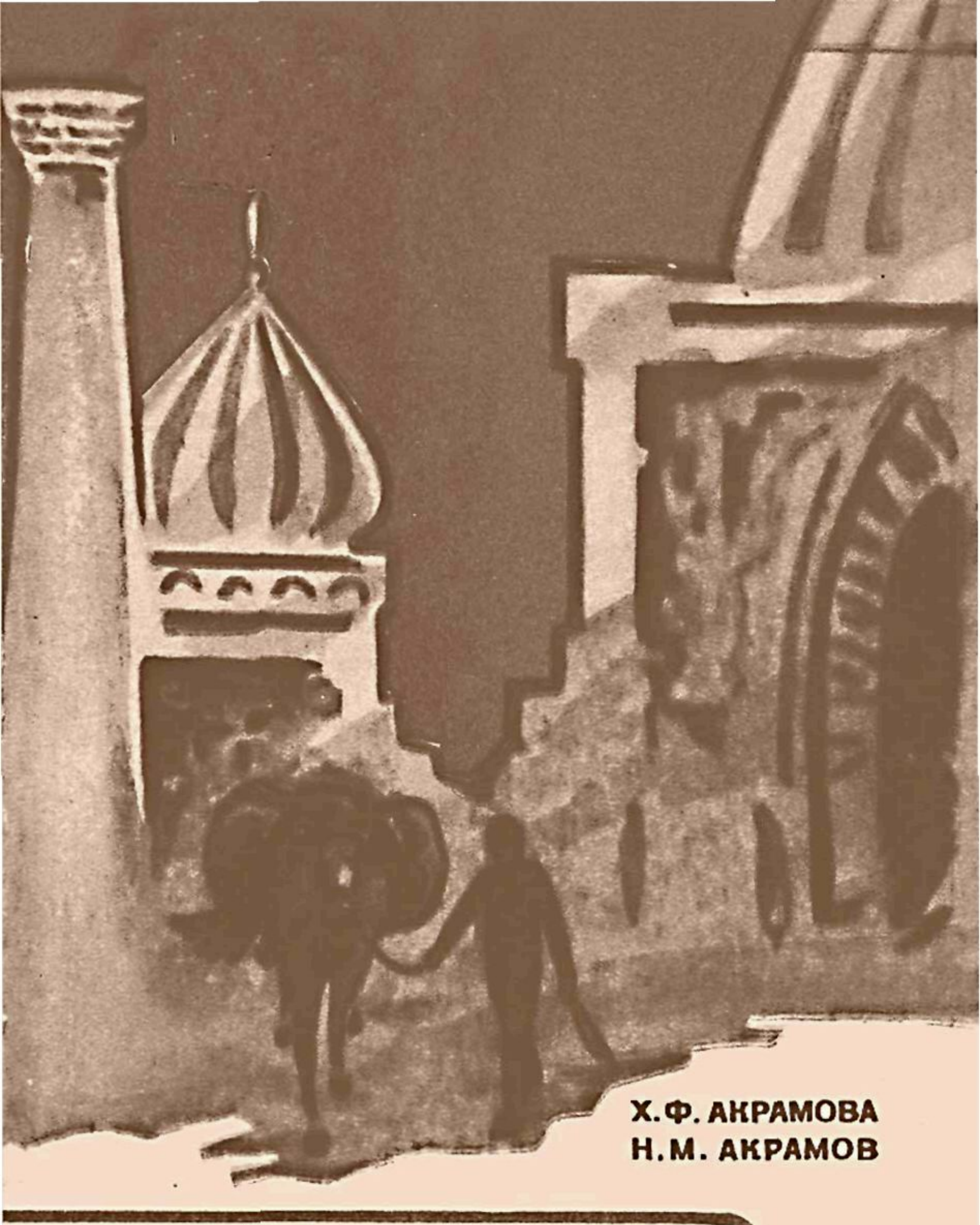

Х.Ф. АКРАМОВА
Н.М. АКРАМОВ

ВОСТОКОВЕД
МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ
АНДРЕЕВ

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ССР
ДУШАНБИНСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Х. АКРАМОВА и Н. АКРАМОВ

ВОСТОКОВЕД МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ

(НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Под редакцией и с предисловием
доктора исторических наук
Б. А. ЛИТВИНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИРФОН»
Душанбе — 1973 г.

М. С. Андреев (1873—1948 гг.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Удивительный феномен: человек, получивший систематическое образование лишь в объеме учительской семинарии, становится выдающимся ученым, крупнейшим исследователем-этнографом и лингвистом, возглавляет, в качестве ректора, первое в Средней Азии высшее учебное заведение востоковедного профиля — Восточный институт, руководит научными коллективами, избирается членом-корреспондентом Академии Наук СССР. Необычная судьба... Когда вдумываешься в жизненный путь М. С. Андреева, перечитываешь его опубликованные труды, рукописи, дневники, удивление сменяется восхищением.

Конечно же, природа наделила М. С. Андреева исключительными способностями, он был воистину талантливым человеком, как будто специально созданным для полевых этнографических и лингвистических исследований. Но еще более поражает в нем трудолюбие: неустанно, месяц за месяцем, год за годом, десятилетие за десятилетием собирал он материал, не признавая никаких перерывов для отдыха, не боясь никаких трудностей. Труд, неустанный труд. И увлеченность, не знающая предела, та самая увлеченность, которая заставляла его карабкаться по горным тропам, ехать, презирая опасность, в местности, буквально кишевшие басмаческими шайками, расходовать свое жалованье на покупку редких этнографических экспонатов для музеев, семидесятилетним стариком, жестоко страдающим от недугов, вновь отправиться в труднейшую экспедицию — в милую его сердцу высокогорную долину Хуф.

Но неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба М. С. Андреева, если бы не Октябрьская революция. Формально он ведь не имел высшего образования, а «сословные» предрассудки в дореволюционных ученых кругах были очень сильны. Скорее всего, он продолжал бы оставаться чиновником ведомства народного просвещения, как его коллега А. А. Семенов — чиновником более высокого ранга, и т. д.

Жизненному пути Михаила Степановича Андреева, замечательного человека, ученого, посвящена предлагаемая вниманию читателей книга. Есть нечто символичное в том, что о русском исследователе, посвятившем свою жизнь изучению таджиков и их культуры, рассказывают два автора — таджичка и таджик. Цель этой книги состоит, прежде всего, в том, чтобы дать в руки читателей систематизированные данные по биографии ученого и его педагогической и научной деятельности. С этой целью авторы собрали огромный и чрезвычайно интересный материал, удачно систематизировали и прокомментировали его. Через призму научной биографии М. С. Андреева раскрываются важные страницы истории русского и советского востоковедения в Средней Азии. Но специалистам-этнографам и лингвистам еще предстоит рассмотреть в строго историографическом плане научные труды М. С. Андреева в рамках истории соответствующих наук— среднеазиатской этнографии и иранистики.

Сделаем в этой связи несколько (разумеется, фрагментарных) замечаний. В книге правильно подчеркивается, на основании свидетельств, сохранившихся в воспоминаниях самого М. С. Андреева, роль В. П. Наливкина в овладении им языками местных народов, в частности таджикским. Мне представляется, что роль В. П. Наливкина в становлении М. С. Андреева как ученого была несравненно значительней.

К тому времени, когда любимым наставником юноши Андреева стал В. П. Наливкин, он выпустил в свет не только несколько языковых самоучителей, но и две книги: «Краткая история Кокандского ханства» и «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (обе были изданы в Казани в 1886 г.). Вторая из названных книг была написана им совместно с женой, М. Н. Наливкиной. Всей семьей они прожили несколько лет в кишлаке Нанай (бывший Наманганский уезд), в результате Наливкины глубоко изучили быт, обычаи и представления местного населения. В. П. Наливкин, по свидетельству В. В. Бартольда, являлся едва ли не лучшим знатоком языка и быта местных жителей. Он же называет книгу Наливкиных «превосходной». Действительно, это, по-видимому, лучшее, наиболее глубокое сочинение по среднеазиатской этнографии, появившееся в дореволюционное время.

Можно думать, что любознательный юноша не раз перечитывал труды своего наставника, они оставили в его душе глубокий след и заронили желание заняться тем, чем занимался В. П. Наливкин: языками и этнографией Средней Азии. При этом ученик учительской семинарии усвоил истину, ставшую для него аксиомой: занятия этнографией требуют безукоризненного знания языков и, в свою очередь, познать до конца язык, как и душу народа, нельзя, не изучая его быт, обычаи, фольклор. Именно отсюда берут начало важнейшие особенности научного творчества М. С. Андреева.

Затем молодой М. С. Андреев попадает и становится одним из членов того круга ташкентской (шире — туркестанской) интеллигенции, которая отдавала весь свой пыл и знания не чиновной деятельности, а изучению Туркестана, его культуры — прошлой и настоящей. Стоит представить плеяду этих деятелей, среди которых были великолепные знатоки истории и быта, фольклора и древностей Туркестана, чтобы стало понятно, как много мог почерпнуть у своих старших друзей М. С. Андреев, как ему приходилось «тянуться», чтобы достичь их уровня в практическом знании местных языков и этнографического быта. И именно в эти годы судьба сводит М. С. Андреева с самыми выдающимися представителями русского востоковедения: В. В. Радловым, К. Г. Залеманом, В. В. Бартольдом и С. Ф. Ольденбургом, которые, заметив и оценив необычные способности М. С. Андреева, тонкость и точность его наблюдений и ценность собранных уже тогда материалов, ознакомили пытливого краеведа с новейшими достижениями лингвистики, фольклористики и востоковедения. Под их руководством он приобрел многое из того, что позволило ему стать ученым. И еще: многолетнее общение с А. А. Половцовым, поездки с ним в центральные города, на Кавказ, за границу, дипломатическая служба — все это не только значительно расширило кругозор М. С. Андреева, но и сделало его высококультурным человеком, явилось, вместе с вышеуказанным знакомством и общением с выдающимися представителями туркестанской интеллигенции и петербургскими востоковедами, тем самым фактическим университетом, формально который он никогда не кончал.

Складывается и мировоззрение М. С. Андреева, разумеется, в русле господствовавших в дореволюционной русской этнографии и фольклористики взглядов. Труды таких выдающихся эволюционистов как Н. Н. Харузин, определявшего этнографию как «науку» которая, изучая быт отдельных племен и народов, стремится отыскать законы, согласно которым шло развитие человечества на низших ступенях культуры»,[1] сочетавшим особое внимание к «явлениям куль-

[1] Н. Харузин. Этнография, т. I, СПб., 1901, стр. 37.

туры» со скепсисом к идее экономического базиса истории культуры; и другого, чрезвычайно яркого исследователя — Л. Я. Штернберга по языку, фольклору, этнографии и религии — должны были, как мне представляется, оказать большое влияние и на общие взгляды и на конкретную научную деятельность М. С. Андреева в дореволюционное время.

Но в целом дореволюционный период был своеобразным подготовительным «плацдармом». По-существу, М. С. Андреев как ученый окончательно складывается лишь в 20-ые годы. Активно участвуя в культурных и политических мероприятиях органов Советской власти в Туркестане, — и это никак нельзя недоучитывать при анализе эволюции его мировоззрения — М. С. Андреев в первое послереволюционное десятилетие находится в гуще советского культурного строительства и вместе с тем попадает в коллектив Восточного института, затем востфака Среднеазиатского государственного университета, где в то время собралось целое созвездие блестящих востоковедов самого высокого класса, в частности А. Э. Шмидт, А. А. Семенов, Е. Д. Поливанов и многие другие, среди которых были замечательные лингвисты, этнографы, фольклористы, историки, антропологи и представители других смежных дисциплин. Характер вузовского преподавания, необходимость чтения курсов заставила М. С. Андреева много заниматься, углублять и систематизировать свои знания. Не прерываются, а расширяются связи с ленинградскими востоковедами. И все это — на фоне самой интенсивной экспедиционной работы с оперативной публикацией основных результатов экспедиций. 20-ые гг., когда М. С. Андреев впервые смог полностью отдаться любимому делу, стали периодом расцвета научной деятельности М. С. Андреева и показали, насколько велик его научный потенциал. И этого не могла не оценить научная общественность страны, М. С. Андрееву была оказана высокая честь — он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

Трудно переоценить значение М. С. Андреева в сложении школы советской этнографии Средней Азии. Среди его слушателей и слушательниц по восточному факультету имелось немало будущих исследователей-этнографов, лингвистов, литературоведов. Те из них, кто ездил с ним в экспедиции, участвовал в обработке материалов, учились у него на практике, ибо он был, по словам Н. А. Кислякова, «непревзойденным собирателем материала», что сочеталось с большой общей культурой и поразительно глубоким знанием всего комплекса этнографических, лингвистических и фольклористических проблем Средней Азии, Ирана, Афганистана, Восточного Туркестана и Индии. Некоторые из его слушателей и слушательниц, участников его экспедиций, выйдя на путь самостоятельного творчества, продол-

жили и развили те направления, в которых работал сам М. С. Андреев, другие — начали разработку этнографии Средней Азии в иных аспектах. В 30-ые и 40-ые гг., когда завершается становление советской среднеазиатской этнографии, в эту работу включаются питомцы ленинградских и московских учебных заведений, этнографические штудии не только значительно расширяются, но и качественно меняются. М. С. Андреев и в эти годы продолжает интенсивную деятельность, собирает и систематизирует все новые и новые материалы, публикует небольшие по объему, но ценные работы, воспитывает новое поколение учеников, среди которых была и группа таджиков. Но «подытожить» свои многолетние труды в виде крупных обобщающих публикаций и исследований М. С. Андреев не сумел. Дело в том, что особенностью его творческой манеры был четко выраженный примат собирательской деятельностью над собственно исследовательской в ее окончательной фазе. Ему бесконечно больше нравилось путешествовать, собирать и записывать сведения и привозить этнографические коллекции, чем сидеть за письменным столом. Кроме того, знакомое каждому исследователю ощущение неполноты собранного материала, то щемящее тревожное чувство, что упущено, не найдено или неполностью зафиксировано что-то важное, может быть — главное, было свойственно ему в гипертрофированной форме и с годами все более увеличивалось. И встав на такую позицию, ученый отдает все силы и время поиску новых и новых, ранее ускользнувших от него фактов, откладывая и без конца отодвигая задачу синтеза.

После смерти М. С. Андреева остались горы материала: дневников, полевых записей, набросков, вчерне подготовленных вариантов по этнографии, лингвистике, фольклору.

И здесь начинается другая история, история беспримерного подвига одной из его учениц, Антонины Константиновны Писарчик. Спутник М. С. Андреева во многих его экспедициях, его жена и близкий друг, она возложила на себя труднейшую задачу: доделать незавершенное. Так родились на свет «Ягнобские тексты», два тома «Таджики долины Хуф», «Материалы по этнографии Ягноба» и другие работы М. С. Андреева.

А. К. Писарчик потратила годы напряженнейшего и необычайно кропотливого труда, и в результате наука обогатилась первоклассными публикациями по этнографии и иранистике М. С. Андреева. Труды М. С. Андреева, изданные после его смерти А. К. Писарчик, по своему объему и значению превосходят все то, что было опубликовано им при жизни.

Мы вкратце остановились на своем понимании истории формирования М. С. Андреева как ученого. Следует сказать еще несколько слов о значении трудов М. С. Андреева в истории науки. И для язы-

ковых записей М. С. Андреева, и для его чисто этнографических заметок характерна одна черта: исключительная точность. Специалисты говорят, что М. С. Андреев обладал удивительно тонким слухом, что придает его записям такую достоверность. Но было бы неверно считать его этнографические работы только лишь фотографическим воспроизведением действительности. Нет и еще раз нет. Работы М. С. Андрева читаются с неослабевающим интересом, ибо они написаны несомненно литературно одаренным человеком, который не просто излагает полевые записи, но и сопоставляет, размышляет и пытается понять причины тех или иных явлений. Море фактов и при том — обилие догадок, гипотез, теорий.

Конечно же, наука идет вперед и далеко не все предположения М. С. Андреева оправдались, не всегда нас могут сейчас удовлетворить его формулировки, широта обобщений и глубина анализа. И тем не менее, труды М. С. Андрева прочно входят в золотой фонд русского и советского востоковедения.

Я уже писал о характере книги Х. и Н. Акрамовых. Думаю, что ее прочтут с большим интересом не только специалисты, но и самые широкие круги читателей, интересующися прошлым и культурой народов нашей Родины и историей науки.

Б. А. Литвинский.

ВВЕДЕНИЕ

Соседство со многими странами Востока, дипломатические, культурные и торговые связи способствовали появлению и развитию в России востоковедческой науки, которая к середине XIX века была представлена крупнейшими учеными: Березиным, Васильевым, Вельяминовым-Зерновым, Григорьевым, Дорном, Петровым, Хановым, Френом и другими.

Характеризуя развитие отечественного востоковедения, В. В. Бартольд отмечал:

«В XIX веке изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в Западной Европе».[1]

«Выдающиеся представители отечественного востоковедения, — подчеркивает академик Б. Г. Гафуров, — создали традицию научной принципиальности, уважения к культуре, языкам, быту народов Востока, научной критики источников, накопили большой опыт исследования и публикации восточных текстов. Гуманистическая, демократическая тенденция в дореволюционном отечественном востоковедении послужила основой преемственной связи лучших традиций востоковедной науки».[2]

Одним из основных направлений отечественного востоковедения было изучение прошлого народов Средней Азии. Русские ученые внесли весомый вклад в изучение *истории, археологии, этнографии и лингвистики народов* Средней Азии вообще, таджикского народа, в особенности.[3] В этом плане труды Н. В. Ханыкова, В. В. Бартольда, М. С. Андреева, А. А. Семенова являются одним из важнейших разделов востоковедческой науки.[4]

Русские ученые-востоковеды дореволюционного времени впервые в истории науки доказали, что народы Средней Азии являются творцами и обладателями огромных культурных ценностей, которые вошли в сокровищницу мировой науки. По справедливому замечанию В. В. Бартольда, в изучении истории народов Средней Азии «ученый мир почти всецело обязан русской науке».[5]

Успехи русского востоковедения тем более значительны, что они достигнуты в дореволюционных условиях самодержавной страны, когда царское правительство нещадно угнетало народы восточных окраин Российской империи и считало, что изучать «инородческую» культуру и охранять ее памятники не только не полезно, но и вредно.[6] Царские сановники в целях защиты интересов «русской государственности» ставили вопрос о разрушении замечательных самаркандских и других исторических памятников страны.[7] Наука колониально-капиталистического режима, по их представлению, была призвана отражать политику царского правительства и оправдывать его завоевательные устремления.[8] Зачинателем такой дворянско-буржуазной, шовинистической историографии дореволюционной России в Туркестане был первый генерал-губернатор края Кауфман, который считал науку верным придатком военной администрации края. В своем ответе на приветствие Императорского общества любителей естествознания Кауфман писал: «Наука в числе других способов наиболее поможет оправдать наши завоевания, наше движение вперед».[9] Царское правительство рассматривало Среднюю Азию лишь как «выгодный и перспективный рынок сбыта русских товаров и источник сырья, чрезвычайно важный для наиболее развитой отрасли промышленности России—текстильной».[10] Именно поэтому царизм ставил задачи изучать край с целью определить, какую может он принести прибыль, выявлять те богатства, эксплуатация которых давала бы немедленный эффект и не была связана с большой затратой капиталов.[11]

Отдельные представители русской науки, чьи интересы тесно переплетались с интересами царизма, «стали интенсивно изучать и писать труды, а также переводить на русский язык всю необходимую литературу, которая могла бы помочь в управлении завоеванных областей» Туркестана.[12]

Политика царизма по отношению к народам Туркестана сводилась к тому, «...чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснить язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их».[13] Не удивительно, что эксплуататорские классы России в глазах эксплуатируемых народов Средней Азии стали рисоваться как непримиримый враг.[14]

Отношение царизма к народам Средней Азии было отношением господства и подчинения, отношением метрополии и колонии. Отношение русского народа и его передовых представителей к народам Средней Азии было гуманным и дружественным.

«Если колониальная политика царизма была направлена на порабощение народов Туркестана, если царизм попирал их чувство человеческого и национального достоинства, душил всякое проявление национальной культуры, то в лице русского народа и прежде всего русского рабочего класса народы Туркестана нашли своего верного защитника и освободителя».[15]

«Великий русский народ по своей социальной природе всегда был другом и товарищем всех народов царской России, в том числе и народов Средней Азии».[16]

Царизм и местные реакционеры всячески препятствовали развитию культуры народов Средней Азии. Однако, передовые представители русского народа, прежде всего его интеллигенции, любовно относились к культуре среднеазиатских народов, всемерно способствовали ее прогрессу.[17]

Самоотверженный труд русских исследователей, которых не останавливали ни материальные, ни физические трудности, был одним из ярких примеров, свидетельствующих о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России.

«Одним из результатов присоединения Средней Азии было основательное изучение ее русскими учеными, что создавало благоприятные возможности для использования природных богатств, возникновения горной промышленности», научно-исследовательских, культурных учреждений и т. д.[18]

Деятельность передовых представителей русской интеллигенции — востоковедов — осуществлялась вопреки официальной политике царизма. Вот почему помещичье-

буржуазная Россия вела упорную борьбу с наукой,[19] она боялась ученых, не доверяла им, ставила их в унизительное и тяжелое положение. «Молодое русское востоковедение, — говорил В. В. Бартольд, — горячо желавшее работать на пользу родной страны, встречало или отпор, или такое сочувствие, от которого еще больше опускались руки».[20] Крупнейший прогрессивный русский ученый К. А. Тимирязев в 1911 г. писал: «Каждый русский профессор лично и коллективно, со школьной скамьи и до преклонной старости, вынужден решать дилемму: или бросить свою науку, или забыть о своем человеческом достоинстве».[21]

Из-за пренебрежительного отношения царского правительства к отечественному востоковедению, несмотря на все старания как русских, так и местных представителей науки в дореволюционное время, прошлое народов Средней Азии во многих отношениях осталось неизученным. Известный востоковед А. А. Семенов еще в 1916 г., выступая на одном из заседаний Туркестанского отдела Русского географического общества, сказал: «Хотя русские находятся в Туркестане более полувека, обширный край, в котором издавна процветала высокая культура, до сих пор остается во многих отношениях неизученным, особенно темно историческое прошлое края».[22]

Подлинно научное изучение истории народов Средней Азии неразрывно связано с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Только советская историческая наука, владеющая такой всепобеждающей теорией как марксизм-ленинизм, дала глубокое и подлинно научное объяснение исторического процесса народов СССР. Историки Советского Востока совместно с учеными Москвы и Ленинграда впервые с научной достоверностью осветили историю народов Средней Азии с древнейших времен до наших дней.[23]

На формирование советской исторической науки большое влияние оказали прогрессивные тенденции и научное наследие представителей русской востоковедческой школы. Советская востоковедная наука — продолжатель прогрессивных демократических традиций мирового и дореволюционного отечественного востоковедения. Характеризуя историю развития советского востоковедения, мы, его представители, «с благодарностью вспомним, что являемся наследниками славного русского востоко-

ведения, установившего большое количество новых, надежно доказанных фактов в области восточной филологии и истории».[24]

Не следует забывать также и о том, подчеркивает В. В. Струве, что бесспорные «успехи советского востоковедения были обусловлены наряду с неизменным содействием нашей родной Советской власти подлинным содружеством старых и молодых научных работников-востоковедов. Традиции школ великих русских ученых, продолжавшие развиваться и воспринимаемые в свете марксистско-ленинской методологии, содействовали решению задач, которые ставила перед востоковедением наша великая эпоха».[25]

Отмечая большое значение содружества старых дореволюционных востоковедов с молодыми советскими учеными, М. С. Андреев говорил: «Это та дружеская и культурная услуга, которую мы обязаны сделать по сохранению великого прошлого народов Средней Азии, достигших высоких степеней развития еще тогда, когда народы запада и севера Европы находились еще далеко в отсталом состоянии».[26]

Без такого содружества не могли быть выполнены указания В. И. Ленина о привлечении старой научной интеллигенции к новому социалистическому строительству в нашей стране: «Их знания, их опыт и труд нам нужны, без них невозможно на деле взять ту культуру, которая создана старыми общественными отношениями и осталась как материальный базис социализма».[27]

Благодаря мудрой политике Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина, величайшего «защитника науки»,[28] по отношению к старой интеллигенции, подавляющее большинство ученых преодолело сомнения и колебания, и своим талантом, творческими способностями, своим неутомимым трудом стало активно участвовать в социалистическом строительстве.[29] Одним из таких неутомимых тружеников, посвятивших свой ум и организаторский талант становлению советского востоковедения, был Михаил Степанович Андреев.

Как ученый М. С. Андреев сформировался в дореволюционный период. Однако наиболее плодотворно он работал после установления в крае Советской власти. М. С. Андреев проявил себя как одаренный этнограф и лингвист, знаток быта и обычаев, языков и говоров на-

родов Востока. Влюбленный в Среднюю Азию, он неустанно путешествовал, был организатором и участником многих экспедиций по изучению языка и быта народов края. Научная деятельность М. С. Андреева уже в конце 20-х гг. получила признание не только в нашей стране, но и во многих зарубежных странах.

Говоря словами академика В. В. Струве, М. С. Андреев был одним из числа тех крупных ориенталистов, которые оставили нам немалое количество «новых, надежно доказанных фактов» по истории и истории культуры народов Средней Азии.[30] По справедливому замечанию З. Ш. Раджабова, работы В. В. Бартольда, М. С. Андреева, А. А. Семенова по истории, археологии и этнографии Таджикистана, несомненно, являются ценным вкладом в русскую и мировую науку.[31]

М. С. Андреев посвятил себя изучению истории и этнографии таджикского народа. Даже будучи прикованным к постели, ученый говорил: «Как хочется работать... — и именно по Таджикистану».[32] Определяя свой долг перед отечественной наукой, он говорил, что изучение истории таджикского народа является его «священной обязанностью».[33]

Характеризуя научные заслуги ученого, академик А. А. Фрейман называл М. С. Андреева превосходным знатоком истории Таджикистана.[34] Вклад М. С. Андреева в изучение истории таджикского народа высоко оценен академиком Б. Г. Гафуровым, который в одном из своих писем М. С. Андрееву подчеркивал: «Вы всю свою жизнь посвятили изучению истории культуры и этнографии таджиков, и в этом отношении Ваши заслуги перед ними исключительно велики.

Мы знаем, что Вы располагаете такими результатами своей научной работы, которые будут оценены не только нами, но и будущими поколениями научных работников Таджикистана и, конечно, не только Таджикистана».[35]

М. С. Андреев еще до революции считался одним из крупнейших знатоков быта таджикского народа. Этнографические работы ученого обогатили новыми фактами, науку, открыли перед ней новые пробелмы, характеризующие Среднюю Азию как исторически сложившийся древний и многонациональный культурный очаг.

Академики В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург,

И. Ю. Крачковский и Ф. И. Щербатской говорили, что Михаил Степанович Андреев родился на Востоке, всю жизнь прожил на Востоке — в Западном и Восточном Туркестане — и справедливо считается одним из тончайших, глубоких знатоков быта и вообще жизни народов Средней Азии и Индии. «Если к этому прибавить его превосходное знание многих языков и наречий, главным образом иранского корня, то ясно, что в лице М. С. Андреева мы обладаем востоковедом, какие встречаются не часто».[36]

Научное наследие М. С. Андреева выгодно отличается от трудов его современников-востоковедов. В нем при умелом использовании языковых данных собран и систематизирован огромный фактический материал по этнографии и лингвистике народов Средней Азии вообще, таджикского народа в особенности. Эти работы и собранные им материалы до настоящего времени не утратили своего научного значения, они составляют неисчерпаемый фонд для нескольких поколений советских ученых. Научные труды М. С. Андреева никогда не стареют, они сохраняют свою свежесть еще и потому, что вобрали в себя быт народа и диалекты его языка в первозданной основе. Труды ученого заключают в себе величайшие научные ценности, которые могут играть исключительно важную роль в освещении вопросов истории культуры народов Средней Азии. По справедливому замечанию А. К. Писарчик, в области «этнографии — занятиях населения, материальной культуры, народном календаре, народной метрологии, прикладном искусстве — вклад М. С. Андреева чрезвычайно велик. Мимо его работ не может пройти ни один исследователь культуры и быта таджиков и других народов Средней Азии».[37]

М. С. Андреев входил в состав той плеяды ученых, которая внесла большой вклад в развитие советского востоковедения. Чем глубже и шире изучаем мы творческое наследие М. С. Андреева, тем больше убеждаемся, что после Октябрьской революции он честно и самоотверженно работал по перестройке научных и педагогических учреждений на новых, подлинно народных началах. М. С. Андреев был из числа ученых, работы которых хотя сначала «сохраняли в известной мере свою прежнюю направленность и методологию, но в дальнейшем они испытали на себе сильное плодотворное влияние марксизма».[38]

М. С. Андреев после победы Великого Октября без колебаний признал Советскую власть и посвятил народу свои знания, талант педагога, руководителя и организатора многочисленных научных исследований и экспедиций.

М. С. Андреев, глубоко заинтересованный в развитии советской этнографии, в 1929 г. в специальной докладной записке подчеркнул:

«Всякому ясно, что мы сейчас, в нашей жизни, находимся на границе двух эпох — в том переходном периоде, где мы являемся свидетелями полного крушения старого, отжившего строя жизни — того, чем жила и дышала Средняя Азия на протяжении многих столетий, лишь в общем сравнительно медленно эволюционируя на пространстве и времени, и с другой стороны, наблюдаем вступление среднеазиатских народов на путь новой жизни — широкий и мощный путь социалистического строительства, указываемый Коммунистической партией и ее вождями. Исчезновение старого, захилевшего, отжившего — естественный жизненный закон. С научной точки зрения, работая с энтузиазмом над прокладкой новых путей, можно пожалеть, конечно, не о том, что старый уклад жизни среднеазиатских народностей Средней Азии, включая сугубо и Казахстан, исчезает с невероятной быстротой, на наших глазах, но о том, что он уносит в пропасть забвения, не будучи хотя бы сколько-нибудь в достаточной степени изучен и зафиксирован для науки и научных описаний, в графике, не будучи представлен в сколько-нибудь соответствующей форме в музейных коллекциях и пр.».[39]

Радуясь величественным перспективам социалистических преобразований и постоянной заботе Советской власти о культурном строительстве в республиках Средней Азии, М. С. Андреев писал: «И как сразу переменилась жизнь под влиянием великих благ советской культуры, проникшей в самые отдаленные уголки глухих горных долин. Головокружительным вихрем ворвались потоки новых идей вместе с ошеломляющими обитателей гор техническими усовершенствованиями и открывшимися новыми социальными горизонтами... Мы можем только радоваться великой перемене».[40]

Ученого привлекали широкие возможности, открывающиеся перед этнографией, как составной частью всей советской науки.

«Внутренняя жизнь Средней Азии за минувшее столетие до сих пор очень мало изучена, несмотря на имевшиеся к тому возможности после завоевания среднеазиатских пространств Россией. А между тем такое изучение представляет собой большую важность для понимания как огромного исторического процесса перехода всей среднеазиатской жизни на новые рельсы социалистического строительства, так и для уяснения себе многих деталей предшествовавшего периода вообще».[41] Только после победы Октябрьской революции можно было приступить к более широкому изучению быта народов Средней Азии и т. д.[42]

Эти мысли были высказаны М. С. Андреевым тогда, когда трудности, вызванные гражданской войной и иностранной интервенцией, недостатком продовольствия и топлива, тяжело отражались на жизни и деятельности ученых.[43] Они страдали от недоедания и холода, от снижения работоспособности и трудностей быта.[44] Это было суровое для научной работы время, когда научные работники подтапливали печи старыми корректурами и рукописями, а свой скудный паек вынуждены были делить между членами своей семьи и т. д.[45]

М. С. Андреев выступил за советскую науку именно тогда, когда отдельные группы старых ученых с целью подрыва новой власти продолжали участвовать в саботаже.[46] То было время, когда немалое число ученых соблазнилось и воспользовалось заграничными командировками для бегства с Родины.

М. С. Андреев как представитель прогрессивной русской интеллигенции перешел на сторону новой власти тогда, когда Советы особенно остро нуждались в специалистах-ученых.

М. С. Андреев после установления Советской власти обратил особое внимание на вопросы подготовки научных кадров. Без научных работников, говорил он, — «невозможно организовать правильное и серьезное этническое изучение Средней Азии, и таких работников необходимо создать. Создать их тем более настоятельно необходимо, что этого настоятельно требуют и общегосударственные интересы. Изучать народы Средней Азии, вовлекать их в орбиту нашего государственного организма, прислушиваться к их народному дыханию — одна из важнейших задач, настоятельно диктуемых жизненными

интересами края».[47] В изучении прошлого таджикского народа, говорил М. С. Андреев, большие возможности у «подрастающей молодежи, начинающей работать, и той, которой еще предстоит работать в будущем. От их здоровой любви и интереса к родной старине зависит многое».[48] Целое поколение советских ученых-востоковедов — Е. М. Пещерева, Н. Н. Ершов, А. К. Писарчик и другие — прошло научную школу М. С. Андреева. Он был отзывчивым наставником и консультантом многочисленных научных работников и аспирантов республик Средней Азии. М. С. Андреев — прекрасный педагог-воспитатель советской молодежи — студентов вузов среднеазиатских республик. Первые аспиранты-таджики, будущие этнографы и искусствоведы — М. Рахимов и Н. Нурджанов — прошли первую плодотворную этнографическую практику под руководством Михаила Степановича.

М. С. Андреев честно и самоотверженно работал как ученый, в широком смысле этого слова. Он собрал огромное количество материалов, написал ряд трудов по лингвистике и этнографии народов Средней Азии.

В настоящей работе освещены жизнь и деятельность востоковеда М. С. Андреева, показано, главным образом, его деятельное участие в этнографическом изучении Таджикистана, в многочисленных экспедициях. Авторы не могут претендовать на исчерпывающую оценку мировоззрения ученого. Это должно стать предметом специального исследования.[49]

Приходится сожалеть, что в научной литературе, помимо двух энциклопедических заметок[50] и единственной статьи А. К. Писарчик,[51] нет исследований о жизни и деятельности М. С. Андреева. Написание такой работы во многом содействовало бы выявлению роли и места отечественного востоковедения как в истории культуры народов Средней Азии, так и в истории мирового востоковедения.

Научная деятельность М. С. Андреева совпадает с эпохой, связывающей советское востоковедение с русским дореволюционным. Поэтому вопрос об отношении М. С. Андреева к научным традициям, о месте его в истории науки имеет важное значение для истории русского и советского востоковедения и прежде всего — для изучения прошлого Таджикистана. Нельзя не согласить-

ся с пожеланием известного востоковеда А. Н. Кононова, который считал, что «в интересах полного выявления роли и места отечественного востоковедения в истории нашей культуры, в истории мирового востоковедения, круга проблем, изучавшихся отечественными востоковедами, выявления преемственности, подведения итогов, в целях выявления сильных и слабых сторон прежних направлений и пр. — совершенно необходимо создать монографии о научной деятельности целого ряда выдающихся отечественных востоковедов».[52]

Учитывая важный вклад М. С. Андреева в развитие отечественного востоковедения, один из авторов настоящей работы — Х. Ф. Акрамова написала и в 1969 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Жизнь и научная деятельность члена-корреспондента АН СССР Михаила Степановича Андреева».[53] Х. Ф. Акрамовой был опубликован ряд научных статей, посвященных творческой деятельности М. С. Андреева, что, несомненно, во многом помогло при написании этой книги.[54] В дальнейшем Н. М. Акрамову удалось обнаружить новые архивные материалы, которые позволили внести существенные дополнения в оценку научной деятельности М. С. Андреева. Это и обусловило написание данной работы двумя авторами.

Методологической основой исследования явились труды классиков марксизма-ленинизма, решения съездов КПСС и постановления Советского правительства. Первостепенное значение для нас имели высказывания В. И. Ленина, посвященные отношению Коммунистической партии и Советского государства к старой интеллигенции и научному наследию, оставленному дореволюционными учеными. Подчеркивая эту огромную роль В. И. Ленина в привлечении научной интеллигенции к социалистическому строительству и перевоспитанию старой интеллигенции, А. В. Луначарский писал: «Наука, наверное, никогда не забудет Владимира Ильича Ленина, который оказал ей такую мощную поддержку в тяжелые минуты, который так верно понял ее необъятное место в строительстве и так точно предвидел неизбежность гармонизации ее функций с дальнейшей историей нашей страны».[55]

Источниками данной работы явились многочисленные материалы, хранящиеся в архивах Института истории

им. А. Дониша АН Таджикской ССР, в личном фонде М. С. Андрева (г. Душанбе), в архиве Внешней политики России (г. Москва), в архиве Академии наук СССР (г. Ленинград), в архиве Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого, в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (г. Ленинград), в архиве Русского географического общества (г. Ленинград), в Центральном государственном историческом архиве Узбекской ССР, в архивах Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина (г. Ташкент), Музея истории народов Узбекистана (г. Ташкент), Музея искусств Узбекской ССР (г. Ташкент), Республиканского музея истории культуры и искусства Узбекской ССР (г. Самарканд), Музея этнографии им. М. С. Андреева при Институте истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР (г. Душанбе), Государственного республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительного искусства (г. Душанбе), в Центральном государственном архиве Таджикской ССР, в архиве Академии наук Таджикской ССР (г. Душанбе), в Ленинабадском областном историческом архиве и др.

Среди этих архивов личный архив М. С. Андреева, хранящийся в секторе этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, является самым большим, насыщенным научными материалами фондом по избранному нами вопросу. В нем хранится богатейший материал, собранный ученым во время многочисленных экспедиций и в ряде случаев еще не обработанный и не опубликованный.[56] По этой причине нам не всегда удавалось точно указать название дела, документа и даже нумерацию листов цитированных материалов.[57]

Использованные нами дела из личного архива ученого можно разделить на следующие категории.

1. Записи, произведенные М. С. Андреевым во время экспедиций. Как известно, на протяжении своей жизни ученый много путешествовал по Средней Азии, побывал в зарубежных странах Востока. Во время своих поездок и экспедиции М. С. Андреев вел записи образцов говоров, диалектов, верований и обычаев народов Средней Азии. Дореволюционные путевые и научные записи ученого хранятся в архиве Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР. В личном архиве М. С. Ан-

дреева хранятся послереволюционные записи экспедиции 1924 г. в Матчу, Каратегин, Гиссар и Ягноб,[58] экспедиции 1925 г. по маршруту Ягноб, Душанбе, Каратегин, Дарваз, Припамирье, Памир и Ош,[59] которые являются не только научными отчетами ученого, но и содержат также немалое количество материалов мемуарного характера.

Записи, обнаруженные в архиве ученого, свидетельствуют, что уже в 1921 г. он начал усиленно готовиться к предстоящей (в 1926 г.) поездке в Афганистан.[60] Об этой экспедиции (1926 г.) сохранились два подробных научно-путевых отчета ученого, которые содержат немало до сих пор неопубликованных материалов по языку и этнологии таджиков Афганистана.[61]

Большое место в архиве ученого занимают как лингвистические, так и этнографические материалы по Ягнобу, собранные М. С. Андреевым в 1924, 1925 и больше всего в 1927, 1928, 1929 и 1934 гг.,[62] из которых недавно А. К. Писарчик опубликованы записи 1927—1928 гг.[63]

Большое значение имеют записи ученого, произведенные им в 1928 г. во время поездки в сел. Касан (на севере Ферганы)[64] в 1929 г.[65] и в 1943 г. — в долину Хуф,[66] в 1936 г. — в Бухару и Хорезм,[67] в 1937 г. — в Нур-Ата и Маргелан.[68] В указанных (и других) отчетах ученого собрано огромное количество материала, имеющего первостепенное значение в изучении истории и истории культуры народов Средней Азии. В ягнобских записях М. С. Андреева, например, собран и частично систематизирован огромный материал по лингвистике, а именно ягнобские сказки, ягнобско-русский словарь, записи по грамматике и таблица ягнобских глаголов. В этнографической части этих записей дано «географическое описание долины, перечень перевалов и их характеристика, сведения о ягнобских селениях, количестве домов в них, сведения об административном делении Ягноба до революции, исторические предания, сведения об общественной жизни, пережитках общины, обычае побратимства, наследственном праве, об антропологическом типе ягнобцев, о хозяйственной деятельности (главным образом земледелии и животноводстве), об отходничестве, товарообмене, о рождении ребенка, обычаях и обрядах, связанных со смертью, сведения о мерах и счете времени, о народных праздниках, верованиях и суевериях, а также некоторые сведения о жилище (главным образом планы

и терминология), об одежде и питании. Имеется также папка с собранным в Ягнобе гербарием».[69]

2. Этнографические и лингвистические материалы о долине Хуф. В архиве ученого сохранились записи, сделанные им в 1901 г. в Ташкенте со слов хуфца Гулям-ша (132 стр.); дополнения и исправления к ним, сделанные им в 1929 г. (23 стр.); записи экспедиции 1929 г. (свыше 250 стр.) записи экспедиции 1943 г. в Хуф, Язгулем, Рушан, Бартанг и Шугнан (свыше 320 стр.); записи девяти сказок на хуфском языке с переводом и примечаниями на русском языке; таблицы хуфских глаголов (свыше 470 стр.) с параллелями на шугнанском, рушанском, бартангском, реже — на ишкашимском и ваханском языках и т. д.

В настоящий раздел можно внести также огромное количество материалов, сохранившихся в архиве ученого о хуфских верованиях, праздниках, религиозных обрядах и т. д.

3. Материалы о деятельности М. С. Андреева в Музее искусств Узбекской ССР. В архиве имеются следующие рукописи ученого, связанные с историей искусства народов Средней Азии и содержащие материалы, собранные им во время экспедиций, посланных музеем: «Орнамент Средней Азии» (Зарисовки элементов орнамента памирских киргизов, многочисленные фотографии и записки об орнаменте);[70] «Записки по Бухаре и Хиве во время экспедиции 1936 г.»;[71] «Ташкентские памятники и архитектурный орнамент»;[72] «Материалы по постройке ташкентских зданий»;[73] «Цехи, ремесла, народные мастера»;[74] «Резьбу по ганчу. Ташкент, Бухара, Маргелан» (здесь же *приводятся биографии ряда мастеров, терминологи*ческие материалы);[75] «Свитки» (Экземпляр статьи с описанием свитков, фото, листки с записями);[76] «Каллиграфия» (по бухарским каллиграфам);[77] «Бухарские потолки, жилой дом»;[78] «Хивинский кукольный театр. Пьеса»;[79] «Путеводитель по Хиве» (Перечень и краткая опись хивинских памятников)[80] «Архитектурные памятники Маргелана» (Записи во время экспедиции 1937 года и фото);[81] «Шелкоткацкое производство в артелях Маргелана»;[82] «Газганский мрамор»[83] и др.

4. Автобиографии. Наиболее ранняя автобиография М. С. Андреева «Материалы к автобиографии», написанная в 1927 г., состоит всего из трех страниц.[84] Автобио-

графии, написанные в дореволюционный период, в личном архиве ученого не сохранились. Дореволюционная и послереволюционная жизнь и деятельность М. С. Андреева освещены в последующих «Автобиографиях», написанных в 1929[85] и 1932 гг.,[86] в «Некоторых дополнительных сведениях к автобиографии» (1937 г.);[87] имеется в архив «Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней» (1938 г.);[88] «Автобиографии», написанные в 1940[89] и 1944[90] гг.; «Автобиографические сведения 1945 г.»,[91] «Воспоминания. Записано со слов М. С. Андреева А. К. Писарчик» (1946 г.)[92] и др.

Автобиографичские материалы послужили одним из важных источников при написании книги.

5. Научные отчеты М. С. Андреева. В архиве М. С. Андреева хранятся ежегодные отчеты о его работе как члена-корреспондента АН СССР с 1929 г. и действительного члена АН Узбекской ССР с 1943 г. Наиболее подробными насыщенными материалами можно считать отчеты, написанные М. С. Андревым в 1929,[93] 1939,[94] 1940,[95] 1942,[96] 1943,[97] 1944,[98] 1945,[99] 1946,[100] 1947[101] гг. Из этих отчетов были почерпнуты сведения по широкому кругу вопросов, связанных с научной и научно-организационной деятельностью ученого.

6. Много ценных данных о педагогической деятельности М. С. Андреева было извлечено из документов: «Народное образование» (Ходжент);[102] «Материалы по Ходжентскому периоду и переписке»;[103] «Рапорты об открытии школ, увеличении финансов и др.» (Ходжентский период»;[104] «Восточный институт»;[105] «Востфак»;[106] «Архив Востфак. Организация института этнографии при Востфаке и т. д.»;[107] «Архив САГУ»;[108] «Лекция по персидскому языку»;[109] «Программа. Прохождение таджикского языка на I курсе Восточного факультета САГУ»;[110] «Программа. Прохождение таджикского языка на II курсе Восточного факультета САГУ. 20 ноября 1928 г.»;[111] «Программы курса таджикского языка для IV семестра педфака САГУ в течение первого полугодия 1931 г.»;[112] «Программы по этнографии таджиков»,[113] состоящие из 24 объяснительных пунктов, и др.

7. Эпистолярное наследие М. С. Андреева — это прежде всего его переписка с видными востоковедами.[114] По справедливому замечанию И. Ю. Крачковского, письма являются бесценными очевидцами современности.[115]

Письма как бы открывают дверь в рабочую лабораторию ученого, знакомят с процессом работы и проблемами этнографического, лингвистического и археологического изучения Средней Азии и особенно Таджикистана, которые интересовали ученого еще со школьной скамьи. Использованные нами письма М. С. Андреева раскрывают его повседневную жизнь, отношения к людям, формирование его как ученого-востоковеда, способствуют выявлению некоторых новых штрихов его научной биографии.

Большой познавательный интерес представляют письма М. С. Андреева из экспедиций, написанные им во время путешествий по неизвестным уголкам Средней Азии. В них ученый характеризует язык и быт народов, глубоко раскрывает научное значение описываемых обычаев, ставит вопросы о скорейшем изучении этнографии. По содержанию и форме многие письма представляют большой интерес как непосредственные отклики современника на многие научные и общественные явления за период более чем полувековой активной творческой деятельности.

В своих письмах М. С. Андреев предстал перед нами как крупный исследователь, чья личная жизнь полностью подчинена работе, энергичной деятельности по твердо намеченному плану — последовательному изучению истории и истории культуры народов Средней Азии.

«Ваши письма дышат таким большим научным энтузиазмом, что их чрезвычайно радостно перечитывать», — писал А. А. Фрейман в ответном письме М. С. Андрееву.[116]

М. С. Андреев имел широкий круг адресатов. В личном архиве ученого хранятся многочисленные письма видных ученых и копии ответных писем М. С. Андреева, адресованных В. В. Радлову,[117] В. В. Бартольду,[118] С. Ф. Ольденбургу,[119] Н. П. Остроумову,[120] Б. Д. Грекову,[121] И. Ю. Крачковскому,[122] В. В. Струве,[123] А. А. Фрейману,[124] И. И. Умнякову,[125] Б. Г. Гафурову,[126] З. Ш. Раджабову,[127] Ш. Хусейнзаде,[128] Б. Н. Ниязмухамедову,[129] С. Д. Арзуманову[130] и др. Интересно отметить, что М. С. Андреев, как бы отвечая на вопрос, почему копии его писем, отправленных им другим лицам, сохранились в его личном архиве, писал:

«У меня такой плохой почерк... чтобы не затруднять его дешифрованием своих добрых друзей и знакомых,

я позволяю себе писать им на машинке. Так было и с последним моим письмом к Вам. Случайно мне попалась сейчас копия с него и, случайно, пробежав текст глазами, вижу там один пропуск, довольно досадный... посылаю Вам вставочку» и т. д.[131]

8. В архиве ученого хранится огромное количество материалов, написанных им в течение 1920—1940-х годов и посвященных вопросам уходящего старого быта среднеазиатских народов. В одном из них, подчеркивая научную важность и необходимость скорейшего изучения обычаев народов Средней Азии, М. С. Андреев писал:[132]

«Этнографическое изучение как Средней Азии, так, в особенности, Узбекистана (о Таджикистане в работе говорится очень подробно. — **Х. А.** и **Н. А.**) имеет огромную важность и содержит в себе целый ряд неотложных актуальных задач. В то время, как многие научные общества и учреждения и сотни специальных отдельных научных работников собирали в течение десятков лет материал по этнографии Центральной России, Сибири, Кавказа и других мест, не считая огромной художественной литературы, где в произведениях разных писателей освещен русский быт за истекшие столетия, в отношении Узбекистана (и Таджикистана. — **Х. А.** и **Н. А.**) до Великой Октябрьской революции в этом отношении было сделано очень мало. Между тем научное этнографическое изучение народов Узбекистана имеет значение не только для удовлетворения научных, административных, хозяйственных и других запросов, но и выдвигается существующим положением **как очень важный путь для изучения истории культуры Узбекистана.** Дело в том, что, как известно, *нарративный характер старых письменных источников* по Средней Азии дает очень мало сведений по истории культуры Узбекистана и Средней Азии вообще. Очень важный материал в этом отношении сохранился в реликтах прежнего строя жизни, и изучение с этой точки зрения такового является одной из самых настоятельных современных задач этнографического изучения Узбекистана, где нужно очень спешить с регистрацией исчезающих сторон необычайно быстро уходящего старого быта, сохранив возможно полное научное представление о нем для советской науки как в экспонатах музейных коллекций, так, в особенности, в соответствующих описаниях» и т. д.[133]

Представляют большое научное значение следующие рукописи, хранящиеся также в личном архиве ученого, под рубрикой «О собранном мною в разное время (начиная с конца XIX ст. по 1942 г.) материале по языку и быту народов Средней Азии, до сих пор еще неизданном и большею частью неподготовленном к изданию»;[134] «Материалы к проекту организации сбора по Таджикистану археологических находок и сведений археологического характера»;[135] «Ближайшие задачи, над которыми следует в будущем работать Институту истории, языка и литературы» (Таджикского филиала АН СССР);[136] «К проекту Музея истории, истории культуры и этнографии Узбекистана»;[137] материалы по истории Бухары[138] и многие другие.

Материалы о научной деятельности М. С. Андреева с 1895 по 1902 гг. хранятся в архиве Института востоковедения АН СССР (фонд № 3). «Они попали туда вместе с архивом академика К. Г. Залемана, которому М. С. передавал тогда все свои записи».[139] Большинство из них составляют материалы о лингвистике и этнографии шугнанцев, дарвазцев, ишкашимцев, ваханцев, хуфцев, язгулемцев, ягнобцев и др.

Среди материалов Архива АН СССР (г. Ленинград) наибольший интерес представляет для нашей работы переписка М. С. Андреева с В. В. Бартольдом, С. Ф. Ольденбургом, «Характеристики научной деятельности М. С. Андреева», представленные С. Ф. Ольденбургом,[140] Н. Г. Маллицким и А. В. Панковым.[141] Материалы о дореволюционной жизни и деятельности М. С. Андреева — годы учебы, педагогическая, начало научной деятельности и особенно работа в области народного образования[142] почерпнуты из фондов Центрального Государственного исторического архива Узбекской ССР.

В архиве Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина наряду с многочисленными материалами, свидетельствующими о послереволюционной педагогической деятельности М. С. Андреева, хранятся отзывы Н. Г. Маллицкого и А. А. Семенова о жизни и научной деятельности ученого.

Ценные материалы о деятельности М. С. Андреева на поприще дореволюционного народного образования и о его участии в работе «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» хранят-

ся в Центральном государственном архиве Таджикской ССР.

Использованные нами документы и материалы из других фондов музеев, научных организаций и обществ Ленинграда, Ташкента, Самарканда, Ленинабада, Душанбе и других городов во многом обогатили наши сведения о сотрудничестве ученого с музеями.

Важнейшим источником явились научные труды самого М. С. Андреева, печатные отчеты о его научных экспедициях и командировках. Отдельные, порой весьма ценные сведения о жизни и научной деятельности М. С. Андреева были извлечены из историографической литературы и официальных материалов тех научных учреждений, в которых работал М. С. Андреев.

Мы использовали материалы бесед и учли замечания товарищей, близко знавших М. С. Андреева и работавших вместе с ним — академика Б. Г. Гафурова, академика Академии наук Таджикской ССР З. Ш. Раджабова, члена-корреспондента АН Таджикской ССР Б. И. Искандарова, докторов исторических наук А. М. Беленицкого, Н. А. Кислякова, Е. М. Пещеровой, М. В. Попова, О. А. Сухаревой, доктора филологических наук С. Д. Комиссарова, заслуженного деятеля науки Таджикской ССР А. К. Писарчик, кандидатов филологических наук Р. Л. Неменовой, Х. Каримова, кандидатов исторических наук М. Н. Ивановой, М. В. Сазоновой, А. Ш. Шакирова, поэта Т. Пулоди и знавших его жителей Ходжента (Ленинабада) Ходжихан Умарова, Ата-Мулло Азимова, Х. Эшонова и др.

Многие коллеги участвовали в обсуждении этой работы, сделали очень ценные замечания и сообщили важные сведения. Среди них мы должны прежде всего отметить заслуженного деятеля науки Таджикской ССР, доктора исторических наук, профессора А. Р. Маджлисова, докторов исторических наук Е. А. Давидович, Н. А. Халфина, доктора географических наук В. В. Цыбульского, кандидатов исторических наук Н. А. Кузнецовой, Л. М. Кулагиной и Юсупова Ш. Авторы приносят глубокую благодарность всем вышеперечисленным коллегам.

Драгоценные сведения о научной биографии М. С. Андреева имеются в работе ученика, помощницы ученого, видного этнографа Таджикистана Антонины Константиновны Писарчик. В 1960 г. А. К. Писарчик опубликовала

исследование под названием «Михаил Степанович Андреев (1873—1948)».[143] Труд А. К. Писарчик — это первая и наиболее полная опубликованная работа, в которой, наряду с данными научно-биографического характера, приводится краткое описание научного архива и помещен список опубликованных работ М. С. Андреева. Однако в связи с ограниченностью объема статьи А. К. Писарчик не имела возможности детально осветить все стороны деятельности М. С. Андреева, она также не имела возможности привлечь материалы из центральных архивов и тех учреждений, где работал или с которыми был связан ученый до приезда в Таджикистан. «Настоящий краткий биографический очерк,—отмечала А. К. Писарчик, — написан на основании материалов, хранящихся в научном архиве М. С. Андреева. Больше всего сведений почерпнуто из официальных автобиографий, представлявшихся М. С. Андреевым в различные учреждения, где он работал (особенно из наиболее подробной автобиографии 1944 г., написанной для ЦК КП Узбекской ССР). Кроме них, были использованы докладные записки М. С. Андреева «О собранном мною в разное время (с конца XIX в. по 1942 г.) материале по языку и быту народов Средней Азии...» и «Ушедший старый быт народов Средней Азии и важность его скорейшего научного изучения» (1942 г.), а также записи его устных рассказов.

Написание полной биографии М. С. Андреева требует сбора архивного материала в многочисленных учреждениях, где работал или с которыми был связан, чего я при работе над очерком не имела возможности сделать».[144]

Публикация работы А. К. Писарчик имела важное значение. В ней даны сжатое и вместе с тем систематическое изложение основных фактов биографии М. С. Андреева, общая характеристика его научной деятельности, введены в научный обиход множество ранее неизвестных фактов.

Статья А .К. Писарчик проникнута величайшим уважением к М. С. Андрееву. Она написана человеком, близко знавшим ученого и во многом помогавшим ему в научной работе. «А. К. Писарчик все время помогала мне в научных работах... и без ее помощи они не могли бы быть выполненными в имеющихся размерах»,[145] — отме-

чал М. С. Андреев в своем научном отчете за 1945 г.

При написании книги мы во многом опирались на работу А. К. Писарчик и считаем своим долгом выразить ей искреннюю благодарность за многочисленные советы и любезно представленную нам возможность ознакомления с малоизвестными архивными материалами и труднодоступной литературой.

С большой благодарностью мы должны отметить участие в работе над книгой ее научного редактора, доктора исторических наук Б. А. Литвинского, чьими ценными советами авторы пользовались в процессе написания книги и подготовки ее к печати.

ГЛАВА I

НАЧАЛО НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. С. АНДРЕЕВА

М. С. Андреев родился в Ташкенте 11 (24) сентября 1873 г. Отец его Степан Митрофанович 14-летним мальчиком поступил на службу к оренбургскому купцу, который посылал его со своими караванами в Среднюю Азию. В первое же путешествие Степан Митрофанович непосредственно познакомился с бытом казахов. Это случилось в то время, когда шли бои за Ташкент, и начавшиеся военные действия помешали каравану следовать своим путем. Пришлось погонщикам каравана вернуться к своим кочевьям в степь. Два или три года вместе с ними Степан Митрофанович жил с казахами, хорошо овладел их языком, познакомился с бытом кочевников. Возможно, что эти знания отца пробудили интерес к Востоку и у его сына М. С. Андреева.[146]

Начальное образование М. С. Андреев получил в Ташкентской мужской гимназии,[147] где он проучился 6 лет (2 года в приготовительных и 4 года в основных классах). Вспоминая об учебе в гимназии, М. С. Андреев говорил, что он тогда учился довольно успешно, за что получил даже похвальный лист.[148]

В центральном государственном историческом архиве Узбекской ССР хранятся экзаменационные ведомости учеников IV класса Ташкентской мужской гимназии за 1889 г., в которых имеются текущие и годовые отметки гимназиста М. Андреева, ученика IV класса Ташкентской гимназии. Судя по этим оценкам, М. Андреев учился довольно усердно.[149]

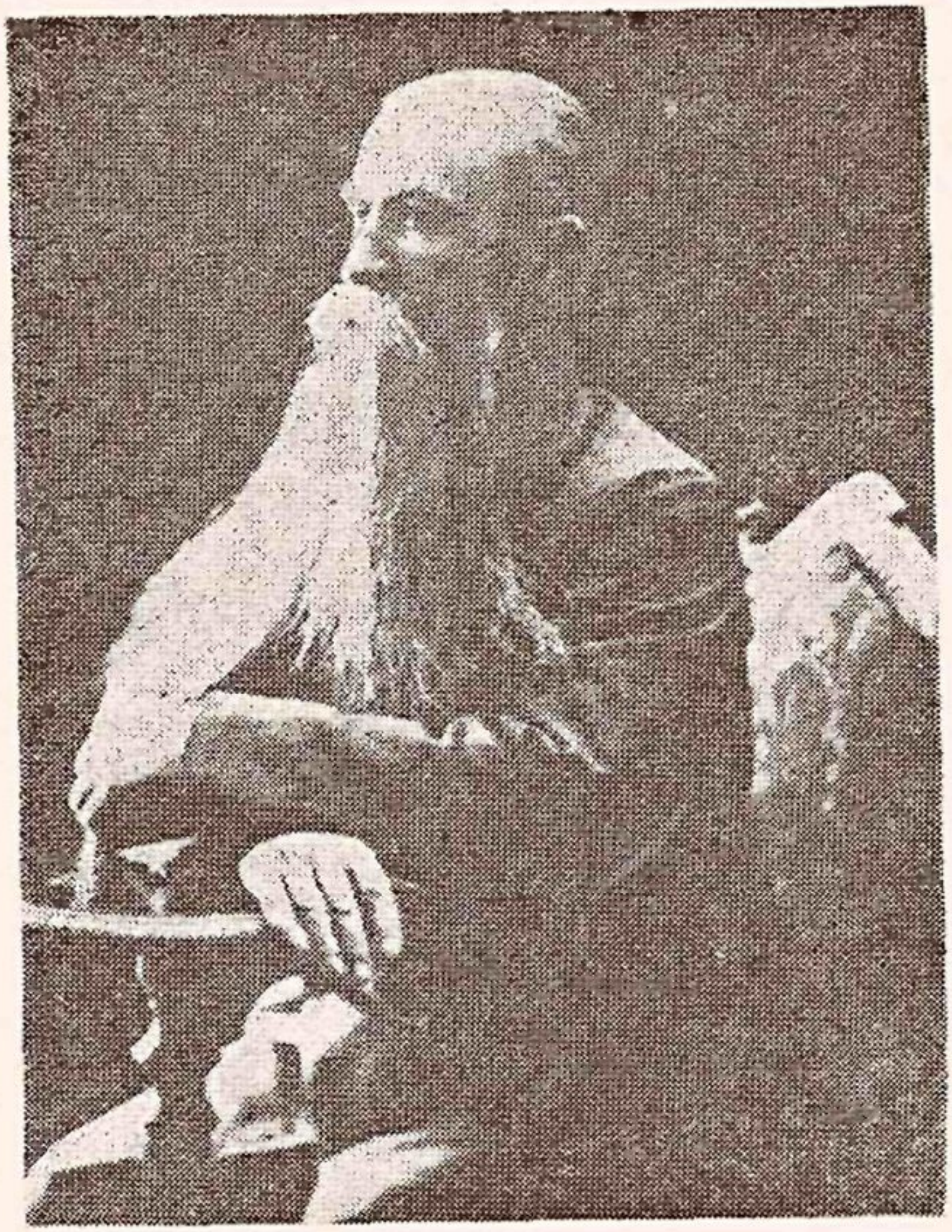

Рис. 2. Отец М. С. Андреева Степан Митрофанович Андреев.

Еще в годы учебы в Ташкентской мужской гимназии М. С. Андреев проявил интерес к местным языкам и начал изучать их. Овладеть местными языками для не имеющего ни руководителя, ни учебных пособий мальчика было очень трудно. Вот почему М. С. Андреев, не окончив остальных 4 классов гимназии, в 1889 г. перешел в Туркестанскую учительскую семинарию, которая тогда была единственным в Ташкенте учебным заведением, где преподавались персидский, т. е. таджикский, узбекский и арабский языки. Впоследствии М С. Андреев писал об этом:

«Несмотря на скромный заработок, мои родители (они были мещанами. — **Х. А.** и **Н. А.**)[150] постарались, когда я подрос, отдать меня в Ташкентскую гимназию (я был единственный сын). Продолжая учиться в ней, я почувствовал некоторый интерес к местным языкам, которые я не знал, и начал стремиться к их изучению. Это тогда было для не имеющего руководства и пособий мальчишки очень трудно, вернее даже невозможно. Я оставил поэтому гимназию и перешел в местную учительскую семинарию, где не только тогда преподавались местные языки (персидский и узбекский, отчасти, одно время, арабский), но где был такой прекрасный преподаватель, как известный знаток языков и быта Средней Азии покойный В. П. Наливкин».[151]

Гимназист М. С. Андреев, получивший хорошие отметки[152] по основным предметам, прошел по конкурсу[153] и был принят в четырехклассную мужскую учительскую семинарию г. Ташкента, являвшуюся тогда единственной педагогической школой на всей территории Средней Азии.[154]

Учебный план по семинарии включал изучение следующих предметов: педагогика, русский и церковно-славянский язык, математики, местные языки: узбекский и персидский (таджикский), русская история и краткие сведения из общей истории, география, естествознание и физика, практика местных языков: узбекский и персидский (таджикский), чистописание, черчение, рисование, закон божий.

Воспитанники семинарии обучались пению и музыке, гимнастике и ремеслам, садоводству, огородничеству.[155] Эти занятия проходили в особо назначенное педагогическим советом время.[156] В семинарии изучали сапожное и столярное мастерство,[157] а в I-м классе один урок в неделю отводился на восточную каллиграфию.[158]

В годы учебы Андреева в Ташкентской семинарии царили православно-монархический дух и великодержавно-шовинистическая ограниченность.[159] В многочисленных, порой «секретных» материалах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Узбекской ССР, содержатся инструктивные письма о характере обучения в семинарии. В одном из них отмечается: «Семинария имеет своей задачей приготовлять учителей для низших школ края как русских, так и русско-тузем-

ных, и тем способствовать воспитанию русского населения в духе святой православной веры, преданности престолу и отечеству, а туземного населения — в духе начала русской жизни и русской гражданственности. Если воспитание русского населения Туркестанского края может быть поручено приглашаемым из внутренней России учителям, то, наоборот, дело воспитания и образования детей туземцев в русском духе ни в каком случае не может быть поручаемо этим лицам. Приглашенные из внутренней России учителя не только не знакомы с языком и религией, с бытом, условиями жизни и характером здешних инородцев, но в большей части случаев им неизвестны те высокой государственной важности цели и стремления, которые лежат на нас здесь и к осуществлению которых стремится правительство; они не воспитали в себе надлежащим образом идеи обрусения инородца... Она (т. е. семинария) именно должна и может давать для края таких лиц, которые постепенно должны вести среднеазиатского туземца к полному слиянию с русским населением. Вот почему наше правительство и высшая местная администрация края, следуя мудрой политике, не довольствуясь внешним завоеванием края, подчинением его России и задумав одержать духовно-нравственную, культурную победу над ним, присоединить его, так сказать, органически к метрополии, озаботилось открытием в нем учительской семинарии, приноровив учебный курс ее к местным потребностям, и русско-туземным школам».[160]

Выразителем такого великодержавно-националистического духа в семинарии был прежде всего ее директор — М. А. Миропиев, для которого характерна произнесенная им речь на годичном торжественном акте учительской семинарии на тему «Какие главные принципы должны быть положены в основу образования русских инородцев-мусульман?».[161] В ней Миропиев, в частности, сказал, что Туркестанская учительская семинария имеет две главные задачи — «приготовление учителей в народные училища края и обрусение инородцев», и что «русификационная» политика лежит в основе «человеческих и божественных законов» и, следовательно, «принуждение и ограничение» прав местной национальности в процессе проводимой царизмом русификационной политики вполне «законно и естественно». И, наконец, Миропиев под-

черкивал, что если мы «не проглотим нашего инородца, то он проглотит нас».[162] Проводники политики царизма понимали, что в «успешном» проведении русификаторской политики немалая роль принадлежит лицам, знающим местные языки. Вот почему педагогический коллектив семинарии добивался того, чтобы выпускаемые учителя владели языком своих будущих учеников из коренного населения, ибо, как утверждал генерал-губернатор Розенбах, «без знания сартовского и персидского языков я не вижу никакого успеха для русского учителя в тузем-ной школе».[163] Изучение местных языков в основном проводилось в целях ведения «культурной, идейной борьбы с теми стремлениями местных самоуправлений, которые опасны для империи» и т. д.[164] Буржуазно-помещичья политика царизма по отношению к народам Туркестана сводилась к тому, чтобы калечить их культуру, держать их в невежестве и, наконец, по возможности русифицировать их.[165]

Царизм, писал А. А. Семенов, «приучал русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на нисшую расу, называл их официально инородцами».[166]

Следует вместе с тем иметь ввиду, что в Ташкентскую учительскую семинарию, несмотря на официальный русификаторский дух преподавания, «проникла и прогрессивная мысль (как общественно-политическая, так и педагогическая)».[167]

Несмотря на недостатки в преподавании, воспитанники семинарии могли получить прочные знания по языку и определенный запас сведений по истории Востока. В частности, М. С. Андреев самостоятельно углублял свои познания в области языков и истории народов Средней Азии. «Характерной чертой моих занятий было то, что я всегда занимался не тем, что было обязательно, а тем, что меня интересовало», — вспоминал впоследствии М. С. Андреев.[168]

На формирование научных интересов будущего лингвиста и крупнейшего этнографа таджикского народа М. С. Андреева большое влияние оказал преподаватель местных языков в семинарии В. П. Наливкин. Уже на склоне лет М. С. Андреев писал о своем научном наставнике: «В первый год моего пребывания в семинарии языки преподавал В. П. Наливкин, который удивительно

умел без всяких выговоров и наказаний заставить учиться».[169]

В период педагогической деятельности В. П. Наливкина, с января 1885 до мая 1890 г., семинария стала научным центром по изучению узбекского и таджикского языков. Наливкин не ограничивался в преподавании узкими языковыми рамками, а попутно прививал интерес семинаристам к изучению хорошо ему знакомых обычаев узбеков и таджиков, к истории Средней Азии.[170] По инициативе Наливкина практиковалась отправка воспитанников семинарии на летние каникулы в кишлаки с целью сбора этнографических материалов и т. д.[171] К великому огорчению будущего этнографа и диалектолога М. С. Андреева, в 1890 г. В. П. Наливкин был назначен инспектором мусульманских школ в Туркестане и вынужден был покинуть семинарию.[172] Вспоминая о случившемся, М. С. Андреев пишет: «На второй год моей учебы В. П. Наливкин получил какое-то назначение и ушел, а его заменил некто (Г. А.) Митропольский,[173] окончивший когда-то Лазаревский институт, но давно уже забывший все, что знал, работал много лет совсем в другой области. При нем учащиеся ничего не делали, на уроках открыто играли в шашки, читали книги и т. д. Он этому не препятствовал, вызывал самых слабых учеников, заставлял их читать и кое в чем мог их, конечно, поправлять».

Убедившись в недостаточном знании языка, М. С. Андреев решил заниматься самостоятельно. Он начал с того, что стал зубрить наизусть словарь Наливкина[174] и даже подбил на это одного из своих товарищей, который, впрочем, скоро охладел к этому занятию. Между тем в семинарии распространился слух о том, что М. С. Андреев учит наизусть словарь. Этот слух дошел до директора и до В. Н. Наливкина. Однажды директор вызвал старательного семинариста и сказал: «Владимир Петрович Наливкин просил сказать тебе, чтобы ты приходил к нему заниматься». М. С. Андреев с восторгом принял это предложение и начал читать текст «Калила и Димна». Учиться тогда было очень трудно, так как не было словарей и пособий. Наливкин знал языки прекрасно и давал необходимые разъяснения.[175] Занятия с В. П. Наливкиным как в семинарии, так и затем у него на дому «были для меня настоящим спасением»—писал М. С. Андреев.[176]

Практические занятия по местному языку в семинарии вел сначала Абду-Сатархан Абду Гафаров, а затем вместо него был назначен Сер-Али Лапин,[177] который прекрасно владел русским и узбекским языками, знал таджикский язык.[178]

В то же время М. С. Андреев обучался в медресе Ишан-Кули-Додхо,[179] которое ему приходилось посещать в национальном костюме.[180] Бывая в старой части Ташкента, М. С. Андреев познакомился там однажды с одним из мулло-бачей (студентов медресе) по имени Мулло Мирзо Солех, а через него с домом казия Шариф-Ходжи, затем он стал бывать и в медресе Ишан-Кули-Доджхо, где занимался с мударрисом Убайдулло-Махсумом, окончившим бухарское медресе.[181] В одной из своих автобиографий М. С. Андреев рассказал о той роли, которую сыграло медресе в дальнейшем совершенствовании его этнографических и языковых знаний. «Мударрис и его окружающие были заинтересованы тем, что какой-то русский юнец пришел к ним и выразил желание учиться. Мударрис не только не настаивал, чтобы я читал положенные по курсу книги в их последовательности, но охотно читал со мной персидскую литературу и отрывки из арабских текстов и даже турецкие произведения.

Учение в медресе мне было очень интересным. Оно давало мне возможность знакомиться не только с языками, правда в бухарско-ташкентском произношении моих учителей, но и открывало мне реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи, а в области языка дало мне возможность быстро и свободно говорить и (что казалось мне важным) приучило меня к хорошему ташкентскому произношению. В общем, это как-то хорошо открыло и мое сердце, и приучило уважать и хорошо относиться к людям, и видеть в них доброе и хорошее там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении *которых я вырос в детстве*».[182]

Нет необходимости подробно останавливаться на средневековой схоластической системе преподавания в мусульманских медресе и на устаревших учебных пособиях религиозного характера, которые не давали учащимся даже элементарных научных знаний. В этом отношении медресе Ишан-Кули-Додхо не отличалось от подобных мусульманских учебных заведений. Как отмечал *И. П. Остроумов, медресе Ишан-Кули-Додхо содер-*

жалось «по незаботливости мутаваллия грязно, несмотря на близость к русской части города. Учебная часть в медресе не упорядочена и число мударрисов колебалось. Особенно это замечалось в последнее время. Старший мударрис этой медресе... относился к делу учебному небрежно и противился допущению в медресе других более энергичных мударрисов. Вследствие этого недавно в этой медресе из четырех мударрисов три мударриса только числились, а учебным делом не занимались по старости и болезненности... И этим нисколько не смущался упомянутый мударрис».[183]

Несмотря на недостатки в преподавании[184] и классовую ограниченность преподавателей медресе,[185] М. С. Андреев получил в те годы возможность практически ознакомиться с бытом коренного населения, глубже усвоить местные языки. Он научился читать и писать на арабской графике. Вспоминая об этом периоде своей учебы, М. С. Андреев писал:

«Я не раскаиваюсь, что я так сделал. Это дало мне возможность наблюдать картину старого обучения, помогло мне разобраться в целом ряде терминов, употреблявшихся в обиходе мулл, познакомило с основными устоями и воззрениями среднеазиатских мусульман, а, кроме того, приучило меня к литературному языку, точнее к двум: узбекскому и таджикскому (мой мударрис Убайдулло-Махсум и другие, учившиеся в Бухаре, довольно свободно говорили по-таджикски и любили поговорить на этом языке)».[186] Таким образом, М. С. Андреев, окончив в 1893 г. семинарию, по сравнению со своими сокурсниками значительно лучше знал местные языки. Уже тогда определились склонности пытливого юноши, увлекавшегося лингвистикой восточных языков и литературой народов Средней Азии. «В конце XIX ст. по окончании официального ученья я вступил в жизнь с довольно прочно заложенным теоретическим и практическим знанием таджикского и узбекского языков. Я прошел курс изучения этих языков под руководством известного их знатока В. П. Наливкина. Для практического ознакомления с бытом образованных кругов коренного населения и дальнейшего практического усвоения языков я прошел также некоторый курс обучения в течение 2—3 лет в медресе Ишан-Кули-Додхо. Это дало мне знакомство с бытом образованных кругов, дало разговорный

Рис. 3. М. С. Андреев (1890—1902 годы).

навык, уменье читать и писать и хороший акцент по произношению местных жителей, вначале главным образом г. Ташкента, а потом расширившихся и дальше по пространству, занятому равнинными таджиками (сначала Ходжент), а потом и горных стран — верховьев Зеравшана, населения Каратегина, Дарваза. Я вступил в жизнь скорее как скромный лингвист — увлекался персидской литературой, классиками, читал и произведения на узбекском языке, реже на казахском и Восточного Туркестана, записывал образцы народной литературы» и т. д.[187]

Сама учебная программа семинарии, не без корыстных целей русификаторов края, была направлена прежде всего на то, чтобы воспитанники хорошо овладевали местными языками. Не удивительно, что если в течение одной недели в семинарии ученики изучали математику 11 часов, географию — 9 часов, историю — 8 часов, педагогику — 6 часов, а для освоения местных языков было выделено 37 часов в неделю.[188]

После окончания семинарии М. С. Андреев с 1897 г. продолжал углубленно заниматься в Петербурге освоением теории восточных языков под руководством двух крупнейших специалистов — К. Г. Залемана по иранским языкам и академика В. В. Радлова — по тюркским. К. Г. Залеман[189] на заседании Академии наук от 20 февраля 1902 г. высоко оценил уровень знаний М. С. Андреева. Он сказал, что если до последнего времени, несмотря на все желание как наших, так и иностранных ученых, занимавшихся изучением иранских языков, мы не могли дать более подробные и достоверные сведения о таджикском языке, то «с 1895 г. в Туркестане стал действовать другой исследователь местных племен в лингвистическом и этнографическом отношениях, который, пользуясь отчасти моими указаниями, успел настолько усвоить себе научные приемы, что к его записям специалисты могут относиться с полным доверием. Это — Михаил Степанович Андреев, уроженец края, отлично владеющий» как узбекским, так и таджикским языками. Далее К. Г. Залеман, перечисляя заслуги М. С. Андреева в области изучения таджикских говоров, подчеркивал, что блестящие результаты его работы «не могут не обрадовать сердца ираниста».[190]

Характеризуя впоследствии научную деятельность М. С. Андреева, виднейшие ученые — В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и И. Ю. Крачковский — пришли к выводу, что «при всем разнообразии работ М. С. Андреева его приходится считать главным образом лингвистом».[191]

С. Ф. Ольденбург назвал М. С. Андреева превосходным знатоком целого ряда языков и многочисленных наречий, главным образом иранского корня. Он отмечал, что внимание к языковой стороне культуры никогда не покидает М. С. Андреева, и в каждой его работе мы видим исключительное внимание и наблюдательность по

отношению к каждому имени и к каждому термину. Его сочинения, к которым он присоединяет ценнейшие предметные указатели, дают богатый материал для словаря иранских языков. Та точность, которую М. С. Андреев как хороший лингвист проявляет во всех своих работах по языку, соблюдается им и во всех его этнографических работах, из которых большинство образцовые.[192]

М. С. Андреев рассматривал языковое наследие как исторический документ о прошлом народов. При сборе и записи материалов по языку, отмечал он, «мне стало ясно, какое огромное пособие мы можем иметь для выяснения многих этапов в истории культуры Средней Азии, если взять определенное собрание слов, имеющих отношение к различным этапам культуры, и проработать их соответствующим образом, записывая эти слова на различных языках и говорах среднеазиатских народов».[193]

Характерно пристальное внимание ученого к собиранию и изучению произведений народного творчества — фольклору. Фольклор, подчеркивал М. С. Андреев, ценен прежде всего как «живое свидетельство народа о самом себе. В нем отражается его быт, его семейные и общественные отношения, его домашняя обстановка, его верования, обряды и обычаи. В нем можно проследить пережитки его прошлого, найти указания на давно прошедшие события, давно пережитые верования и настроения».[194] М. С. Андреев приходит к выводу, что древние языки таджикских племен «представляют исключительно важное значение для понимания богатого исторического прошлого таджикского народа».[195]

Записи образцов таджикских говоров ученый производил во время своих поездок и экспедиций, а нередко и в Ташкенте — от приходивших туда на заработки горных таджиков. Но, к сожалению, почти все материалы по таджикским говорам и диалектам, собранные ученым, остались неопубликованными и до настоящего времени необработанными. В научном архиве М. С. Андреева, как и в архиве Института востоковедения АН СССР (г. Ленинград), среди многочисленных неопубликованных работ имеются научно-лингвистические материалы: словарь шугнанского наречия (состоящий из 422 слов с транскрипциями), записанный М. С. Андреевым еще летом 1895 г. в Каратаге от проживавших там шугнанцев; небольшой словарь «канджутского» языка (31 листок

ученической тетради, исписанный с обеих сторон), составленный М. С. Андреевым в 1898 г. во время участия в Турфанской экспедиции Д. А. Клеменца; дарвазские сказки и несколько пословиц и загадок, записанных им от двух дарвазцев в 1900 г. в Ташкенте, которые, по утверждениям специалистов, являются богатыми научными материалами для изучения дарвазских говоров;[196] записи по ишкашимскому языку, сделанные им в 1900—1901 гг. в Ташкенте со слов одного ишкашимца (98 стр.); словари — ишкашимский и ваханский (28 стр.), составленные также в 1900—1901 гг.; язгулемское наречие (9 стр.), составленное в 1902 г.; язгулемский словарь (на 38 стр. с содержанием около 800 язгулемских слов) с пометкой «Окончен 6 сентября 1904 г., Ташкент».[197] Помимо того в архиве ученого хранятся многочисленные неопубликованные языковые материалы, собранные М. С. Андреевым в 1920—1940 гг. в Самарканде, Ура-Тюбе, Ходженте, Матче, Каратегине, Гиссаре, Ягнобе, Душанбе, Дарвазе, Припамирье, Памире, Оше и в других районах Средней Азии. Все эти материалы содержат много интереснейших сведений о таджикском языке и ждут своих исследователей.

Жизнь М. С. Андреева так сложилась что ему не пришлось учиться в высшем учебном заведении. Однако в процессе повседневной работы ученый постоянно пополнял свои знания. Он с гордостью говорил: «Главным моим университетом были мои самостоятельные поездки по Средней Азии». Путешествия молодого М. Андреева начались с того, что в результате усердных занятий в семинарии после первого же учебного года семинарский врач нашел, что здоровье мальчика нуждается в укреплении, и посоветовал, как тогда было принято, отправиться куда-нибудь на кумыс. В заключении семинарского врача отмечалось, что М. С. Андреев, «будучи во 2-м классе семинарии, перенес тяжелый бронхит и плеврит, после чего здоровым себя уже никогда не чувствовал; на втором году плеврит обострился, а в следующем году, когда был в 4-м классе, он перенес крупозное воспаление легких, которое осложнилось обострившимся плевритом, М. С. Андреев лечился кумысом, причем обыкновенно вначале поправлялся, но с наступлением осени вновь заболевал. Ему приходилось часто бывать в больнице семинарии...».[198]

И на семейном совете было решено отправить М. С. Андреева на кумыс, в горы. «Знакомый с местным бытом и нравами отец мой, — вспоминал М. С. Андреев, — решил отправить меня в горы, не мудрствуя лукаво, используя только некоторые знакомства. Мать моя (дочь того купца, у которого служил мой отец), конечно, не относилась к этому путешествию так спокойно, как отец». В конце концов М. С. Андрееву была куплена киргизская лошадь, на которой он доехал до Чимкента, как это было решено на семейном совете. В Чимкенте он встретился с уездным начальником, к которому у него была просьба из семинарии, чтобы тот устроил М. С. Андреева в какой-нибудь киргизский аул на кумыс. Благодаря стараниям уездного начальника М. С. Андреев попал в группу кочующих киргизов. Здесь он не только поправил свое здоровье, но и прекрасно овладел киргизским языком, а ознакомившись с бытом, начал записывать увиденное.

«Киргизы очень привыкли ко мне, — вспоминал М. С. Андреев, — полюбили меня, оценили мои познания. Мой хозяин уговаривал меня остаться совсем в их ауле. Он обещал, что сделает меня «юз-боши» и что мои обязанности будут заключаться в осуществлении всех связей с внешним миром, с администрацией» и т. д.[199]

С этого времени М. С. Андреев пристрастился к одиноким летним поездкам. «Я так привык к этим самостоятельным одиноким поездкам верхом за годы учения, что даже потом, когда прекратилась надобность в лечении кумысом, я с наступлением весны продолжал предпринимать при каждом удобном случае свои одинокие поездки. Круг моих поездок при этом все более и более расширялся, так как мне хотелось побывать все в новых местах и видеть дальше и больше. Так я побывал в верховьях Ангрена, ездил несколько раз из Ташкента в Ходжент и далее в Кзыл-Кумы, в Фергану и Матчу вплоть до Зеравшанского ледника, перевалив на обратном пути через малопосещаемый перевал Янги-Сабак, позднее проехал, а отчасти и прошел пешком через горы из Шахрисябза и Гиссарскую долину в верховья р. Хингоу, а затем в Ягноб и вернулся в Ташкент через Ура-Тюбе» и т. д.[200] Во время этих поездок М. С. Андреев углублял свои знания в области истории, языка, а также этнографии и археологии. Поездки способствовали началу научной деятельности М. С. Андреева.

«Во время моей первой поездки, — вспоминал он позднее, — я начал понемногу записывать».[201] И хотя эти первые записи не дошли до нас, но многие из них наверняка послужили источником последующих научных трудов ученого. В первой опубликованной статье М. С. Андреева «Местности в долине р. Ангрена, интересные в археологическом отношении» использованы впечатления и записи от этих первых поездок.

«Побывав в верховьях р. Ангрена для лечения кумысом, — писал он, — я имел возможность слышать рассказы туземцев о разных вещах, находимых ими в земле, видеть курганы и следы раскопок их туземцами, а также достать несколько древних монет из числа добытых ими в тех места».[202] В этой статье М. С. Андреев сообщает об археологических находках и памятниках, а также преданиях связанных с отдельными местностями долины р. Ангрена — кишлака Канджигалы, Айры-Тама и др.

В статье молодой автор пишет не только о многочисленных археологических памятниках и их значении, но и с огорчением сетует на то, что местные кладоискатели ради личной наживы часто портят, уничтожают дошедшие до нас драгоценные источники прошлой истории края. М. С. Андреев сожалеет о расхищении местными кладоискателями археологического материала. Среди исчезнувших была пряжка, относящаяся к греко-бактрийскому периоду, сделанная из нефрита, «очень изящной работы, с крючком в виде головы орнаментического животного», медные, золотые и серебряные монеты и вещи; медные сосуды с надписями, керамические изделия, кольцы, серьги, браслеты и т. п. Эти кладоискатели усиленно раскапывают курганы, «в особенности по ночам, и добытые монеты и старинные золотые и серебрянные вещи тотчас же, не донося до русской администрации, переплавляют у местных ювелиров на кольца, браслеты и т. п.».[203]

Только что окончивший курс Туркестанской учительской семинарии, М. С. Андреев в своей статье, призывает краеведов и администрацию края принять меры к охране и сбережению археологических находок и памятников материальной культуры народа. Эта статья, как и последующие опубликованные работы, свидетельствует, что М. С. Андреев не только занимался лингвистикой и этнографией народов Средней Азии, но и немалое внимание уделял археологии.

Вслед за В. В. Бартольдом,[204] говоря о скудости письменных источников по древней и средневековой истории народов Средней Азии, М. С. Андреев придавал особое значение археологии. В одном из писем по этому поводу, адресованному коллеге по научным исследованиям, он подчеркивал: «Ведь Вы сами знаете всю скудость письменных источников в отношении прошлого — нарративные, не затрагивающие внутренний строй, историю культуры. И ценнейшим источником явится — в будущем — археология».[205] Мысль о археологических находках как важнейших источниках по изучению прошлой истории народов Средней Азии ученый повторял, обосновывая все новыми аргументами, неоднократно.[206]

М. С. Андреев был одним из первых и активных членов Туркестанского кружка любителей археологии. Известно, что на организационном заседании Туркестанского кружка любителей археологии, состоявшемся 22 декабря 1896 г., «был доложен список из 47 лиц, изъявивших желание вступить в число членов кружка». «Среди этих 47 лиц мы встречаем М. С. Андреева, А. А. Диваева и Н. Г. Маллицкого — бессменных и одних из наиболее активных деятелей кружка, ставших крупными учеными, доживших до победы Великой Октябрьской социалистической революции и снискавших своими трудами и научно-педагогической работой в годы Советской власти признание широкой общественности».[207] В дальнейшем М. С. Андреев на протяжении двадцати лет существования кружка (с 1896 по 1917 г.) принимал активное участие в его деятельности своими сообщениями о находках памятников древности, о состоянии архитектурных сооружений, по поручению кружка он проверял те или иные данные на месте и т. д.[208]

Положительной стороны деятельности кружка явилось знание многими его членами, в том числе М. С. Андреевым, восточных, в частности местных языков.[209] М. С. Андреев был из числа тех ученых, собственно, археологическое наследство которых хотя невелико, но пройти мимо него не вправе ни один археолог, желающий заняться изучением Средней Азии, Таджикистана.[210] Эти ученые — В. В. Бартольд, А. А. Семенов, М. С. Андреев, Н. Г. Маллицкий, вместе с П. И. Лерхом, Н. И. Веселовским, В. Л. Вяткиным, Б. Н. Кастальским и другими положили начало изучению археологии Средней Азии.

Работая в должности заведующего вечерними курсами при Ходжентском приходском училище, М. С. Андреев предпринял на свои скудные средства в 1893—1894 гг. первые поездки по горной части Ходжентского и Самаркандского уездов.[211] М. С. Андрееву посчастливилось тогда стать первооткрывателем длинной арабской надписи в Варухском ущелье,[212] тогда же он посетил пещеру Кони-Гут и установил, что эта пещера является старым, эксплуатировавшимся прежде рудником. О результатах своих поездок М. С. Андреев сделал подробное сообщение членам Туркестанского кружка любителей археологии на общем собрании 26 февраля 1896 г. Он впервые продемонстрировал копии надписи, открытой им в Варухском ущелье. В докладе «О некоторых интересных в археологическом отношении местностях Кокандского, Ташкентского и Ходжентского уездов»[213] М. С. Андреев сообщил несколько собранных им среди местных жителей легенд, относящихся к прошлой истории и исторической топографии Ходжента, об остатках древних строений, так называемых «хона-и-муг», находившихся на правом берегу Сыр-Дарьи, в горах Могол-Тау, напротив Ходжента. Тогда же М. С. Андреев рассказал о старинной надписи, обнаруженной им в Могол-Тау в ущелье Битыклик, об археологических памятниках долины р. Ангрена, о пещере близ Самгара, находящейся в верстах 20—25 к востоку от Ходжента и бывшей соляной копи, о пещере Кони-Гут. Сообщил он, что неподалеку от входа в Кони-Гут находится камень, покрытый надписями и т. д.[214] Один из участников собрания дал высокую оценку докладу М. С. Андреева: «Практикант восточных языков в Туркестанской учительской семинарии и бывший ее воспитанник,—отмечал он,—давно уже интересуется древностями, многие из них посетил и внимательно с ними ознакомился... Доклад г. Андреева был выслушан с большим интересом и заслужил выражение признательности за него со стороны г. почетного президента».[215] Выступление М. С. Андреева вызвало большой интерес. Еще за 3 дня до опубликования его реферата в местной газете подчеркивалось, что в понедельник 26 февраля состоялось весьма интересное общее собрание членов Туркестанского кружка любителей археологии. Недостаток места в газете вынуждает нас отчет о нем отложить до воскресенья.[216] Вскоре после доклада по поручению

кружка М. С. Андреев и Н. Г. Маллицкий совершают поездку в Исфару. Они побывали в пещере Кони-Гут и Варухском ущелье.[217] Тогда М. С. Андреевым были сделаны при «помощи мокрой бумаги и рисования от руки копии надписей на камне в Варухском ущелье».[218] Указывалось, что почерк надписи куфический и время — эпоха арабского завоевания.[219] В июне того же года на заседании кружка любителей археологии М. С. Андреевым было сделано новое сообщение о надписи на камне из Кони-Гута.

Найденный М. С. Андреевым в пещере Кони-Гут камень с надписью вскоре был перевезен в Ташкент. На одном из заседаний кружка было заслушано сообщение Н. П. Остроумова с демонстрированием фотографии этой надписи. Впоследствии выяснилось, что первая строчка, состоявшая из трех строк куфического письма Кони-Гута, оказалась шестнадцатым стихом сороковой суры корана.[220] Но, к сожалению, по сообщению М. Е. Массона, этот камень с надписью пропал из Ташкентского музея еще до революции.[221]

23 декабря 1896 г. на первом годичном общем собрании членов кружка археологии М. С. Андреев выступил с докладом о результатах своей поездки совместно с Н. Г. Маллицким для осмотра пещеры Кони-Гута[222] и ущелья Варух, а также о снятых им копиях надписей с камня близ пещеры и со скалы ущелья Варух и т. д.[223] По мнению Е. А.Давидович и Б. А. Литвинского, результаты весьма непродолжительной поездки в 1896 г. М. С. Андреева и Н. Г. Маллицкого были довольно значительны.[224]

В1895 г. М. С. Андреев по распоряжению директора Ташкентской учительской семинарии и по ходатайству инспектора народных училищ Туркестанского края[225] был командирован по учебному ведомству в Бухару для изучения таджикско-бухарского наречия.[226] Путь из Ташкента в Самарканд он проделал на верховой лошади (железной дороги между этими городами еще не было), а затем по железной дороге от Самарканда до Бухары. В Бухаре он прожил месяца полтора, «приглядываясь к своеобразно кипевшей тогда жизни этого удивительного человеческого муравейника, умственного и духовного центра Средней Азии, а заодно и практикуясь в местном языке». Затем М. С. Аднреев вновь продолжил свой путь

верхом. Он отправился в Карши, а оттуда в Каратаг — летнее местопребывание Гиссарского бека. Вернулся он *обратно по горным тропам через Шахрисябз*, Аман-Кутан и Самарканд, проехав затем верхом до Ташкента. «Как много мне дала эта поездка. Я мог наблюдать жизнь бухарского ханства, как она протекала в провинциях, видел многое из теперь давно уже ушедшего и знакомился с местными наречиями...

...Круг моих географических, этнографических и языковых интересов все более расширялся, и желание узнать, как течет жизнь в других местах, где я еще не побывал, влекло меня в моих поездках все дальше и дальше»,[227] — вспоминал впоследствии М. С. Андреев.

По сообщению А. К. Писарчик, в Каратаге Михаил Степанович познакомился с проживавшим там в изгнании вместе с несколькими своими соотечественниками последним правителем Шугнана Акбар-ша и записал с его слов некоторые сведения о шугнанском языке. Однако систематических этнографических записей в эту поездк он не вел.[228]

В 1895 г. М. С. Андреев опубликовал статью под названием «Остатки языческих обычаев среди тузем-цев»,[229] которая по праву считается первой работой ученого по чисто этнографической среднеазиатской тематике. Подчеркивая поставленную перед собой задачу и определяя назначение статьи, он писал: «Не претендуя на всестороннее рассмотрение предмета, я постараюсь сообщить в немногих словах известные мне черты некоторых местных обычаев, оставшихся от домусульманской эпохи. В них легко можно заметить следы былого почитания *огня, деревьев, духов, некоторых местностей* и т. д.».[230] По сраведливому замечанию Н. Г. Маллицкого, М. С. Андреев в этой небольшой по объему статье привел такие сведения по различным пережиткам и суевериям коренного оседлого населения Туркестана — таджиков и узбеков, каких ни прежде, ни после того в этнографической литературе не появлялось.[231]

Следует добавить, что глубокое и детальное исследование явлений духовной культуры, в частности, верований явилось магистральным направлением в научном творчестве М. С. Андреева. Зародыш последующих более чем полустолетних штудий, многочисленных публикаций и монографий содержался уже в этой газетной статье молодого М. С. Андреева.

Итак, М. С. Андреев с первых шагов научной деятельности в области этнографии проявлял интерес к духовной культуре народов Средней Азии, их верованиям, обычаям и обрядам, демонологическим и космогоническим представлениям. Этот интерес сохранился у него до последних дней жизни.

В 1896 г. М. С. Андреев опубликовал статью под названием «Исторические заметки о Ходженте». Наряду с легендами и краткой историей города со времен завоевания Александром Македонским до присоединения его к России (сведения, в ней сообщаемые, не всегда точны), автор привел также некоторые данные о находках монет, относившихся к разным эпохам истории Ходжента, и об археологических и эпиграфических памятниках в близлежащем хребте Моголтау. М. С. Андреев характеризовал Ходжент, как «...город утопающий в зелени, окруженный сверкающей полосой воды, извивающейся вдали серебряной струйкой, на дальнем плане величественно вырисовывающиеся белоснежные горы, все это оправдывает эпитет «невесты мира», каким наделяют Ходжент восточные поэты и писатели».[232] В том же году им была опубликована работа «Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении», в которой сообщалось об остатках каменных «жилищ», так называемых «хона-и-муг», вокруг Ходжента, о наскальных изображениях змеи, собак, горных козлов и старинных надписях на скале в горах Могол-Тау, в ущелье Битыклик, о крепости «кала-и-муг», расположенной выше Ходжента, по Ходжентскому саю, о добыче в древности железа в долине р. Ангрена, о пещере Кани-Гут (заброшенный рудник), о надписях, найденных там же и в Варухском ущелье.[233] После открытия М. С. Андреевым Варухской надписи на нее обратили внимание крупнейшие востоковеды, в их числе академик В. В. Бартольд, который опубликовал отдельную работу, транскрибировав и осуществив перевод 6 строчек северной надписи в этом ущелье.[234] Благодаря этому надпись была введена в научный оборот и приобрела «сравнительно широкую известность в востоковедческой науке».[235]

В 1896 г. в Ташкент приехал чиновник особых поручений Министерства внутренних дел А. А. Половцев, командированный из Петербурга для изучения переселенческого дела в Сибири (где он побывал до приезда в

Ташкент), Средней Азии и Закавказье. Во время беседы с В. П. Наливкиным он попросил найти ему секретаря, который мог бы сопровождать его во время поездок и одновременно преподавать таджикский и узбекский языки. Страсть к поездкам в новые места соблазнила М. С. Андреева, работавшего преподавателем Туркестанской учительской семинарии и Ташкентского реального училища, принять предложение Наливкина и по совместительству стать секретарем А. А. Половцева. Новая работа началась с длительных разъездов по Средней Азии, Закаспийской области и Закавказью, где М. С. Андреев много внимания уделял собиранию материалов по переселенческому делу.

Летом 1897 г. М. С. Андреев, уже освободившись от должности преподавателя, совместно с Половцевым вернулся в Петербург, где и произошло знакомство М. С. Андреева с крупнейшими русскими востоковедами индианистом С. Ф. Ольденбургом, академиками тюркологом В. В. Радловым и иранистом К. Г. Залеманом, под чьим руководством он в дальнейшем углубил свои теоретические познания в области лингвистики и этнографии. М. С. Андреев писал, что до встречи с этими востоковедами при каждой поездке он остро ощущал свою теоретическую неподготовленность.[236] Но зато он имел прекрасную практическую подготовку. К. Г. Залеман, вспоминая о своей встрече с М. С. Андреевым, писал: «Приехав осенью в С.-Петербург, Михаил Степанович неоднократно посещал меня и беседовал о своих исследованиях, блестящие результаты которых не могут не обрадовать сердца ираниста».[237]

С В. В. Радловым М. С. Андреев начал чтение «Кудатку билик», а с К. Г. Залеманом — его материалов по еврейско-персидскому языку, т. е. еврейскому диалекту таджикского языка. Причем в ходе занятий, при объяснении восточной терминологии, ученику пришлось не раз поправлять своего учителя. «М. С. поражал К. Г. Залемана, — говорит А. К. Писарчик, — отличным знанием среднеазиатских языков и быта и точностью своего лингвистического слуха».[238] По словам А. М. Беленицкого, М. С. Андреев знал языки и диалекты народов Средней Азии до того поразительно, что каждый из собеседников считал его своим соплеменником. М. С. Андреев прекрасно знал английский, французский и ряд других иностранных языков.

Тогда же, в Петербурге, произошло знакомство М. С. Андреева с выдающимся востоковедом В. В. Бартольдом. Последний в своем письме от 10 апреля 1898 г. сообщил об этом Н. П. Остроумову: «Недавно у меня был туркестанец (М. С.) Андреев, очень заинтересовавший меня своими рассказами и всей своей личностью. Мне кажется, что если он вернется в Туркестан, он будет там очень полезен; со своей стороны, мне всегда будет приятно чем-нибудь способствовать успеху его трудов».[239]

В становлении и развитии научной деятельности М. С. Андреева немалая роль принадлежит В. В. Бартольду, который по отношению к начинающим ученым «был умелый верный друг и был первым, одобряющим талант и инициативу».[240] По словам очевидцев, В. В. Бартольд, находясь в Петербурге, всячески содействовал повышению знаний и подготовки «старых туркестанцев» — лиц, долгое время живших и работавших в Туркестанском крае, и особенно стимулировал их возвращение в Туркестан для практической работы в крае.[241] Любовь к истории края и симпатия к местным исследователям привели к тому, что В. В. Бартольд еще во время своей первой поездки в 1893—1894 гг. налаживает связи с местными туркестанскими деятелями, интересующимися прошлым Средней Азии. Тогда же В. В. Бартольд выступил с утверждением: «Тесная связь между столичными и местными научными деятелями вообще кажется нам необходимой для тех и других». Именно эта связь, считал он, «дает более ценные результаты, чем что-нибудь другое».[242]

Профессор В. В. Бартольд вслед за своим учителем, известным русским востоковедом В. Р. Розеном, придавал особенное значение «совместной работе ученых с местными людьми».[243] Он подчеркивал, «что лишь при деятельной совместной работе кабинетных ученых с местными деятелями возможно вполне успешно изучение Востока, для истинного понимания которого более чем где-либо необходимо непосредственное знакомство со страной».[244] И каждый раз, когда В. В. Бартольд ездил в Среднюю Азию, в его командировочных документах специально отмечалось, что он едет «для возобновления и расширения научных связей с местными деятелями».[245] В. В. Бартольд неоднократно бывал дома у М. С. Андреева, встречался с ним, беседовал, имел постоянную пере-

писку, советовал, какие научные проблемы необходимо разрабатывать.[246]

В 1898 г. М. С. Андреев получил предложение принять участие в академической экспедиции в Восточный Туркестан, возглавляемой известным революционером,[247] ученыма-археологом Д. А. Клеменцем.[248] Тогда в Турфанском оазисе членам экспедиции удалось открыть ценнейшие древние памятники: настенные и потолковые росписи пещер и буддийских храмов, древнетюркские и сасанидские надписи и т. д.[249] Результаты «этой экспедиции были весьма значительны... Материалы, добытые Д. А. Клеменцом, дали толчок ряду новых экспедиций, между прочим длительной экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга, которые повели за собой весьма важные новые открытия в области древней истории культурных стран Азии, истории искусства и лингвистики». «Это путешествие через Сибирь и Монголию на Урумчи, Турфан и Люкчун дало мне многое», — писал М. С. Андреев. Во время этой поездки он составил в Урумчи небольшой словарь канджутского языка со слов бежавшего после столкновения с англичанами из Канджута бывшего правителя Канджута и двух-трех канджутцев, живших с ним.[250] Тогда М. С. Андреевым были сделаны также некоторые записи фольклора на узбекском языке в Восточном Туркестане,[251] а по сообщению В. А. Крачковской, он собрал тогда же материалы для археологической карты.[252]

Вспоминая об участии М. С. Андреева в Турфанской экспедиции, академики В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской и И. Ю. Крачковский писали, что участие в «экспедиции Д. А. Клеменца в Турфане еще в прошлом столетии поставило М. С. Андреева очень рано лицом к лицу с важными и сложными вопросами археологии Средней Азии, особенно трудными вследствие многообразных сплетений самых различных культур. Богатые материалы Западного Туркестана позволили ему проявить интерес к археологии и впоследствии, причем он старался увязать археологическую работу с этнографической, систематически наблюдая пережитки старины и современность».[253]

Зиму 1898—1899 гг. М. С. Андреев провел вместе с Половцевым в Париже, откуда вывез практическое знание французского языка, очень пригодившиеся ему потом во

время службы во французских колониях в Индии и Индо-Китае. Помимо выполнения своих служебных обязанностей у Половцева, он работал в Восточном отделении Национальной библиотеки, а также преподавал среднеазиатские языки своему патрону А. А. Половцеву.[254] Находясь за границей, М. С. Андреев не прерывает свои связи с Туркестанским кружком любителей археологии, постоянно интересуется его деятельностью.[255]

В последующие годы М. С. Андреев, совершая поездки по городам Средней Азии, временами жил в Петербурге, где продолжал углублять свои знания по востоковедению под руководством В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга, К. Г. Залемана и В. В. Радлова.

17 и 18 октября 1899 г. М. С. Андреев и А. А. Половцев, как члены кружка любителей археологии, произвели раскопки (по собственному почину) в доме Баба-Максума Фузаилова (г. Самарканд), где 15 сентября того же года при рытье колодца в одном из помещений были найдены оссуарии.[256] М. С. Андрееву и А. А. Половцеву удалось обнаружить еще четыре, кроме двух ранее найденных, оссуария; о результате раскопок было доложено кружку на заседании 9 ноября другим его членом, М. М. Вирским, статья которого позднее была напечатана в «Протоколах» кружка.[257]

По утверждению В. В. Бартольда, эта «счастливая находка была предметом реферата Н. И. Веселовского в заседании Восточного отделения Имп. Русского археологического общества 27 января 1900 г., в печатном протоколе заседания впервые на страницах ученого журнала были указаны приблизительные размеры гробиков, впервые *был предложен термин «костехранилище»* (оссуариум) вместе употреблявшихся прежде термином «гроб», «гробик» и «урна»...[258] Найденные М. С. Андреевым оссуарии в дальнейшем были предметом обсуждения, ряда рефератов и статей как петербургских, так и туркестанских археологов».[259]

В 1899 г. М. С. Андреев опубликовал статью под названием «Вахиё», в которой на основе сопоставления говоров таджиков, находившихся на заработках в Ташкенте, впервые кратко сообщил о наличии двух горных наречий горных таджиков — жителей Вахиё — страны, лежащей между Каратегином и Дарвазом, расположенной главным образом по течению р. Хингову (серая или

голубая вода). Сейчас, Вахиё обычно включается в состав южного Дарваза.[260] В статье М. С. Андреев, хотя и очень кратко, впервые сообщил о нравах и обычаях, связанных с рождением, обрезанием, браком и свадьбой; о земледелии, скотоводстве и охоте вахиёчи.[261]

По словам современного исследователя, в «сравнительно небольшой статье М. С. Андреева впервые обстоятельно освещаются некоторые вопросы культуры и быта таджиков этого отдаленного горного района. На основании расспросных сведений автор констатировал, что население долины Хингоу, называемой Вахио, подразделяется на две группы, говорящие на различных наречиях, причем наречие таджиков нижнего Вахио близко каратегинским наречиям. Это сообщение М. С. Андреева полностью подтвердилось более поздними исследователями».[262]

В статье «О значении слова «лянгарь», опубликованной им также в 1899 г., даются сведения о некоторых религиозных доарабских обрядах местных жителей.[263]

В 1902 г. М. С. Андреев совершил поездки на Памир и в Припамирье. Он побывал в Оше, Хороге, Вахане и Ишкашиме, а затем тем же путем вернулся в Ташкент. Тогда М. С. Андреев обратил особое внимание на своеобразие язгулемского языка, сделал записи образцов этого языка, дополненные потом в Ташкенте беседами с приехавшим туда вместе с ним язгулемцем. По разработанной К. Г. Залеманом таблице глагольных парадигм, он составил таблицу язгулемских глаголов, включавшую 180 слов в следующих формах: единственное число повелительного наклонения, I-го лица единственного числа настоящего времени, 3-е лицо единственного числа настоящего времени; основы прошедшего времени, причастия прошедшего времени и инфинитива.[264] Таблицы были приняты к напечатанию Академией наук в 1904 г. и подготовлены к печати 28 апреля 1908 г., но затем их издание было приостановлено. Таблицы «ввиду научного их значения, согласно постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук СССР, притом в силу необходимости и во избежание излишних расходов», были изданы в 1930 г. «в том виде, в каком издание было начато в свое время».[265] О важности в научном отношении собранного М. С. Андреевым материала по язгулемскому языку свидетельствует его широкое использование

еще до опубликования М. С. Андреевым известным русским востоковедом К. Г. Залеманом[266] и французским иранистом Р. Готьё.[267]

Вспоминая о поездке 1902 г., М. С. Андреев писал: «Я впервые из европейцев узнал о существовании язгулемского языка и составил таблицу глаголов на этом языке».[268] По-видимому, М. С. Андреев не был осведомлен о работе другого русского путешественника Г. А. Арандаренко «Досуги в Туркестане», опубликованной еще в 1889 г. В ней автор еще до М. С. Андреева привел список 34 язгулемских слов и три связные фразы, написанные им во время поездки в Дарваз и Каратегин в 1882 г.[269] Как отмечала Д. И. Эдельман, несмотря на сильное искажение фонетического облика приведенных Г. А. Арандаренко слов, а подчас их значения, эти записи интересны для нас уже тем, что являются первой попыткой зафиксировать язгулемскую речь.[270] И хотя М. С. Андреев не явился первооткрывателем язгулемского языка, днако написанная им работа — первый обширный лингвистический труд, поовященный этому языку.

М. С. Андреев не ограничивался изучением лингвистики таджикского языка и языков памирских таджиков. Немало энергии и времени им затрачено также на изучение языков других народов Средней Азии. В 1902 г. им была опубликована так называемая «Старая киргизская элегия»,[271] где автор дал перевод киргизского стихотворения, представляющего собой элегию или «плач» о положении киргизского народа. Эта работа М. С. Андреева явилась не только текущей фольклористической публикацией, но и, как справедливо отметил один из этнографов, через киргизские обычаи вводила читателей в большой круг анимистических представлений киргизов, нашедших свое отражение в фольклоре.[272] В элегии содержались важные данные о былом развитии орошения на киргизских землях.[273]

В 1903 г. М. С. Андреев побывал на Памире, проехав туда через Ош, затем, спустившись по Пянджу от Вахана до Термеза, направился в Самарканд и оттуда в Ташкент. И на этот раз предметом изучения М. С. Андреева в основном был язгулемский язык.[274]

В августе 1904 г. М. С. Андреев совместно с А. А. Половцевым совершают поездку в Исфару, со специальной целью — скопировать южную надпись в Варухском

ущелье.[275] Тогда им была изготовлена копия путем накладывания на скалу полосы коленкора и прорисовывания просвечивающих очертаний букв. Тут же дорисовывались те знаки, которые не были видны через коленкор. Так как поверхность скалы заросла лишаями, то до копирования буквы расчищались при помощи гвоздя.

Между прочим, В. В. Бартольд отказался от чтения надписи по этой копии, считая такой способ съемки слишком несовершенным.[276] А. А. Половцев в докладе, сделанном на заседании Туркестанского кружка любителей археологии, высказал мнение, что по начертанию букв эта надпись является «гораздо более старой, чем нижняя надпись 1041 г.».[277]

Тогда же на обратном пути они осмотрели «кладбища неизвестного времени» на юго-востоке от кишлака Исфары. Местные жители объяснили М. С. Андрееву и А. А. Половцеву, что каждая «могила состоит из подземной камеры, обложенной кирпичом, с трубой, выходящей на поверхность земли. В могилах были найдены скелеты, гипсовые и металлические фигурки, кусочки коралла и сердолика, глиняные кувшины и монеты с центральным отверстием».[278]

В одном из «Протоколов заседаний и сообщениях Туркестанского кружка любителей археологии» сообщалось, что кружок в 1905 г. просил М. С. Андреева «...съездить в кишлак Чорку, Исфаринской волости, и произвести там, по поручению Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, исследования и раскопки».[279] По всей вероятности, это поручение Комитета не было выполнено. Ибо ни в воспоминаниях, ни в автобиографиях, ни в деловых бумагах ученого и даже в фондах других архивов нет никаких сведений, подтверждающих, что М. С. Андреев в 1905 г. произвел где-то археологические раскопки или исследования. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, объясняя это финансовыми затруднениями кружка,[280] справедливо сомневаются в осуществлении поставленной перед М. С. Андреевым задачи.[281]

В декабре 1905 г. М. С. Андреев выступил на торжественном собрании, посвященном первому десятилетию Туркестанского кружка любителей археологии, где сообщил «некоторые известные ему древности Ферганской области, преимущественно Исфаринского района, Коканд-ского уезда». О своей поездке вместе с Н. Г. Маллицким

и А. А. Половцевым он «сделал несколько сообщений археологического характера и переводил различные надписи на восточных языках» и т. д.[282]

М. С. Андреев в небольшой по объему статье «Блины в припамирских странах», опубликованной в 1905 г., отметил, что «припамирские страны представляют собой тот же Кавказ с его множеством этнографических единиц. Здесь в каждой долине Вы можете встретить своеобразное наречие, увидеть оригинальный обычай, не повторяющийся иной раз даже в соседнем селении».[283] Это высказывание ученого свидетельствует о том, что еще в начале XX в. М. С. Андреев наметил себе определенный круг задач, а именно изучение исторического прошлого памирских народов, чему посвятил большинство как собранных, так и опубликованных работ, принесших ему известность и в России и в Западной Европе.

В 1905 г. А. А. Половцев был назначен генеральным консулом в Бомбей. М. С. Андреев, согласившись быть его личным секретарем, также поехал в Индию. Здесь по долгу службы он должен был заниматься сугубо политическими и частично экономическими вопросами, связанными с внешней политикой России.[284] Наряду с этим неистовый востоковед М. С. Андреев занимался также изучением языков хиндустани и пушту и по поручению Академии наук приступил к сбору этнографического материала и коллекций, зачастую за свой счет,[285] для музеев России. В общей сложности М. С. Андреев передал в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук коллекции, состоящие из более чем 1000 разнообразных уникальных предметов,[286] среди которых самым ценным экспонатом, характеризующим декоративное искусство и архитектуру Индии, считается фрагмент портика дворца вельможи из г. Насик Бомбейской провинции. По утверждению специалистов, этот портик представляет в наши дни уникальный интерес, ибо даже в самой Индии мало сохранилось памятников деревянной монументальной архитектуры.[287]

Получив в 1907 г. отпуск для поездки на родину, М. С. Андреев направился в Среднюю Азию не обычным морским путем, а сухопутным, перевалив из Кашмира через Гималаи (пер. Кара-Корум) в Западный Тибет, проехав оттуда в Восточный Туркестан (Яркенд), а затем, через Таш-Курган, оз. Зоркуль, Вахан, Шугнан и

Восточный Памир в Ферганскую долину.[288] Причина выбора такого длинного и трудного пути из Индии на родину заключались прежде всего в желании М. С. Андреева пополнить свои знания по лингвистике и материальному быту таджикского народа. «Это меня устраивало и в том отношении, — писал в своем дневнике М. С. Андреев, — что на Памире я надеялся пополнить филологические записи по наречиям горных племен верховьев Пянджа. Правда, маршрут через Восточный Туркестан являлся несоразмерно длинным, но для меня он был единственно возможным, так как англо-индийское правительство очень ревностно относится ко всяким попыткам неанглийских путешественников переехать индийскую сухопутную границу, и для меня, русского, выхлопотать разрешение на проезд в другом, кратчайшем направлении, представлялось более чем затруднительным».[289] На самом деле это была та реальная сказочная дорога, о которой говрили: «Кто пойдет, тот не вернется». О трудности этого пути сообщал другой русский путешественник, который проделал подобный путь в обратном направлении из Памира в Индию:

«Если вы познакомитесь со всеми ужасами этой дороги, вы получите впечатление потрясающее. Это дикие утесы и скалы, по которым ползут люди с ношей за спиной. Лошадь по этим путям не пройдет. Я шел когда-то этими тропами. Переводчик моего друга из свежего и бодрого человека стал стариком. Люди седеют от тревог, начинают бояться пространства. В одном месте мне пришлось отстать, и когда я вновь догнал спутников, то застал наших двух переводчиков плачущими. Они говорили: «Туда страшно идти, мы там умрем».[290]

Побывав в Припамирье, М. С. Андреев впервые ненадолго посетил долину Хуф, язык и быт населения которой он начал изучать еще в 1902 г. в Ташкенте, познакомившись там с приходившими на заработки хуфцами. Во время поездки 1907 г. в долину Хуф было установлено, что жители этой долины имеют свой особый диалект. «При посещении этой долины в 1907 г., — писал впоследствии М. С. Андреев, — были собраны сведения рекогносцировочного характера, поведшие потом к отправке в 1929 году специальной экспедиции в эту долину от Академии наук под моим руководством с последовавшим дополнением сведений в Ташкенте от вывезенных

для этой цели двух хуфцев. Ввиду изолированности долины и сохранившихся там удивительных реликтов быта изучение последнего представляет особый научный интерес, в силу чего на изучение его мною было обращено в дальнейшем особое внимание».[291]

Характеризуя быт и диалект хуфцев, ведущие этнографы Таджикистана Н. Н. Ершов и А. К. Писарчик считают, что, являясь «представителями того древнего оседлого населения Средней Азии, остатки которого в верховьях Аму-Дарьи сохранили до настоящего времени свои древние языки, хуфцы также сохранили свой особый диалект, входящий в шугнано-рушанскую группу языков, и некоторые особенности быта. В силу географической изолированности долины сильно архаизированный быт и строй жизни ее обитателей сохранялся там более устойчиво, чем в ряде других горных долин Западного Памира».[292]

Во время путешествия из Индии в Среднюю Азию М. С. Андреев вел географический дневник. Постановлением Русского Географического общества этот дневник предполагали напечатать в Известиях общества. М. С. Андреев передал его для этой цели секретарю Общества через К. Г. Залемана. Однако А. В. Григорьев, к которому поступил этот дневник для напечатания, вскоре умер. Позднее рукопись дневника не была найдена в бумагах покойного.[293]

Ныне в архиве Ленинградского филиала Института востоковедения АН СССР хранится как подлинник, так и машинописный дневник ученого под названием «Поездки из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 году» (114 стр. машинописи). Научное значение рукописи несомненно.

По возвращении в Индию в 1911 г. М. С. Андреев был назначен и. о. вице-консула во французские колонии в Индии и Индо-Китае, а затем, после приезда в Ташкент, в 1914 г. он стал инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области. Известный специалист по Индии и буддизму Ф. И. Щербатской попытался уговорить М. С. Андреева, чтобы тот взял на себя чтение курса лекций по языкам хиндустани и пушту на Восточном факультете Петербургского университета и отказался от должности инспектора.[294] Однако, стремясь попасть в любимую им Среднюю

Азию, М. С. Андреев отклонил предложение остаться в Петербурге.

Вскоре после назначения М. С. Андреева инспектором народных училищ, он получил приглашение директора Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого принять участие в сборе этнографических коллекций для музея. В письме по этому поводу сообщалось:

«Музей антропологии и этнографии, весьма заинтересованный систематическим изучением этнического состава Туркестана и желая использовать для этой цели Ваш лингвистический опыт и знания, ходатайствует перед Туркестанским генерал-губернатором о разрешении Вам принять поручение Музея о собирании этнографического материала».[295]

М. С. Андрееву было разрешено принять поручение Музея[296] и он его выполнил.[297]

Ученый тесно был связан с Азиатским музеем[298] и Музеем прикладного искусства в Соляном городке в Петербурге, куда он передал немалое количество коллекций по среднеазиатскому искусству.[299] В настоящее время эти коллекции, чертежи, рисунки, припорохи, инструменты народных мастеров-архитекторов, резчиков по ганчу, переданы и хранятся в Эрмитаже.

Инспекторская деятельность отнимала массу времени у М. С. Андреева, однако он не оставил своих любимых занятий — путешествий, связанных со сбором лингвистических и этнографических материалов. Очевидцы, побывавшие у М. С. Андреева в Ходженте, отмечали, что его квартира была больше похожа на этнографический музей, чем на жилище.

В 1910 г., когда М. С. Андреев еще находился в Индии, в местной газете была опубликована его статья о глиняных гробах. В ней сообщалось об оссуариях, наполненных человеческими костями и металлическими украшениями, найденных им в Зенгиате (вблизи Ташкента) и в Самарканде.[300]

Постепенно, шаг за шагом, М. С. Андреев не только накапливает знания о быте, духовной культуре и языках народов Средней Азии, но и овладевает большим запасом знаний, необходимых для научного осмысления собранных материалов. В процессе непрестанного чтения огромного количества книг по востоковедению, этнографии, лингвистике и т. д., занимаясь под руководством ко-

рифеев русского востоковедения, выпускник учительской семинарии превращается в самостоятельного ученого. Одно из свидетельств этог — публикация в 1911 г. большого труда, посвященного этнографии Памира (на титуле стояла и фамилия его патрона А. А. Половцева) — "Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан».[301] Эта работа начинается с изложения исторических сведений и легенды о происхождении и расселении обитателей Ишкашима и Вахана. В работе описаны грабительские набеги афганцев на Памире[302] и междуусобные войны отдельных правителей Бадахшана, Шугнана, Ишкашима, Вахана и Зебака, от которых больше всего страдали местные жители этих областей.

Ишкашимцы, отмечено в работе, «помнят три больших набега шугнанцев, когда страна была совершенно разорена, дома разрушены, женщины уведены в плен и проданы в неволю, скот угнан».[303] Далее сообщалось о сторожевых башнях, туп-хона, остатках крепостей, называвшихся кафир-кала и приводились легенды. От старого времени, по мнению авторов, остались кое-где надписи на скалах, говоры местных жителей и генеалогия бадахшанских и ваханских миров.

Во втором разделе «Остатки прежнего общественного строя» — рассказывается, что в древнее время жители Ишкашима, Зебака и Вахана делились на касты, и что следы этого деления остались и поныне. Первая каста — это духовенство — сейиды, вторая акобиры — военная аристократия, третья каста — **чокар** (слуги), в обязанность которых входила охрана войска во время похода, а также поставка прислуги правителям. В Ишкашиме и соседних странах встречались рабы, купленные в Афганистане. Их называли хызматгор. Человек же, служащий за деньги, наемник, назывался ятим (от арабского — сирота). В связи с этим следует отметить, что хотя население Ишкашима, Вахана и Средней Азии вообще, в зависимости от привилегированности и делилось на ряд групп, но каст в полном смысле этого слова здесь не было.

Интересным является описание размеров податей, взимаемых правителями Бадахшана у ишкашимцев. Осенью каждый дом должен был платить правителю по одной веревке, одной подкове и одному куску бычьей

шкуры на пару «чарук» (местная обувь). Правитель (т. е. наместник Бадахшана) имел также право требовать два раза в год уплаты налога в размере одного шерстяного халата с четырех домов (либо сшитого, либо в куске, смотря по требованию). Кроме того, хозяева каждого дома в Ишкашиме должны были по очереди являться к миру и служить ему сутки до прихода смены. Приходя к правителю, они должны были приносить одного барашка, один мешок муки, мерой в два «сер'а», одну кринку молока к чаю, одну чашечку масла, один кусок сала для освещения и два ослиных вьюка дров. Жена принималась печь хлебы из принесенных припасов, муж разводил огонь, носил воду и прочее. Для отсылки дани в Бадахшан собиралась еще особая подать: с каждого дома — по 3 теньги и со всего Ишкашима — 5 лошадей и до 5 соколов. В таком же порядке излагается взимание податей у ваханцев.

Третья часть работы посвящена описанию обрядов, совершаемых при рождении ребенка (в зависимости от его пола); обряды, связанные со смертью (могила, похороны, траур); брачные обряды. Описывается основное содержание хозяйственной деятельности мужчин и женщин, и сопровождающие ее обычаи. Дано описание народного календаря, праздников, игр, болезней и их лечения, пережитков древних верований, подсобных промыслов, торговли, приводятся названия селений в Вахане и Ишкашиме. Работа снабжена шестью иллюстрациями, ярко характеризующими быт и обычаи ваханцев и ишкашимцев. Написанная на основе богатого и разнообразного этнографического материала,[304] содержащая и некоторые археологические сведения,[305] эта книга стала заметным явлением в изучении истории культуры памирских народностей. Хотя в русской и зарубежной литературе уже имелись этнографические обзоры Памира или его частей (достаточно упомянуть книги А. А. Бобринского и О. Олуфсена), труд М. С. Андреева выгодно и принципиально отличался от предшествующих — это были не случайные заметки путешественника, а глубокое и систематическое изложение исследователя, досконально знакомого с предметом. Разумеется, работа не была лишена и отдельных недостатков, связанных в частности с мировоззрением авторов.

В 1912 г. М. С. Андреев опубликовал небольшую

статью «Дарвазская сказка (Волшебные предметы)».[306] В примечании к ней автор замечает, что сказки народов Памира еще слабо изучены М. С. Андреев смотрел на сказку как на исторический источник, свидетельствующий о народных обычаях и жизни. Сказка — «это аромат народной души», — не раз говорил он.

В 1915 г.[307] (по некоторым данным в 1916 г.)[308] в связи с поручением Российской АН и Географического общества по составлению этнографической карты Туркестана М. С. Андреев совершил поездку в Нуратинские горы и прилегающую часть Кызыл-Кумов, Джизакского уезда. Результаты своей поездки он изложил в опубликованных позже статьях «Из поездки в 1916 г. в Нуратинские горы и прилегающую к ним часть Кызыл-Кумов»,[309] и «Из результатов экспедиции в Кызыл-Кумы. О колодцах в Кызыл-Кумах и их постройке»,[310] которые представляют дорожные записи автора. В них, наряду с характеристикой системы постройки колодцев в песчаных местностях, отмечено «удивительное» разнообразие этнических элементов, свидетельствующее о существовании когда-то в этих местах около 30 различных казахских родов. В том же 1915 г. М. С. Андреев был командирован по учебному ведомству для изучения таджикских наречий и для исполнения особого государственного поручения, связанного с переводом «секретных» документов,[311] в Бухару.

Летом 1915 г. (по другим данным в 1916 г.)[312] М. С. Андреев совершил кратковременную поездку в Матчу, во время которой (а не в 20-х годах XX в., как утверждает А. Мухтаров),[313] он обнаружил в селении Оббурдон всем известный теперь средневековый памятник резной архитектуры таджикского народа[314] — деревянную резную колонну.[315]

М. С. Андреев в опубликованной позже работе сообщает подробности этой находки. В селении Оббурдон, бродя по мазару, он нашел в одном углу кладбища небольшую, бедно выглядевшую глинобитную постройку с единственной очень маленькой и низкой дверкой, в которую входить приходилось сильно нагнувшись. Там же посреди комнаты в качестве подпорки стояла великолепная старинная резная колонна, которая резко отличалась характером своих очертаний и орнаментом от окружающей обстановки. Колонна служила центральной опорой плоской крыши хонако. Очень интересной оказалась ка-

питель колонны, украшенная розетками с орнаментом из птичьих головок, и крестовидные толстые перекладины над капителью, поддерживающие балки потолка, где *имелось изображение, по утверждению ученого, стилизо*ванной головы животного или человека. Местные жители подсказали ему, что это голова льва или тигра — «шер» (сейчас архитекторы-искусствоведы полагают, что это скорее стилизованное изображение головы быка).

Оббурдонцы сказали М. С. Андрееву, что в старину в их селении возвышалось красивое здание, которое было разрушено наводнением, образовавшимся от дождевого потока, в 1148 г. хиджры (т. е. 1735-36 гг.). После случившегося их предки из остатков здания построили то невзрачное помещение, в котором и была использована колонна. Тогда же М. С. Андреевым колонна была сфотографирована.[316]

Оббурдонская колонна по праву считается одним из лучших дошедших до нас средневековых образцов среднеазиатской резьбы по дереву. Сама колонна сделана из арчи; капитель, слегка расширяющаяся кверху, украшена резными орнаментами, включающими «мотив очень сильно стилизованных птичьих головок, маленький фриз из циркульных арок, маленький фриз из перлов, еще сасанидского типа, и вытянутые с закруглением на концах побеги того типа, которые встречаются в Самарре и на резных деревянных панно тулунидской эпохи».[317] Между прочим, близкие по облику колонны встречаются на орнаментации фасадов оссуариев, найденных на территории Средней Азии.[318]

Тогда в Оббурдоне М. С. Андреев обнаружил два деревянных панно, покрытых также архаическим орнаментом и резьбою, по богатству которых они превосходили резные деревянные панно тулунидской эпохи из Каира.[319]

Подтверждением важного научного значения находки М. С. Андреева служат новые открытия памятников средневекового резного дерева, сделанные, под руководством А. М. Мухтарова сектором средневековой истории Института им. А. Дониша АН Таджикской ССР.[320]

Эти открытия доказали, что «не только Самарканд, Бухара и прилегающие к ним районы, но и горные долины Северного Таджикистана, нередко именовавшиеся «дикими» и «заброшенными», — подчеркивает Б. А. Лит-

винский, — на самом деле являлись ареной крупнейших историко-культурных достижений».[321]

Тогда же в селениях Матчи, особенно в Оббурдоне, М. С. Андревым были собраны и расшифрованы надписи и даты многочисленных намогильных памятников, которые позволили ученому прийти к заключению, что «несмотря на отрезанность Матчи, ислам был распространен здесь, видимо, вскоре после того, как он укренился на равнинах Туркестана».[322]

М. С. Андреев в мае 1916 г. по поручению Туркестанского кружка любителей археологии производил раскопки кургана Наукат-Тепе в бывшем Ходжентском уезде.[323]

В 1917 г. с целью сбора этнографических материалов М. С. Андреев совершает поездки по городам и селам Северного Таджикистана. В результате этих поездок ему удалось собрать и затем опубликовать любопытные этнографические материалы относительно прозвищ (всего из 16 селений), тогда очень распространенных среди горных таджиков, населявших самое верховье реки Зеравшан — горную Матчу.[324]

ГЛАВА II

М. С. АНДРЕЕВ — ИНСПЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

М. С. Андреев известен не только как ученый-этнограф, лингвист и археолог. В меру своих сил и возможностей в условиях дореволюционного Туркестана он содействовал улучшению преподавания и упорядочению школьного дела в Ходжентском и Джизакском уездах. Особенно активно эта деятельность осуществлялась с 1914 по 1918 гг., когда М. С. Андреев работал инспектором народных училищ 2-го района Самаркандской области.[325]

В 1893 г. М. С. Андрев окончил семинарию и как казенный стипендиат он должен был прослужить 6 лет в Туркестанском крае[326] в русско-туземных школах. Из-за отсутствия вакансий в школах М. С. Андреев был назначен заведующим вечерними курсами при Ходжентском приходском училище.[327] Случилось так, что это назначение совпало с ревизией училища в апреле 1893 г., которую проводил главный инспектор училищ Туркестанского края Ф. М. Керенский. Он отмечал, что занятия по русскому языку идут «неисправно и безуспешно».[328] Ученики заявили инспектору, что при всем своем желании изучить русский язык «они не могут научиться ему», так как плохо организваны занятия в русской школе, учитель которой не знает местного языка.[329]

Заключение главного инспектора вынудило чиновников, ведавших русско-туземными школами и училищами

Туркестанского края, спешно искать подходящего человека на замещение должности учителя русского языка. Им оказался только что окончивший учительскую семинарию М. С. Андреев — человек, хорошо знавший местные обычаи и языки.[330]

Прибыв в училище, М. С. Андреев столкнулся здесь не только с заброшенными учебными делами. Он поразился самому отношению властей к школам и училищам, число которых к тому же было мизерным, их тяжелому материальному и финансовому положению.[331]

На содержание училища было ассигновано почти столько же средств, сколько выделялось на отопление и освещение полицейского участка.[332] Заработная плата учителей была очень низкой. М. С. Андреев, работая заведующим вечерними курсами, получал всего 240 рублей в год,[333] а городской садовник — 900 рублей.[334]

Вспоминая о своем бедственном положении в те годы, М. С. Андреев писал: «Получал жалование 20 рублей в месяц. На эти деньги жил сам, содержал лошадь, нанимал прислугу. Положение мое улучшилось, когда как-то приехал в Ходжент Наливкин. Он увидел, что заработок мой скудный, положение плохое. А уездным начальником в Ходженте тогда был его друг Глушановский. Наливкин поговорил с ним, и он помог мне (дрова и пр.), а кроме того, пригласил меня к своему сыну учителем и кормил меня».[335]

Позднее, в 1894 г., М. С. Андреев был назначен практикантом местных языков в Туркестанскую учительскую семинарию.[336] Здесь он преподавал персидский язык на трех последних классах семинарии, вел практические и теоретические занятия по узбекскому языку во всех классах. С апреля 1896 г. по март 1897 г. М. С. Андреев работал по совместительству преподавателем узбекского языка в Ташкентском реальном училище.[337] В те годы совершенно не уделялось внимания изданию учебников для школ и училищ. И М. С. Андреев за короткий срок составил учебное пособие по узбекскому языку.[338] По мнению Н. П. Остроумова, это пособие вполне «соответствовало своему назначению».[339] Н. С. Лыкошин же считал, что для изучения письменности самым лучшим учебником является работа М. С. Андреева.[340]

М. С. Андреев, работая преподавателем в реальном училище, посещал курсы английского языка, на которых

Рис. 4. М. С. Андреев (1914—1918 годы).

он познакомился с Н. С. Лыкошиным.[341] С 1897 г. ввиду болезни М. С. Андреев по его прошению был освобожден от работы в семинарии и Ташкентском реальном училище.[342] Так закончился первый этап его педагогической деятельности.

В 1913 г. между управляющим учебными заведениями Туркестанского края и департаментом просвещения империи шла переписка по поводу учреждения в крае четырех новых инспекторов с целью усиления контроля над существующими школами. М. С. Андреев, стремив-

шийся попасть из Индии на службу в Среднюю Азию, подает прошение на имя главного инспектора училищ Туркестанского края с просьбой о назначении его на должность инспектора.[343] Попасть на такую должность было не очень просто. Вместе с М. С. Андреевым подали прошения еще 27 человек.[344]

В конце 1913 г. департамент народного просвещения разрешил главному инспектору училищ Туркестанского края открыть кредит на выплату жалованья четырем вновь утвержденным инспекторов училищ.[345] Благодаря ходатайству А. А. Семенова[346] и других коллег,[347] приказом по учебному ведомству от 13 января 1914 г. М. С. Андреев был переведен на службу по ведомству Министерства просвещения инспектором народных училищ 2-го района Самаркандской области.[348] Местожительством его был определен город Ходжент.[349]

В ведении М. С. Андреева, писал он об этом спустя три десятилетия, было 9 русских и 2 русско-туземных школы, а также 9 медресе и 700 мактабов, в дела которых, впрочем, вмешиваться не рекомендовалось.[350] Эти цифры, по-видимому, не совсем точные. В Центральном государственном историческом архиве Узбекской ССР в отчете инспектора народных училищ 2-го района Самаркандской области М. С. Андреева за 1914 г. сообщается, что тогда в его ведении находилось 15 приходских и 5 русско-туземных школ, 3 железнодорожных училища, в которых обучалось 757 мальчиков, 392 девочки, из них местных национальностей: — мальчиков — 223, девочек — 2.[351] Всего медресе было 61, мактабов[352] — 666.[353] Эти данные позволяют уточнить сведения о количестве школ и учеников в Ходжентском и Джизакском уездах за 1913—1914 гг.

Инспекторская деятельность М. С. Андреева совпала с периодом первой империалистической войны, тяжело отразившейся на положении школ и училищ Туркестанского края: в уезды хлынули беженцы с детьми школьного возраста из оккупированных кайзеровской Германией западных губерний. Это привело к чрезмерному переполнению существующих школ. Многие приезжие дети вообще не были приняты на учебу. «Когда я приехал на место и увидел, какое огромное количество детей остается совершенно без образования из-за отсутствия школ,— *писал М. С. Андреев,* — когда я отдал себе отчет в раз-

мерах школьного голода, то пришел в ужас. Я решил, что было бы подло... для меня оставлять дело в таком положении, раз я принял это назначение. И я принялся за работу, за пробуждение, организацию и упорядочение совершенно заброшенного школьного дела. Я работал как волк».[354]

Сохранились многочисленные докладные записки М. С. Андреева, в которых он каждый раз настоятельно просит о расширении существующих школ и увеличении кредитов для открытия проектируемых новых школ. В одной из таких записок, адресованной военному губернатору Самаркандской области и председателю комиссии по удовлетворению нужд народного образования детей переселенцев Самаркандской области, М. С. Андреев писал: «Быстрое заселение русскими переселенцами Голодной степи в связи с новой эрой для этой местности, вызванной успехами ирригации, выразилось и в соответствующе быстро назревшей нужде в начальном образовании. Возникновение поселков разом привлекло в район Голодной степи, вместе с отцами, сотни детей школьного возраста, сосредоточив их по большей части в таких местах, где школ не имеется... В силу этого, при имеющейся теперь большой нужде в указанном районе в начальном образовании, создалась необходимость в спешном исходатайствовании кредитов хотя бы на открытие школ в тех поселках, где нужда в начальном образовании ощущается всего острее. Среди таковых наиболее обращают на себя внимание селения Самсонова и Ахман-Куль. В первом имеется уже в настоящее время 99 детей школьного возраста (не считая детей служащих на станции ж. д.) и около 90 — во втором».[355]

При незначительности средств, отпускавшихся на народное образование (из 44.570.399 рублей общего бюджета Туркестанского края на народное образование в 1915 г. было выделено лишь 1.084.082 рубля — около 2 процентов),[356] и отношении царских властей к просвещению трудящихся, предложения М. С. Андреева об открытии новых школ оставались неосуществленными. Однако его добросовестное отношение к делу все-таки сказывалось: несмотря на сокращение кредитов из-за начавшейся войны, в отдельных случаях инспектору народных училищ удалось пробить консерватизм властей и добиться открытия нескольких школ.

Его деятельность была чрезвычайно разнообразной. М. С. Андреев вникал в организационные дела системы образования в уездах, в учебно-воспитательный процесс школ. Ему приходилось самому открывать специальные мастерские для выделки парт, столов, школьных досок, выписывать учебники, учебные пособия, организовывать библиотеки, склады учебных пособий, предпринимать меры по улучшению преподавания, на что он израсходовал все свои небольшие сбережения, привезенные из-за границы. «Но зато было проделано огромное дело, — вспоминал с удовлетворением М. С. Андреев, — многие дети могли теперь учиться в школах. Но это стоило огромнейшего труда и напряжения за все это время».[357]

М. С. Андреев активно содействовал улучшению самого учебного процесса. «При моем прибытии в 1914 г. дело было так, что учителя не стеснялись закрывать школу, когда им было надобно, и уезжать по своим делам; само преподавание шло также не особенно гладко. Началась большая работа по улучшению школьного дела, давшая, к моему большому удовлетворению, очень неплохие результаты. Школы преобразились, но, конечно, не сразу: много пришлось повозиться, пока работа пошла. К сожалению, трудно подсчитать возрастание качества преподавания, но и таковое значительно возросло и от прежнего отношения учащего персонала к своей работе, видимо, по крайней мере не осталось и следа».[358]

М. С. Андреев присутствовал на экзаменах, сам проводил диктанты в присутствии учителей, принимал письменные экзамены по арифметике. Потом совместно с учителями подсчитывал число ошибок, на основе чего определял успеваемость школы. Сопоставлял успеваемость одной школы с другой. «Результаты такой проверки были поразительны, — писал М. С. Андреев. — Быстро и легко получалось то, чего не дали бы никакие выговоры и изыскания. И как заработали после этого учителя в ожидании нового экзамена».[359]

М. С. Андреев стремился поднять качество обучения, подобрать хорошие учительские кадры. Он сам читал лекции учителям, проверял качество их работы и т. д.[360] К сожалению, многие пожелания неутомимого инспектора, направленные на улучшения обучения в школах, не

удалось внедрить из-за косности администрации края. Это намечавшиеся уроки родиноведения и попытка ввести в сельских школах преподавание основ агротехники и и многое другое.[361]

То, что удалось сделать М. С. Андрееву в улучшении народного образования в уезде, не могло в корне изменить положения дел. В результате проводившейся колонизаторской политики царизма, незначительности выделяемых средств, пренебрежительном отношении администрации края к расширению светского образования и улучшению преподавания в школах края — попрежнему основная масса детей не могла получить даже начальное образование. Местное население Ходжентского уезда, как и всего Туркестанского края, в подавляющем большинстве оставалось неграмотным.

По сравнению с капиталистическими странами Запада в России на просвещение выделялось значительно меньше средств. В 1913 г., например, в Бельгии, Англии и Германии на нужды просвещения расходовали от 2 до 3 руб. 50 копеек, в США в 1910 г. — 9 руб. 24 коп. на душу населения в год, а в России в 1913 г. эти расходы составляли всего 80 копеек. «Россия, — подчеркивал В. И. Ленин, — всегда останется бедной и нищей в отношении расходов на просвещение народа, пока народ не просветится настолько, чтобы свергнуть с себя гнет крепостников-помещиков».[362]

В Туркестане народному образованию уделялось гораздо меньше внимания, чем в метрополии. «В 1913 году из 38 городов Туркестанского края в 9 городах расходы на просвещение совсем не выделялись, а в 23 городах они составляли от 2 до 22 копеек на человека. В частности, в Ходженте (где работал М. С. Андреев, — **Х. А.** и **Н. А.**) в среднем на одного человека в год приходилось 6 копеек».[363] Искавший выход из создавшегося затруднительного положения, М. С. Андреев сблизился с жителями, которые стремились к обучению своих детей. Из разных уголков уезда поступали сообщения о согласии жителей выделить средства и помещения для вновь открываемых школ, квартиры для учителей, отопление и освещение, сделать столы для учеников и т. д.[364]

М. С. Андреев сообщал, что при его первом обращении к крестьянам и при получении от них официального обещания о предоставлении помещения для школы, дров

и сторожа, тотчас же в назначенные места они «высылали подводы, полное оборудование школы со всеми пособиями и мебелью. Это уже был результат моей возни и хлопот».[365]

М. С. Андреев уделял особое внимание улучшению материально-бытовых условий учителей в подведомственных ему уездах. Он заботился также о школьной гигиене и физическом воспитании учащихся.[366]

В результате его деятельности, только за 2 года (1914—1916) количество школ в подведомственных уездах, включая и вечерние курсы при русско-туземных школах и училищах, возросло с 23 до 47, а количество учащихся, за исключением вечерников при русско-туземных школах, с 1149 до 1941 человека.[367]

Список лиц, служащих в народных училищах 2-го района Самаркандской области, свидетельствует и о росте учительских кадров, находившихся в ведении М. С. Андреева. С 1914 по 1916 гг. число учителей уезда увеличилось с 38 до 70 человек.[368] Благодаря настойчивости М. С. Андреева в 1916 г. в селе Спасском Ходжентского уезда было открыто начальное училище.[369] Немало стараний им было затрачено на увеличение числа книг в училищных библиотеках, на приобретение учебных пособий.[370]

Характеризуя отношение инспектора М. С. Андреева к местным мусульманским конфессиональным школам (мактабам и медресе), А. К. Писарчик сообщает, что «к сожалению, в автобиографии М. С. почти ничего не говорится об установлении его отношений с мусульманскими школами и медресе, которыми он занимался не меньше, чем русскими». Она приводит выдержку из воспоминаний М. С. Андреева: «Я затруднился бы сказать, куда я отдавал больше внимания и времени. И здесь я встречал хороших людей, заботливо относившихся к своему делу и очень ценивших доброе к ним отношение. Любопытное дело: русские учителя считали, что я состою только для надзора за русскими школами, а мударисы— что я заведую только мадрасами».[371]

По словам М. С. Андреева, ему не рекомендовалось вмешиваться в дела местных мусульманских конфессиональных школ.[372]

Царское правительство в отношении конфессиональной школы придерживалось политики «игнорирования»

или «невмешательства»,[373] и инспекторам не рекомендовалось вмешиваться в их дела.[374] Но это была официальная точка зрения метрополии. В крае пытались в самых общих чертах осуществлять контроль над мусульманскими религиозными школами. Туркестанский генерал-губернатор в 1914 г. в своем приказе подчеркивал, что он назначает четырех новых инспекторов, в том числе М. С. Андреева, «**для возможно правильного надзора** за начальными училищами в Туркестанском крае вообще и **за мусульманскими школами** в особенности»[375] (курсив наш.— **Х. А. и Н. А.**).[376] Специально изданная инструкция того времени для старших мударрисов медресе Туркестанского края,[377] обязывала их безоговорочно подчиняться инспекторам края.[378]

Царские чиновники стремились через мударрисов, мутавалий, мулл усилить влияние на «туземное население в интересах русской государственности»,[379] учитывая, что «мактабы и медресе являются удобным орудием угнетения народов края».[380] Вот почему правители Туркестана обязывали своих инспекторов, чтобы те выбирали и назначали мударрисов из среды более преданных элементов — «политически благонадежных, хорошего поведения туземцев»[381] и т. д.

Представители колониальной администрации опирались на так называемые промежуточные слои местного населения, из числа которых подбирались послушные исполнители для административных постов. Они «могли бы оказывать давление на народ в желательном для метрополии направлении».[382] Роль воспитателей такой промежуточной прослойки отводилась русско-туземным школам, на которые была возложена задача подготовки переводчиков, писарей и «других служащих», необходимых для колониального аппарата.[383]

По указанию царской администрации русско-туземные школы должны были воспитывать детей «туземцев» в духе верности русскому самодержавному строю, готовить кадры переводчиков для бюрократических канцелярий колонизаторов — угнетателей народов Средней Азии.[384] В этих школах мало внимания уделялось общеобразовательным предметам, ибо царская администрация опасалась «как бы не сообщить туземцам слишком много сведений» и не содействовать этим упрочению **местных культурных особенностей в ущерб «обрусению».**[385]

Вот почему хотя в русско-туземных школах ученикам и преподавали арифметику, знакомили их с важнейшими событиями из русской истории, с географическими сведениями, обучали арабской грамоте и мусульманскому вероучению,[386] но *учителя и руководители русско-туземных* школ стремились к тому, чтобы ученики в основном научились говорить по-русски.[387] Согласно указанию генерал-губернатора края, изучение русского языка «должно быть в инородческой школе предметом изучения, а не орудием для приобретения знаний».[388] Интересы царской администрации, стремившейся укрепить на местах политический престиж самодержавия путем распространения русского языка среди местных национальностей, переплетались с заинтересованностью купечества Туркестана в использовании русского языка для расширения торговых связей с Центральной Россией. Местные же мусульманские конфессиональные школы и духовенство вели агитацию против всяких светских знаний и, в особенности, против распространения русского языка в школе. Они запугивали детей, объявляли отступниками от веры не только самих учащихся русско-туземных школ, но и их родителей. Местное население, находившееся под сильным влиянием религиозного фанатизма, первоначально недоверчиво и настороженно относилось к этим школам. Примечательно в этом плане сообщение Наливкина об открытии русско-туземной школы в городе Пскенте, Ташкентского уезда.

«Рано утром собрали по праздничному одетых детей. У некоторых губы от страха побелели и дрожали..., — писал он.—У ворот и дверей стояли джигиты волостного управителя, опасавшиеся, что в критический момент дети разбегутся. На плоских крышах домов, соседних с помещением школы, сидело несколько сот туземных женщин... Приехал губернатор, его тотчас же окружила живая стена приспешников. Не успели последние разинуть рты, чтобы начать свои обычные уверения в преданности населения, в его неизреченной благодарности и т. д., как на крышах поднялся невероятный вой: сартянки, матери, сестры, бабушки и знакомые будущих знатоков русского языка голосили, причитали о них, как о покойниках. Губернатор был очень смущен, ибо оказался в крайне двусмысленном положении; но джигиты быстро разогнали баб, и «порядок» был восстановлен».[389]

Как отмечает З. Ш. Раджабов, это был период, когда представтиели клерикализма, феодалы и особенно мусульманские фанатики вели бешеную агитацию среди коренного населения против какого-либо знакомства со светской, в частности русской культурой. «Не забудем,— пишет он,—что в дореволюционной таджикской литературе, где тон задавали фанатики-клерикалы, само употребление русских слов было демонстрацией, вызовом».[390] Тогда, вспоминал впоследствии С. Айни, обвиняли людей в ереси даже за ношение русской обуви.[391] Малейшее «проявление научной мысли в любой области рассматривалось этими мракобесами как богохульство, покушение на основу священного шариата и как тягчайшее преступное деяние, которое жестоко наказывалось».[392]

Вопреки намерениям царского правительства и местных эксплуататоров, распространение русского языка среди населения местных национальностей имело огромное прогрессивное значение. Передовые слои общества, обеспокоенные культурной отсталостью народа, его безграмотностью, невежеством, прониклись глубоким убеждением в необходимости изучения русского языка.

Поэт, просветитель и страстный патриот Фуркат, призывая своих соотечественников к изучению русского языка, писал: «Если русский народ предлагает нам изучать его язык и грамоту, то он не желает нам зла. Наоборот, он хочет, чтобы наша страна процветала, чтобы население благоденствовало. Русский народ всегда печется о том, чтобы мы были обеспечены и довольны»[393] и т. д.

Можно полностью согласиться с мнением М. Р. Шукурова, который считает, что тогда важным «средством распространения русской культуры и ее основного звена — народного просвещения служил русский язык». И представители «прогрессивной части русской и местной интеллигенции настойчиво популяризировали русский язык с целью приобщения края к русской культуре и налаживанию более тесных, дружественных связей между русскими и местными жителями».[394] Писатель и просветитель казахского народа Абай Кунанбаев, обращаясь к своему народу, писал: «Помни, что главное научиться русской науке. Наука, знание, достаток, искусство, — все это у русских; для того, чтобы избежать пороков и

достичь добра, необходимо знать русский язык и русскую культуру.

Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются твои глаза...

Изучай культуру и искусство русских — это ключ к жизни. Если ты получишь его, жизнь твоя станет легче...

Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честнымтрудом средства к жизни. Если ты это достигнешь, то научишь свой народ и защитишь его от угнетения»[395] и т. д.

Открытие русско-туземных школ в истории общественно-просветительной жизни края играло положительную роль.[396] В них, по сравнению с мусульманскими мактабами и медресе, несравненно шире преподавали светские знания, применяли более прогрессивную методику преподавания. Самым популярным нововведением было обращение к изучению русского языка и звуковой метод обучения грамоте. Как уже отмечалось, в русско-туземных школах ученики впервые знакомились со светскими науками: арифметикой, историей, географией и другими. Русско-туземные школы отличались от мактабов и медресе внешней обстановкой. В классных комнатах были окна со стеклами, имелись железные печурки, мебель, шкафы, витрины; учащиеся сидели не на полу, а за партами, применялись наглядные пособия — стоячие счеты, разрезная азбука, таблицы умножения, карты, изготовление которых, говорил М. С. Андреев, «отнимало много труда и времени». Наконец, в русско-туземных школах не применялись характерные для религиозных мусульманских школ суровые телесные наказания. Все это не могло не вызывать симпатий населения местной национальности к этим школам. «Я убежден, — вспоминал Фуркат, — что если бы каждый из наших учащихся побывал в каком-нибудь русском учебном заведении, то своя школа (т. е. старометодный мактаб или медресе) ему сделалась бы противной. Ни порядка в обучении, ни обстановки в учебном заведении у нас нет, ни тепла, ни чистого воздуха нет у нас в школах».[397]

Характерно, что в беседе В. В. Бартольда с одним молодым узбеком, прошедшим курс и мактаба и русско-туземной школы, на вопрос, какая школа ему нравится больше, последний ответил: «Не знаю, как будет на том

свете, но на этом свете русская школа нравится мне больше».[398]

Если в конце XIX в. каждая новая русско-туземная школа открывалась под нажимом администрации, то уже в начале XX в., по словам академика В. В. Бартольда, самими местными жителями поднимался вопрос об открытии русско-туземных школ в том или ином городе края.[399] К сожалению, средства, которые отпускались тогда на содержание русско-туземных школ и на постройку для них помещений из казны и местных городских и земских сумм, были далеко недостаточны.[400] В одном материале тех лет сообщалось о положении открываемой русско-туземной школы. Для нее требовалось, кроме «казенных и земских сумм, еще до 600 рублей общественных средств на содержание туземного учителя и на наем помещения для школы и русского учителя. Такой расход нередко бывает очень тяжел и непосилен для местного населения, а потому необходимо было бы обеспечить содержание русско-туземных школ всецело на казенные и земские суммы, освободить от этих расходов местное население. Тогда, несомненно, число этих школ значительно увеличилось бы, так как в настоящее время указанный расход на них местного населения является важнейшим тормозом в деле их распространения».[401] Но царская администрация края противилась расширению государственных дотаций школам, чем сдерживала увеличение их количества.

М. С. Андреев, учитывая ограниченность средств, выделяемых на эти цели официальными властями, обратился за помощью к местным жителям.[402] И те, взяв на себя всю тяжесть финансовых расходов, возбуждали ходатайство об открытии русско-туземных школ. В частности, благодаря неустанной заботе М. С. Андреева и финансовой помощи местных жителей, в 1915 г. открылись русско-туземные школы с интернатом в Нау и Костакозе.[403]

Характеризуя значение русско-туземных школ, не следует забывать, что в них учились главным образом дети представителей имущего состояния.[404]

М. С. Андреев оказывал положительное влияние и на работу мактабов. В конце XIX — начале XX вв. во всей Средней Азии началось движение за реформу традиционных мусульманских школ, основные принципы и содержание обучения в которых сложились в средние века, в

эпоху феодализма. Мактабы и медресе не отвечали потребностям растущих культурно-экономических запросов населения и развивающимся новым капиталистическим отношениям.

В результате возникшего школьного реформаторского движения, во главе которого в основном стояли представители национальной буржуазии, в Туркестане, в том числе и в селении Костакоз,[405] в Ходженте[406] появились так называемые новометодные мактабы. Несомненно положительное значение новометодных школ. Число этих мактабов в крае к 1917 г. достигло примерно около ста.[407] В них, хотя и сохранилось преподавание мусульманского вероучения, однако по программе остальных предметов новометодные мактабы приближались к русским реальным училищам. В учебных планах этих школ много часов отводилось арифметике, физике, истории, географии, естествознанию, обучению грамоте звукослагательным методом, а не буквослагательным; производилось также обучение чтению и письму, применялись наглядные пособия и т. д. По методике преподавания новометодные мактабы были ближе к светским школам нежели к религиозным. Правда, программы и методика преподавания в различных новометодных мактабах были не одинаковы, так как школы не имели единого руководящего центра. Их судьба зависела от содержателей — учителей, которые отличались друг от друга не только знаниями, но и политическими взглядами. Почти все преподаватели новометодных школ Туркестана были пропитаны духом буржуазного национализма.[408] Сильны были в этих школах влияния пантюркизма или панисламизма.[409]

Ряд ученых — историков народного образования Таджикистана, в частности И. Обидов, считает, что «организаторы «новометодных школ» — джадиды — стояли на контрреволюционных, пантюркистских, панисламистских, буржуазных националистических позициях. Политическая концепция джадидов была реакционной, они решительно выступали как сторонники «справедливого шариата».[410] Мало того, новометодные школы для большинства неграмотных и жестоких учителей местных мактабов, медресе и клерикалов казались богопротивными и т. д.[411] Новометодные школы, с другой стороны, казались «подозрительными» и царской администрации. От-

ношение царской администрации края к новометодным школам и обусловило их запрещение. Закрыта была новометодная школа города Ходжента.[412]

Деятельность М. С. Андреева на поприще просвещения во многом содействовала открытию новых школ и улучшению в них системы преподавания. Как уже указывалось выше, судя по отчетам самого М. С. Андреева, в 1914 г. в его ведении находились 23[413] школы, а в 1917 г. их количество в тех же двух уездах достигло 81; если прибавить к этому 8 вечерних курсов, то в итоге получится 89 школ.[414]

М. С. Андреев, проявляя большую энергию, деловитость, настойчивость, способствовал и качественному росту школы. Он был из числа тех инспекторов, которые, с целью привлечения большего числа детей местной национальности в русско-туземные школы, выступали против фанатиков и мракобесов, запугивавших детей и их родителей светской системой образования.[415]

Оценка педагогической деятельности М. С. Андреева будет не полной без учета основанных им школ в Северном Таджикистане после Великой Октябрьской социалистической революции. После установления Советской власти на местах хотя и была упразднена дореволюционная система преподавания, однако помещения и оборудование старых школ использовались для создания первых советских школ в крае.

Многие русские учителя Туркестана, как и М. С. Андреев, с первых дней Октября перешли на сторону Советской власти и своим талантом, опытом, творческой деятельностью активно помогали перестройке народного образования в советских сциалистических республиках Средней Азии. После Октябрьской революции бывшие ученики русско-туземных школ составили основную часть контингента таджикской молодежи, которой были укомплектованы первые педагогические и государственные советские учреждения.

Вместе с тем следует отметить, что, занимая должность инспектора народных училищ 2 района Самаркандской области, М. С. Андреев в политическом отношении был человеком инертным, старавшимся держаться в сфере своих научных и производственных интересов. Возмущаясь низким уровнем просвещения народа, вопиющими недостатками и трудностями в работе школ,

М. С. Андреев не смог подняться до обобщения социальных причин этих явлений, обусловленных самодержавным строем России.

Однако он сразу увидел те огромные преимущества в развитии культуры, народного образования, в духовном раскрепощении народа, которые принесла победа Великой Октябрьской социалистической революции. Поняв это, М. С. Андреев, как и тысячи других представителей старой русской интеллигенции, свои знания, опыт, талант ученого поставил на службу новому советскому строю.

ГЛАВА III

М. С. АНДРЕЕВ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Педагогическая деятельность М. С. Андреева

Революция застала М. С. Андреева в Ходженте. «Во время столкновения в Ходженте левых эсеров с большевиками, — вспоминает М. С. Андреев в своей неопубликованной автобиографии, — я был выбран третейским судьей со стороны большевиков и навещал последних в *тюрьме при временном захвате власти эсерами*».[416]

Ученый сразу, без колебаний признал Советскую власть и стал активно участвовать в становлении социалистической культуры, в перестройке народного образования в Туркестане. «Когда раздались весенние громы Великой Революции, — вспоминает позднее М. С. Андреев, — вихрем сметая все отжившее, пошли перемены *и в школьной жизни.* В Голодной степи образовался тогда учительский союз, объединивший учителей моего района (т. е. Ходжентского уезда. — **Х. А.** и **Н. А.**), председателем которого был избран я».[417]

В северных районах Таджикистана в 1918 г. намечалось создать новую схему формирования органов народного образования. Предполагалось, что в Ходженте, Голодной степи, Ура-Тюбе и в Джизаке будут организованы отдельные уездные, областные и краевые Советы народного образования. М. С. Андреев, изучив эту схему, писал в специальной докладной записке, что формирование таких самостоятельных уездных, областных и краевых Советов народного образования преждевременно.

Они со своими многочисленными штатными делопроизводителями и служащими лицами вскоре превратятся в дорого обходящиеся государству административные организации. «Считать, — отмечал М. С. Андреев, — что возможно будет разом внезапное развитие учебного дела в каждом из этих самотоятельных теперь административных делений (в Ходженте, Голодной степи, Ура-Тюбе, и Джизаке. — **Х. А.** и **Н. А.**), чтобы оправдать возникновение в них самостоятельных Советов народного образования при серьезных требованиях к учебному делу, вряд ли представляется возможным, по крайней мере в наступающем учебном году, и вот по каким причинам: а) нет достаточного количества учебников, тетрадей и учебных пособий вообще даже для существующих уже училищ..., *б) нет достаточно кадров квалифицированных учащих* и подготовка таковых займет довольно продолжительное время. Открывать же школы с несоответствующим составом учителей — это значит неправильно поставить, дискредитировать и значительно испортить дело с самого начала — поправлять испорченное гораздо труднее, чем создать новое». М. С. Андреев считал целесообразным объединение руководства учебным делом в указанных районах в едином Совете народного образования.[418] Активное участие М. С. Андреева в перестройке народного образования на новых началах и обусловило его назначение в 1918 г. первым советским Комиссаром народных училищ 2-го района Самаркандской области.[419] Обязанностей у советского комиссара было значительно больше, чем у дореволюционного инспектора.

М. С. Андреев, помимо основных своих дел, заботился также об устройстве санитарной станции, где утомленные и истощенные малярией или другими болезнями учащиеся и учителя могли бы отдохнуть и восстановить в течение летних месяцев свое здоровье. Он составил карту местности и описал маршруты поисков мест оздоровительных учреждений — курортов в районе Туркестанского хребта. «...живительный горный воздух, — считал он, — карабкание по горам, игры и гимнастика были бы основным лекарством».

После одобрения и утверждения карты и плана маршрута Советом солдатских и рабочих депутатов Ходжентского уезда началось первое изыскательное высокогорное восхождение в Советском Туркестане, в котором

приняли участие М. С. Андреев, восемь учителей, два ученика и проводник Г. Маннер.

«В июне того же 1918 года М. С. Андреев отослал в Народный Комиссариат просвещения Туркестана смету и план строительства оздоровительно-санитарной станции на северном склоне Туркестанского хребта в урочище Тюя-Джайляу Ходжентского уезда. К сожалению, осуществить это строительство тогда не удалось — помешали иностранная военная интервенция и гражданская война».[420] Спустя несколько месяцев М. С. Андреев был вызван в Ташкент, где участвовал в образовании Туркестанского восточного института.[421] Здесь проявились его незаурядные организаторские способности и страстная заинтересованность в развитии высшего образования в крае. 21 апреля 1918 г. состоялось торжественное открытие в г. Ташкенте Туркестанского народного университета, первого высшего учебного заведения в Средней Азии.[422] С первых же дней университет испытывал большие трудности из-за нехватки профессорско-преподавательских кадров. Один из организаторов университета И. И. Умняков писал: «Волей-неволей приходилось организовать занятия в народном университете в пределах доступного... В отношении востоковедения народному университету пришлось организовываться устройством не систематических строго программных курсов, а эпизодических лекций по местной этнографии, читанных Н. Г. Маллицким, и по мусульманскому праву в виде конспективного обзора, читанных П. П. Цветковым». Идея учреждения в крае самостоятельного высшего учебного заведения, специально предназначенного для изучения Востока вообще, а Туркестанского края в особенности,[423] впервые получила свое реальное осуществление в конце 1918 г.[424]

Открытие востоковедного вуза непосредственно на Востоке молодой Советской республики имело исключительно важное значение. «В связи с пробуждением Востока, в связи с советским и культурным строительством в ранее отсталых восточных окраинах России, с развернувшейся в странах Азии национально-освободительной борьбой возросло значение нового, советского востоковедения среди других общественных наук. Сама жизнь поставила перед ним новые задачи. Советское востоковедение должно было понять и объяснить со-

циальные, экономические и политические процессы, происходящие в странах Азии и Африки, показать культурные преобразования, дать анализ развитию восточных государств и народов. Только востоковеды, овладевшие марксистско-ленинской философией, могли правильно осветить происходящие и назревшие события на Востоке. Поэтому в первые годы Советской власти с особой остротой встал вопрос о подготовке новых кадров востоковедов».[425]

Сразу же после Октябрьской революции острая нехватка в кадрах и привела к возникновению специализированных учебных заведений, восточных факультетов, отделений или кафедр в Москве, Петрограде, Ташкенте и других городах.

Приказом Народного Комиссариата просвещения Туркестанской АССР от 16 октября 1918 г. и последующим приказом ректора Туркестанского народного университета А. В. Попова во главе с В. Н. Кучербаевым была образована инициативная группа для организации восточного факультета Туркестанского университета.[426] В ее работе живейшее участие принимал вызванный тогда из Ходжента М. С. Андреев.[427]

Инициативная группа разработала проект положения об институте. Считалось, что институт находится в ведении Народного Комиссариата просвещения Туркестанской АССР и является самостоятельным специальным высшим учебным заведением применительно к факультету восточных языков Петроградского университета с четырехлетним курсом (до этого предполагалось открыть при народном университете восточный факультет). Задачи курса определялись: 1) изучением Востока лицами, желающими работать в Туркестане или сопредельных странах; 2) подготовкой кадров ученых-востоковедов для всестороннего научного изучения Туркестанского края; 3) подготовкой с помощью представителей коренных национальностей Туркестана лиц, могущих в будущем явиться проводниками европейской культуры и науки в широких массах коренного насеелния.[428]

Проект был утвержден на коллегии Комиссариата народного просвещения Туркестанской АССР 8 ноября 1918 г., а в декабре того же года в Ташкенте было организовано самостоятельное специальное высшее учебное заведение — Туркестанский восточный институт,[429] ректором которого был назначен М. С. Андреев.

М. С. Андреев, вспоминая о своем участии в работе Восточного института, говорит, что организация названного института при имевшихся условиях была очень трудным делом. Пробравшиеся на некоторые руководящие посты в Туркестане замаскированные враждебные элементы, националисты и пантюркисты, видевшие в возникновении нового востоковедного вуза аппарат, который должен был вырабатывать и выпускать работников для проведения и защиты советского дела на Среднем Востоке, сознательно проводили всяческую подрывную работу, отпуская самые грошевые средства, хотели умертвить Институт финансовым голодом. Для этой цели, — вспоминал М. С. Андреев, — «в продолжение двух лет (1918—1920 гг. — **Х. А.** и **Н. А.**) не выплачивалось жалованье ни мне, возглавлявшему вуз, ни моему заместителю. И мы оба оставались на своих местах и честно вели свое дело, довольствуясь скромным вознаграждением за лекции. Два года порванных ботинок, недоедания, полуголодной семьи. Но вуз зато был спасен и продолжал работать, выпуская советских работников, из которых некоторые служат теперь профессорами в центре и других местах».[430] Именно бескорыстной самоотверженности и неиссякаемой энергии его первого ректора молодой институт был обязан, в частности, хорошим помещением, скорейшим обзаведением учебным оборудованием, библиотекой, археологическими и нумизматическими коллекциями и т. п.[431]

«Зародившийся в раскатах громов русской революции, — писал М. С. Андреев, — на самом пороге новых выковавшихся условий жизни, Институт, естественно, сразу попал в очень тяжелые условия, стоя, с одной стороны, перед выдвинутыми для него самой жизнью, самим положением вещей задачами, а с другой, перед условиями и средствами для их выполнения. Каждому было ясно, что существование Института было необходимо и что немыслимо оставлять дальше без надлежащего специального изучения столь мало еще изученную Среднюю Азию и Средний Восток вообще и что для этой цели нужна специальная подготовка соответствующих работников — востоковедов. Ясно было и наиболее подходящее для этого место: это в настоящее время сердце Средней Азии — Ташкент. Но тут-то и сказалось слабое место в постановке востоковедения до сих пор. Число имевших-

ся в России ориенталистов было очень невелико, наладить с ними связь (вследствие образования Оренбургского и Закаспийского фронтов. — **Х. А.** и **Н. А.**) не представлялось возможным, и молодому учреждению при всей обширности стоящих перед ним задач пришлось опереться в своих первых шагах исключительно на местные силы. Естественно, что чувствовалась недостаточность знаний по многим специальностям».[432]

Новый вуз был предназначен прежде всего «для выпуска советских работников, долженствующих знать край, его обычаи и его языки и применять свои знания на службе Советской власти. Вот почему, чувствуя угрозу срыва большой советской работы, — вспоминал впоследствии об этом периоде своей деятельности М. С. Андреев, — связанную со всяческими, тогда, националистическими препятствиями и недостатком средств на содержание молодого вуза, я не щадил труда и энергии на практическое осуществление данной задачи».[433]

Характеризуя деятельность директора Восточного института, Н. Г. Маллицкий писал, что наряду «с академической научно-исследовательской деятельностью, проявившейся в большом ряде экспедиций и в напечатанных трудах, в собирании этнографических коллекций, М. С. Андреев проявил себя как выдающийся организатор высшего востоковедного образования. В 1918 г. он был призван местной Советской властью в Ташкент принять участие в работах по организации Туркестанского восточного института. Энергия М. С. Андреева способствовала открытию этой высшей востоковедной школы в конце 1918 г. в г. Ташкенте. Вся тяжесть организационных работ по устройству и научной постановке преподавания, главным образом, легла в тяжелые 1918—1920 годы на М. С. Андреева с группой сотрудников; М. С. Андреев выполнил это и был избран первым директором, каковым и состоял с 1918 по 1920 год включительно при очень тяжелых условиях жизни того времени».[434]

М. С. Андрееву приходилось преодолевать большие трудности организационного периода, заниматься подбором преподавателей, составлением и разработкой программ и лекционных курсов. Он не раз говорил об этом, однако всегда находил в себе силы и целеустремленно добивался поставленной цели — создания полноценного советского вуза.

Из-за отсутствия даже элементарных пособий правильное и систематическое чтение курсов лекций представляло собой почти совершенно непреодолимые трудности.[435] На полное отсутствие печатных пособий для чтения курса лекций часто ссылались и другие преподаватели института. Один из них, известный востоковед А. А. Семенов,[436] читавший курсы введение в иранскую филологию, персидская литература, персидский язык и историю исследования Туркестана, писал своему коллеге и наставнику академику В. В. Бартольду в 1920 г., что «...в Восточном институте нет никаких восточных книг для классного чтения и на старших курсах тексты приходится переписывать на отдельных листах, а затем раздавать для списывания слушателям».[437]

М. С. Андреев сам читал курсы лекций по самым разнообразным предметам: этнография таджиков, историко-географические обзоры Афганистана и Индии, таджикский и персидский языки. М. С. Андрееву предлагали читать и добавочные курсы по языкам «индустани» и «пушту», от которых из-за физической невозможности ему пришлось отказаться.[438] Как отмечает А. К. Писарчик, которая сама позднее училась у М. С. Андреева, «языки М. С. преподавал очень интересно и был очень требовательным, так что большая часть его учеников знала предмет хорошо».[439]

Сохранились многочисленные письма учеников Михаила Степановича Андреева, адресованных любимому учителю. Они позволяют судить о характере его преподавательской работы и взаимоотношениях со студентами. Один из авторов таких писем с благодарностью вспоминал об учебе у М. С. Андреева: «...я помню, как Вы нас первый раз учили писать арабские буквы, персидской грамматике, чтению, рассказывать персидские тексты и как разбирали «Чанд хикояти фарси».

...Никогда не забудем Вас и Вашу помощь в усвоении языка. Постараюсь в своем сердце навеки сохранить Ваше имя. как путеводитель в моей будущей научной работе...

Все студенты нашей группы и лично я благодарим Вас за Вашу любимую заботу и внимание к нам».[440]

Для практического усовершенствования знаний языков, по настоянию М. С. Андреева, Совет преподавателей института разрешил организовать в период каникулярно-

го времени (с 1 июля по 1 сентября) командировки слушателей в различные местности края. По мнению М. С. Андреева, такая практика творила чудеса. «Полагаю, — писал он, — что с этим будут согласны все те, кто в этом (летние выезды) участвовал».[441]

Оценивая организацию учебного процесса в Институте, ставший после М. С. Андреева директором А. Э. Шмидт отмечал: «Нельзя объективно не признать вполне удовлетворительными первые два года учебной деятельности Института. В особенности следует отметить прекрасные результаты, достигнутые в практическом ознакомлении слушателей с языками в течение двух первых летних перерывов, благодаря упомянутым командировкам на места. Именно эти практические результаты дали возможность многим слушателям Института с пользою для дела принять участие в целом ряде научных экспедиций и работах, организованных научными и правительственными учреждениями».[442]

Сохранились программы читавшихся М. С. Андреевым курсов в Восточном институте, затем в Среднеазиатском государственном университете. Их сопоставление наглядно свидетельствует о совершенствовании методических навыков, расширении научного кругозора М. С. Андреева.

В Восточном институте по программе, составленной М. С. Андреевым по этнографии таджиков для студентов третьего года обучения, на I—II семестрах предусматривалось рассмотрение следующих вопросов:

I. Определение названия «таджик» и пределы современного расселения таджиков. Разделение таджиков по диалекту. Равнинные и горные таджики. Главные районы обитания таджиков. Типы таджиков.

II. Материальная культура: жилища, одежда, утварь, пища. Главные занятия: 1) земледелие, ремесла, промыслы; 2) скотоводство; 3) торговля и др.

III. Обычаи, сопровождающие различные случаи жизни: рождение, обрезание, детский возраст (игры и пр.), свадьба, похороны, поминки и др.

IV. Религия официальная и народная. Формы мусульманства. Следы старых верований. Мифология и демонология. Уранологические представления. Культ духов предков. Мазары. Почитание деревьев, огня и пр., лечение болезней, колдуны, знахари и проч.

V. Семья, община, общинное право. Процесс ассимилирования таджиков с окружающими их другими народностями и обратный процесс.[443]

После реорганизации Восточного института в 1924 г. в Восточный факультет с этнолого-лингвистическим и педагогическим отделениями при Среднеазиатском университете,[444] М. С. Андреев продолжал читать курс по языку и этнографии таджиков.[445] Он успешно преподавал востоковедческие дисциплины и в Ташкентском Государственном педагогическом институте.[446]

Общепризнано большое научное и познавательное значение разработанных и читавшихся М. С. Андреевым лекционных курсов. Как ученый и высококвалифицированный педагог, М. С. Андреев принимал активное участие в разработке новых методов преподавания и учебных планов, отдавал немало сил улучшению успеваемости студентов,[447] руководил работой студенческих этнографических кружков[448] на II, III и IV курсах восточного факультета САГУ. Им была составлена подробная программа работы кружка по сбору лингвистико-этнографических сведений студентами среди местных жителей.[449]

М. С. Андрееву принадлежит инициатива организации первых экскурсий студентов Восточного факультета САГУ. В частности, он намечал организовать следующие экскурсии:

1. Самарканд—Бухара, с осмотром архитектурных памятников и особенностей местного быта. Срок 8 дней. Число участников 20—30 человек, руководитель — И. И. Умняков или А. А. Семенов. Наиболее важная и интересная экскурсия для студентов Востфака.

2. Поездка на место древнего города Бинакента, с производством съемки плана и возможно небольших раскопок. Маршрут: Ташкент—ст., Сыр-Дарья,—мазар Шо-Мар Кала Аулия (на правом берегу Сыр-Дарьи при впадении Ангрена). Число участников—10 человек из любителей истории и археологии. Руководитель Н. Э. Вундцеттель или специально приглашенный для этой поездки М. Е. Массон. Срок 6 дней.

3. Экскурсия по старому городу Ташкенту с осмотром местных памятников. 1 день. Руководитель Н. Г. Маллицкий или И. И. Умняков. Число участников — неограниченно».[450]

С учетом большого вклада М. С. Андреева в этногра-

фическое изучение Средней Азии, при восточном факультете Среднеазиатского госуниверситета была открыта кафедра этнографии и антропологии. Первым ее профессором весной 1926 г. был избран М. С. Андреев.[451]

Преподавательская деятельность М. С. Андреева продолжалась до последних дней жизни ученого.[452] Он относился к ней с исключительной серьезностью, внимательностью и ответственностью. Курсы, которые читал М. С. Андреев, являлись плодом кропотливых изысканий по первоисточникам, многолетних наблюдений и изучения быта, языков и культуры тех народов, историю и этнографию которых он преподавал. К студентам, специализировавшимся по истории, и особенно по этнографии народов Средней Азии, он предъявлял очень высокие требования.

М. С. Андреев придавал важное значение воспитанию местных специалистов. Он считал, что самым главным *препятствием в изучении быстро исчезавших этнографических* материалов является отсутствие кадров, подготовленных научных работников.[453] Ученый подчеркивал: мы надеемся «на подрастающую молодежь, начинающую работать, и ту, которой еще предстоит работать в будущем. От их здоровой любви и интереса к родной старине зависит многое».[454] «Хорошие научные работники так необходимы Таджикистану, в особенности в области гуманитарных дисциплин», — писал М. С. Андреев. Необходимы они потому, что без них невозможно разрабатывать историю таджикского народа и изучать исчезающие бесследно в наши дни реликты предков таджикского народа.[455]

Многие советские ученые-востоковеды — лингвисты, археологи и этнографы — учились у М. С. Андреева.

Подытоживая свою научно-педагогическую деятельность, М. С. Андреев с гордостью говорил, что другие в некоторой степени мои научные «произведения» были мои студенты, «слушавшие в течение многих лет мои лекции по востоковедным дисциплинам, как имеются сведения, в значительном числе работают в разных местах нашего Советского отечества и за его пределами на разных должностях, применяя приобретенные знания, присоединив к ним другие, на пользу нашей Советской Родины. Краснеть за них не приходится».[456]

М. С. Андреев был отзывчивым консультантом науч-

ных работников и аспирантов республик Средней Азии.

Общественно-научная работа

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла путь к ликвидации классового, национального, военного и духовного гнета — гнета темноты и невежества, предрассудков и религиозного дурмана. Она поставила перед партией и правительством задачу — возродить к новой жизни науку, сделать ее достоянием масс, средством удовлетворения духовных потребностей трудящихся.

Решение этой важнейшей задачи, стоявшей перед диктатурй пролетариата во многом зависило от своевременного перехда старой интеллигенции — квалифицированных специалистов всех отраслей промышленности и хозяйства на сторону Советской власти.[457] Именно поэтому В. И. Ленин придавал огромное значение привлечению и перевоспитанию старой интеллигенции.[458] Благодаря мудрой политике Коммунистической партии передовая русская интеллигенция стала понимать, что большевики вовсе не собирались разгонять университеты, закрывать школы, жечь библиотеки, уничтожать музеи, громить картинные галереи, грабить дворцы, как об этом вопили тогда враги рабоче-крестьянской диктатуры. Наоборот, она все больше убеждалась в том что коммунисты являются подлинными борцами за национальную свободу и независимость Родины, что будущее страны, расцвет ее культуры всецело зависят от укрепления Советской власти.[459]

Огромные масштабы социалистического строительства в стране поражали Андреева. Словом, сама жизнь заставила ученого твердо и непоколебимо стать на благородный путь служения народу.

Наряду с плодотворной организационной и преподавательской работой в Восточном институте, Туркестанском университете, в 1918—1920 годах, М. С. Андреев исполнял обязанности научного консультанта при специальном представительстве НКИД по вопросу разграничения территории нашей страны с соседним государством — Афганистаном.[460]

М. С. Андреев писал: «Как я живо и радостно чувствовал внутри себя тогда, что не пропала и удивительно

пригодилась вся предшествовавшая долгая тренировка по востоковедным дисциплинам».[461]

Несмотря на большую загруженность служебными и общественными делами, М. С. Андреев буквально выкраивал время на продолжение научной работы.

В 1920 г. он собрал и затем опубликовал любопытный материал — сравнительную таблицу значений предметов, виденных во сне, у различных народностей Средней Азии.[462]

При собирании материалов по некоторым интересовавшим М. С. Андреева вопросам в области этнографии народов Средней Азии ему пришла мысль произвести в виде опыта краткую предварительную запись того, как одни и те же сновидения толкуют у разных народностей Туркестана. Автор ограничивался только теми народностями, представителей которых он мог встречать в Ташкенте, так как, считал он, предпринимать тогда специальные поездки на места для опросов не представлялось возможным. Ученый опросил представителей и тех народностей, которые были не только территориальными соседями населения Туркестана, но и с которыми в силу религиозной или этнической общности было бы важно сопоставить собираемые данные. Автор собирал народные толкования снов, записывая их от разных лиц, он не пользовался имеющимися у некоторых из народностей сонниками, что положительно сказалось на научном уровне.

М. С. Андреев опросил представителей 14 различных народностей, а именно узбеков Ташкента, узбеков из окрестностей Ташкента, казахов Сыр-Дарьинской области, кашгарцев, туркмен, каратегинцев, шугнанцев, патани — жителей окрестностей гор. Пешавера (Афганистан), персов, таджиков равнинных (из г. Ура-Тюбе), татар казанских, башкир, дунган из гор Шуджу и бухарских евреев.

К опубликованной таблице вещих снов М. С. Андреев присоединил, выделив в особую таблицу, несколько примет, распространенных у целого ряда народностей Средней Азии.

После победы Октябрьской революции и установления Советской власти на местах с целью укрепления равноправия, братского сотрудничества между народами, освободившимися от колониального и национального

гнета, Коммунистическая партия проводила политику национально-государственного размежевания Средней Азии. Это размежевание многонациональных республик и областей на однородные по национальному составу советские республики и области проводилось не путем насильственной ломки границ, а на основе добровольности, взаимного доверия и по воле самих трудящихся.

С этой целью В. И. Ленин поручил Туркестанской комиссии (Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана) составление этнографической карты Туркестана.[463] После этого Туркестанский Совнарком в марте 1921 г. предложил профессору Туркестанского университета, специалисту по этнографии туркмен, Владимиру Николаевичу Куну изучить вопрос и представить правительству обоснование плана изучения жизни коренного населения Туркестана. В апреле 1921 г. В. Н. Кун выступил на заседании Малого Совнаркома ТАССР с докладом об организации при Совнаркоме научной комиссии по изучению быта коренного населения. «Состав народов Туркестана очень разнообразен, — сообщал в своем докладе В. Н. Кун, — и не менее разнообразны их отношения между собой, в большинстве мирно соседские, но нередко и враждебные, — за этими отношениями стоит тысячелетнее прошлое и все разнообразие созданного им быта. Понять этот быт и внутренние стимулы его развития можно только в результате систематического изучения, и только на основе его возможно продуманное политическое управление».[464]

Для этих целей была создана в 1921 г. специальная «Научная комиссия по обследованию быта коренного населения Туркестана». Она должна была разработать предложения по улучшению межнациональных отношений народов Средней Азии.

Постановлением Большого Совнаркома ТАССР председателем комиссии был назначен В. Н. Кун, ученым секретарем и членом комиссии М. С. Андреев. В работе комиссии, в составлении этнографической карты, по просьбе Туркестанского Совнаркома, участвовали также Абубекр Ахмеджанович Диваев, известный специалист по этнографии и фольклору казахского народа, исследователь этнографии узбеков; председатель Туркестанского отделения Русского географического общества Николай Гурьевич Маллицкий; ректор Восточного института,

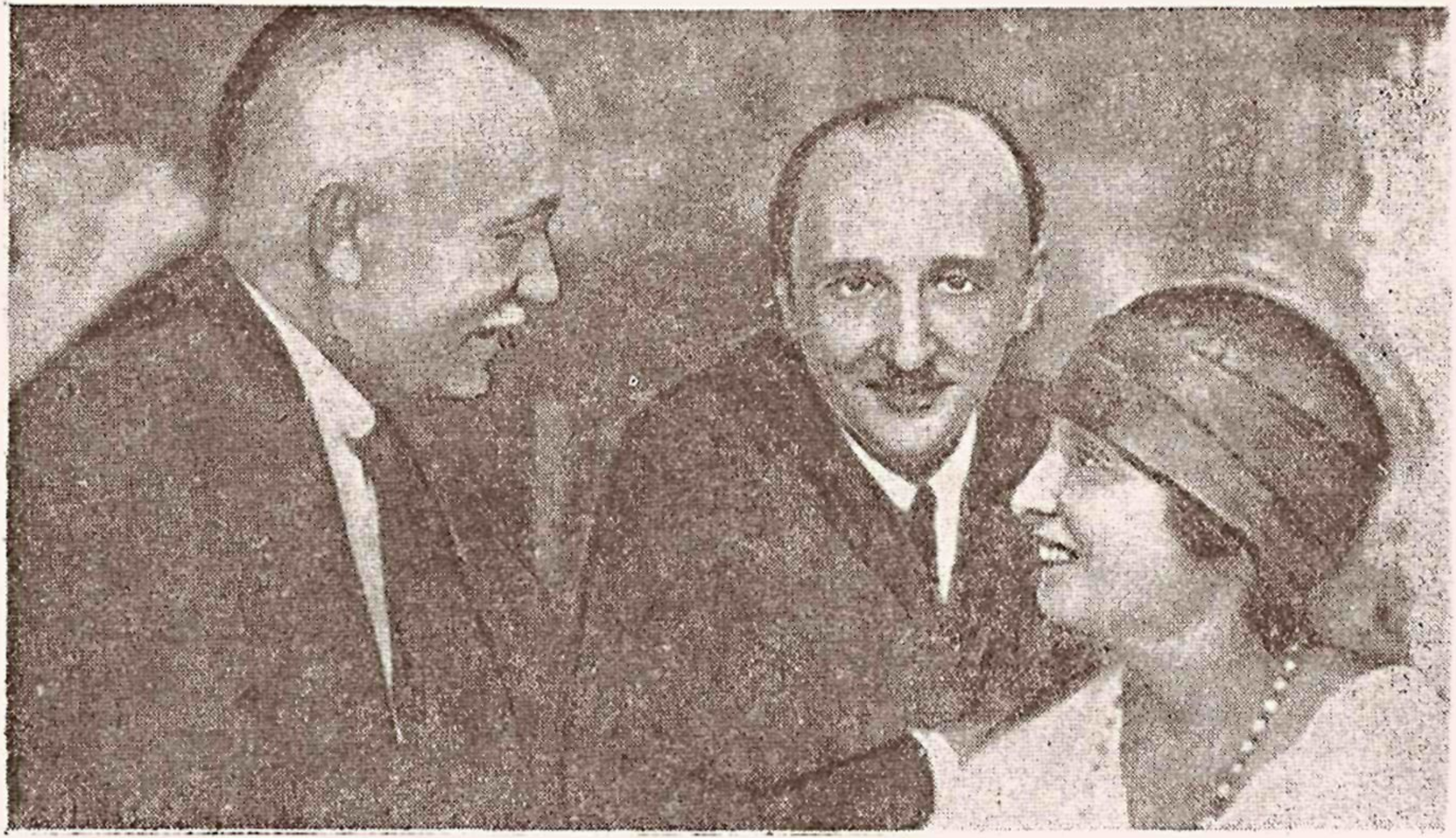

Рис. 5. М. С. Андреев и В. Н. Куи с женой А. И. Куи (1920—1922 гг.).

профессор, специалист в области исламоведения Александр Эдуардович Шмидт, известный лингвист профессор Е. Д. Поливанов и др.[465]

Комиссия должна была составить этнографическую карту Туркестана, обобщить этнографические материалы при описании коренных народностей Туркестана. Для этих целей были организованы две экспедиции: одна — в Сыр-Дарьинскую, другая — в Самаркандскую области. Руководителем второй экспедиции был М. С. Андреев.

В ней участвовали сотрудники и студенты Ташкентского восточного института Н. А. Буров, Е. М. Пещерева, А. Л. Троицкая и А. Э. Шмидт (во второй половине поездки, с октября). Экспедиция начала свою работу 25 июля с обследования Самаркандского уезда, которое продолжалось до 19 августа. Затем экспедиция вела работу в соседнем Катта-Курганском уезде. С 31 августа экспедиция переехала в Джизакский уезд. Финансовые затруднения привели к приостановке работ в Джизакском уезде.[466] В октябре 1921 г. трое членов экспедиции— М. С. Андреев, Е. М. Пещерева и А. Э. Шмидт — совершили дополнительную кратковременную поездку в Катта-Курганский уезд.

Основные результаты работ Самаркандской экспедиции заключались в следующем. Было обследовано около 50 волостей и собран материал для составления этнографической карты Самаркандского, Катта-Курганского и части Джизакского уездов. Ввиду того, что на существовавших картах названия местностей часто были искажены, «все названия селений на пройденном экспедицией пространство не только были вновь записаны с воспроизведением местной фонетической транскрипции, параллельно записывалась местная транскрипция на арабском языке в той форме, как это делало местное население. Записывались и объяснения местных жителей относительно происхождения названий тех или других пунктов, местные предания, легенды и пр. Попутно собирался материал для характеристики быта народностей, записывались их некоторые обычаи, верования и пр.» — сообщал М. С. Андреев.[467]

Участники экспедиции собрали материал о быте и обычаях около 50 узбекских родов и полутораста колен живущих как в юртах, так и в глинобитных постройках. М. С. Андреевым был собран материал о процессах

образования новых родов, о брачных отношениях между их членами, занятиях населения. Все это и обусловило составления М. С. Андреевым специальной этнографической карты, на которой были подробно отмечены все селения с проживающими таджиками. В. В. Бартольд в своем дневнике (15 мая—20 июня 1925 г.) также упоминает об этой работе.

«Вечером 16 мая (1925 г.) заходил к М. С. Андрееву. По разговору видно, что М. С. Андреев и Е. М. Пещерева собираются снова в экспедицию в Восточную Бухару, хотя около Душанбе положение опасно, т. е. басмачество. М. С. Андреев показывал этнографические карты, являющиеся результатом его поездки, где отмечены краской все селения таджиков».[468]

В 1922 г. М. С. Андреев опубликовал две статьи — путеводитель Герат-Кандагар[469] и «К материалам по старой персидской музыке», заключающие в себе объяснение названий тридцати музыкальных произведений знаменитого Барбуда, придворного музыканта при Хосрове Парвизе (начало VII в.).[470]

В 20-е годы в Ташкенте функционировало несколько востоковедных организаций. В работе всех их М. С. Андреев принимал самое непосредственное и активное участие. В частности, он неоднократно выступал с докладами в секции этнографии и археологии Средне-Азиатского отдела Русского географического общества.[471] Он работал в Главном среднеазиатском музее заведующим отделом этнографии.[472]

В 1925—1930 гг. научная деятельность ученого протекала в тесной связи с «Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами»,[473] одним из деятельных членов-учредителей которого был М. С. Андреев. Общество организовалось в Ташкенте 9 января 1925 г.,[474] оно должно было состоять при ЦИК Таджикской Автономной Советской Социалистической еРспублики, а до избрания ЦИКа находилось в ведении Ревкома ТАССР.[475] В задачи общества входило изучение «географии с флорой и фауной и естественно-производительных сил Таджикистана, его экономики, истории и археологии, языка и диалектов, литературы и философии, этнографии и искусства, культуры материальной и духовной».[476] В уставе Общества, утвержденном на втором организационном собрании Общества 23 января

1925 г., где М. С. Андреев был избран членом постоянного президиума Общества,[477] подчеркивалось:

«Для достижения указанной цели Общество:

а) имеет право с надлежащего разреешния открывать свои филиальные отделения и информационные бюро в пределах СССР;

б) вступает в сношения с существующими научными обществами, организациями и отдельными лицами, находящимися в странах, в интересах научной взаимопомощи;

в) содействует организациям, учреждениям и отдельным лицам в деле осуществления задач Общества, организует научные экспедиции и другие работы по изучению Таджикистана и других стран, населенных иранцами (ираноязычными народностями. — **Х. А.** и **Н. А.**), издает научные труды, сборники по отдельным вопросам и принимает активное участие в работе местной и центральной прессы...

13) Вся научная деятельность Общества сосредоточивается в двух отделах: 1) физико-географическом и экономическом и 2) в историко-филологическом и этнографическом.

14) Оба отдела имеют право с разрешения правления организовывать секции по отдельным предметам и вопросам, входящим в круг их изучения.

15) На отделы возлагается, помимо собирания и обработки материалов, подготовка научных и популярно-научных изданий, научных экскурсий и экспедиций по заданиям Правления или его Президиума по отдельным практическим или теоретическим вопросам, входящим в область возможной компетенции Общества...

Членами общества могут быть все ученые специалисты-востоковеды, практические работники на Востоке и все граждане, интересующиеся Таджикистаном и оказывающие услуги Обществу».[478]

На очередном заседании Общества 25 января 1925 г. М. С. Андреев избирается заведующим историко-филологическим и этнографическим отделом.[479] Участвовавший почти во всех заседаниях Общества, М. С. Андреев[480] часто выступал с научными докладами. На заседании 30 января 1925 г. он сделал доклад «О предполагаемой работе историко-филологического и этнографического отдела». М. С. Андреев предложил привлечь к работе Обще-

ства крупнейших знатоков Средней Азии, профессоров В. В. Бартольда и А. А. Фреймана.[481] Другой активный деятель Общества — А. А. Семенов — еще до этого в своем письме, адресованном В. В. Бартольду, сообщал: «На днях здесь (т. е. в Ташкенте. — **Х. А.** и **Н. А.**) сформировалось «Научное О-во для изучения Таджикистана» с 2 отделами: 1) географии и экономики и 2) историко-филологическим и этнографическим». Программа Общества очень широкая. Предполагается издание печатного органа. Центр общества должен быть в Ташкенте, филиал — в Душанбе.[482] Уже на заседании от 25 января 1925 г. был поставлен вопрос о составлении и затем издании в ближайшие месяцы тогда еще именуемого справочника «Таджикистан». Правление Общества принимает решение, обязывающее своих членов в ближайшем будущем привлекать к написанию справочника сборника специалистов различных научных профилей, которые занимались и занимаются изучением Таджикистана. Затем М. С. Андреев, как член правления Общества, обращается к В. В. Бартольду со следующей просьбой: «Глубокоуважаемый Василий Владимирович. Я писал в прошлом письме[483] об образовании здесь Общества для изучения Таджикистана, пока тесно примыкающего к новому таджикскому правительству и начавшему свое существование при его поддержке. На первых же шагах Об-во получило предложение от таджикского правительства издать справочную книжку по Таджикистану. В числе отделов имеется от(дел) 2 — «Исторический очерк». Единогласно на заседании было решено обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать принять это на себя...».[484]

Благодаря поддержке правительства и огромной энергии членов правления Общества за короткий срок был подготовлен к печати и издан сборник статей под общим названием «Таджикистан»,[485] в котором было помещено 13 очерков — статей, посвященных истории и этнографии таджиков, флоре и фауне края, его природным условиям, путям сообщения и экономике. В. В. Бартольдом была написана статья «Таджики. Исторический очерк». В ней автор вкратце изложил историю таджикского народа от IV в. до н. э. до присоединения Средней Азии к России.

Несмотря на серьезные теоретические недостатки,

свойственные трудам В. В. Бартольда, названная работа послужила основой для последующей разработки истории таджикского народа, ибо она была написана «на основании многолетних изысканий автора, досконально изучившего источники, касающиеся истории таджикского народа... К тому же это первая работа, посвященная специально истории таджикского народа».[486] В сборнике были помещены также статья М. С. Андреева под названием «По этнографии таджиков»,[487] где автор характеризует их как древнейший народ Средней Азии, «мировая культурная роль которого в истории человечества была очень велика». М. С. Андреев, очень подробно излагая определение слов «таджик», «сарт» и «гальча» в этническом отношении, переходит к описанию населяемой таджиками территории. Большое научное значение имели представленные автором карты, иллюстрировавшие заселение таджиками отдельных районов Средней Азии. Основная часть труда посвящалась вопросам, непосредственно относящимся к этнографии таджикского народа. Очень ценны приведенные М. С. Андреевым материалы о древних обычаях общественного гостеприимства, о многих случаях проявления таджиками мягкости характера, о воспитании ими детей и т. д.

«Любовь к цветам, поэзии, музыке, некоторая тщеславность, склонность к нарядам не мешают таджику оставаться человеком дела и очень твердо ходить по земле в житейских вопросах», — пишет М. С. Андреев. Автор обрисовывает таджика как прекрасного труженика-скотовода, земледельца, ремесленника, искусного торговца, дипломата и т. д. Немалое место в статье занимает вопрос о положении женщин в быту и в семье: «Среди горных таджиков женщина является серьезной помощницей своему мужу. На ней лежит целиком домашнее хозяйство и, кроме того, она участвует в полевых работах: в некоторых горных местностях женщины рядом с мужчинами жнут, молотят (обычным среднеазиатским способом, гоняя скот по сложенным на гумне снопам) и исполняют некоторые другие работы». Дается описание роли женщин в скотоводстве, рукоделии, ремеслах, молочном хозяйстве. В работе дано описание не только религии ислама с его ответвлениями — суннитами и исмаилитами, но также домусульманских верований, бытовавший среди таджиков (божество грома, миф о тучах-ко-

ровах, доставляющих молоко-дождь жаждущей влаги земле, о радуге, старухе Оджуза и дивах).

На сборник статей «Таджикистан» поступили отклики крупнейших ученых-востоковедов страны. Известный знаток Востока академик И. Ю. Крачковский, занимавший тогда должность секретаря Отделения исторических наук и филологии Академии наук СССР, в специальном письме, адресованном в сентябре 1925 г. Президиуму Общества, писал: «Продуманный подбор статей, их содержательность, разносторонность характеризует деятельность молодого Общества. Солидный состав сотрудников позволяет надеяться, что сборник откроет собой серию таких же полезных работ по изучению Таджикистана».[488]

Крупнейший востоковед страны академик С. Ф. Ольденбруг, оценивая издательскую деятельность Общества, писал в декабре 1927 г.: «За короткое время Обществу удалось издать ряд прекрасных исследований. Общество делает важнейшее общенаучное и вместе с тем краеведческое дело».[489]

М. С. Андреев совершил неоднократные поездки на средства и при поддержке Общества, во время которых он собрал многочисленные материалы по этнографии и лингвистике таджикского народа.

В апреле 1925 г. председатель Общества А. А. Знаменский сообщил, что в его распоряжение поступил экземпляр книги «Путеводитель по Каттагану и Бадахшану», изданной афганским военным министерством. Общество обязало М. С. Андреева дать отзыв на эту книгу.[490] Вксоре он выступил с подробным сообщением о «Путеводителе по Каттагану и Бадахшану», в котором излагались не только результаты путешествия военного министра Афганистана Мухаммед Надир-хана, но и приводился обзор природных условий, населения, экономики, дорог северной провинции Афганистана. На основе оценки книги М. С. Андреевым члены Общества приняли решение издать «Путеводитель по Каттагану и Бадахшану» на русском языке, поручить перевод и редактирование книги М. С. Андрееву.[491]

Эта работа была почти завершена М. С. Андреевым.[492] В письмах председателя Правления Общества А. А. Знаменского председателю Ассоциации востоковедения при ЦИК СССР М. П. Павловичу,[493] и Народному Комиссару

по иностранным делам СССР Г. В. Чичерину от 25 июля 1925 года сообщалось:

«Уважаемый товарищ!

Пересылая здесь для Вас записку — отзыв проф. М. С. Андреева о книге «Путеводитель по Каттагану и Бадахшану», считаю необходимым довести до Вашего сведения, что названное произведение принято к изучению Таджикским научным Обществом.

Перевод выполняется — технически он ныне закончен — под редакцией М. С. Андреева, члена правления Общества и руководителя его историко-филологического и этнографического отдела, а просмотр исторической части этой книги принят на себя членом Общества академиком В. В. Бартольдом.

По окончанию подготовительных работ: перевод, просмотр, проверка географических и иных наименований, примечаний и пр., книга будет сдана в печать, как постановлено об этом Правлением Общества, в сентябре или октябре настоящего года...».[494] К сожалению, при аварии, случившейся по дороге из Ягноба в Душанбе в 1925 г., во время экспедиции ученого, лошадь, во вьюках которой, в частности, находились рукописи перевода и части оригинала указанной книги, упала в пропасть.[495] Вероятно, после случившегося М. С. Андреев отказался от дальнейшей работы над путеводителем, и он вышел в свет, переведенный П. П. Введенским, Б. И. Долгополовым и Е. В. Левкиевским, под редакцией известного востоковеда, профессора А. А. Семенова.[496]

Интересным было сообщение М. С. Андреева на заседании правления Общества в сентябре 1925 г. на тему: «*О значении и деятельности Научного общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами*». Докладчик говорил о роли Общества в изучении Таджикистана, его возникновении, структуре, издательской деятельности, о его научных связях как с отечественными, так и зарубежными научными ассоциациями. М. С. Андреев подчеркивал, что «Средняя Азия до сих пор сравнительно мало исследована, мало изучена. Отсюда следует, — говорил он, — шире развернуть рамки работ, втянуть, заинтересовать наибольшие силы, могущие охватить все стороны жизни народа, его историко-географические и иные особенности». Затем М. С. Андреев поделился своими впечатлениями о проделанных

Рис. 6. М. С. Андреев (1925—1926 гг.).

им изысканиях в различных районах Средней Азии.[497] М. С. Андреев сообщил и о результатах проведенных этнографических экспедиций.[498]

Как член редакционно-издательской коллегии Общества М. С. Андреев активно содействует издательской деятельности, публикует ряд своих работ и статей.

М. С. Андреевым в июне 1925 г. в Душанбе,[499] а в сентябре того же года в Хороге[500] были основаны филиалы Общества. Выступая перед участниками первого организационного собрания в Хороге, он говорил о деятельности Общества и задачах в области историко-географиче-

ского и этнографического изучения Памира.[501] В состав филиалов Общества, организованных М. С. Андреевым, вошли представители партийных и советских органов, учителя, воины из подразделений пограничных постов Хорога. Интерес к образованию филиала Общества в Душанбе «был вызван, по-видимому,— говорил М. С. Андреев, — значительный, и в члены записалось много, в том числе лучшие местные силы».[502] Как отмечал в своей брошюре о работе Общества Е. С. Шагалов, «В состав филиалов Общества вошли люди, интересовавшиеся наукой, увлеченные результатами первых исследований Общества. Но, не имея специальной подготовки, не владея методикой научной работы, члены филиалов не смогли внести существенный вклад в изучение Таджикистана. Создание филиалов стало свидетельством роста влияния Общества на интеллигенцию республики, понявшую необходимость вести краеведческую работу. Местная интеллигенция уже осознала необходимость применения науки в строительстве новой жизни, но сама еще не могла этому содействовать».[503]

Поездки М. С. Андреева в 1925 г., наряду с этнографическими задачами, были связаны также с осуществлением практических мероприятий по ликвдиации культурной отсталости населения тех районов, куда совершал ученый свои поездки.

В 1927 г. Общество опубликовало сборник «По Таджикистану», в котором была помещена статья М. С. Андреева «Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны). Св. Параскева Пятница. Див-и Сафид».[504] Статья посвящалась широкому распространению и почитанию в Средней Азии феи Золушки, покровительницы прях, известной под именами «Биби-Се-Шамбе» — «Госпожа Вторник», «Биби Чор-Шамбе»—«Госпожа Среда», «Пеншанбе-Кары» — «Женщина-четверг», «Биби-Рисинда» — «Биби-Чарха» — «Госпожа с прялкой» и связанные с нею обряды. В статье приводилось краткое содержание среднеазиатского варианта сказания о Золушке, упоминалось об обычаях, сопровождавших принесение животных в жертву и др. В особом разделе был освещен образ пряхи и его местные названия в Рушане, Бартанге, Шугнане, Вахане, а также обычаи, связанные с этим образом.

Наибольшее значение имела статья М. С. Андреева «Из материалов по мифологии таджиков», опубликован-

ная в том же сборнике.[505] В ней автор приводит следы древних верований: миф об Отце-Небе, Матери-Земле и в связи с этим разделение времен года на мужскую — зима и осень, так как в это время с неба идут на землю дожди и снег, оплодотворяющие землю, — и женскую — весна и лето, так как в этот период вырастают плоды и зелень, природа тогда родит. Автор сопоставляет эти верования с такими же представлениями афганцев. Сообщалось об облаке-корове, о причине появления радуги по представлениям населения долины р. Гунта в Чашме-и-Оби Гарме и среди памирских киргизов Тагар-Кокты; о древнем божестве грома, о старухе Оджуз, Бабе-Яге, о Млечном пути, называемом по-таджикски «ра-й кахкашон» — «дорога возчиков мякины (самана)», и «дарье» — «большая река», а по-тюркски «Куш-юлы» — «дорога птиц» и по-локайски «чигина джул», т. е. «санный путь». В заключение статьи автор подчеркивал, что по существу верование в Млечный путь, очень распространенное в Средней Азии, должно принадлежать исконным земледельцам, какими и являются таджики, древнейшими жителями Средней Азии.

В том же 1927 г. по линии Общества была напечатана статья о «Чильтанах», особых невидимых существах, наделенных сверхъестественной силой. Легенды о них широко распространялись среди народов Средней Азии. В работе ученого подробно описано происхождение названия «чильтаны» — обряды, связанные с этим культом.[506]

М. С. Андреев во время своих поездок по поручению Общества не раз сталкивался с фактами миграции сюжетов сказок от одних народов к другим. Изучая широко распространенную как у русского народа, так и у народов Средней Азии сказку «Царевна-лягушка», в долине Хуф он обнаружил другой вариант этой же сказки, в котором образ царевны лягушки заменен образом змеи,[507] предпочитаемые насекомые у народов Средней Азии.

Многое новых данных о первобытных формах верований таджиков, в том числе о боге земледелия — Бобои Дехкан, кузнечном боге — Давиде и о других старых божествах и старых почитаниях, связанных с тем или иным ремеслом, с процессом исламизирования населения, приводилось в работе М. С. Андреева «По поводу процесса

образования примитивных среднеазиатских древних цехов и цеховых сказаний (рисаля)».[508]

С 1928 г. М. С. Андреев был привлечен к разработке этнографических материалов известной Памирской экспедиции 1928 г., возглавляемой Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии.[509]

В 1928 г. по линии «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами» он участвовал в составлении грамматики таджикского языка. На М. С. Андреева возлагалось руководство работой по определению грамматических форм таджикского языка.[510] По всей вероятности, не сумев подобрать соответствующих для этой цели работников на местах, Общество поручило М. С. Андрееву попытаться привлечь к выполнению столь сложной тогда задачи ученых-специалистов из центра, о чем свидетельствует отрывок из письма М. С. Андреева, адресованного А. А. Фрейману в июне 1928 г.: «Но вот есть другая, сугубо интересная и важная тема, которая меня ставит в тупик. Это «таджикская грамматика». Возложена также на меня. «Грамматику» эту я понимаю как собирание грамматического материала по различным таджикским говорам и наречиям новоперсидского языка, который мог бы служить для составления грамматики таджикского языка, могущей лечь в основу школьного и официального (курса) таджикского языка. Дело в том, что таджики налаживают теперь свою национальную и государственную жизнь, и вопрос о том, что должно считаться для них за их язык, является очень сложным и озабочивающим... Теперь вопрос, как же быть? Разговорный язык разнится от письменного, но этот разговорный не везде одинаков, чтобы можно было бы его принять в письменную форму в том виде, как им говорят. Приходится для этого предварительно пересмотреть различные имеющиеся формы в разных местах, для того, чтобы судить о правильности и предпочтительности принятия той или другой. Например, что взять: «Ман-ба тиид (дайте мне)? Дам-ан тиид? Мананда тиид? или «ба-ман тиид?» — в общем очень сложная и запутнная задача».

М. С. Андреев считал, что правильно было бы собрать образцы речи из разных мест Таджикистана, представив по возможности главные говоры, наречия, обработать эти образцы формальным методом, выяснив грамматиче-

ский строй этих говоров, и наметить распространение и положение, занимаемое той или другой формой. Это было бы, писал он, крайне важной и интересной работой, которая заодно позволила бы и ощупать топографически старые местные формы наречия, лежащие, как субстрат, под теперешними таджикскими говорами. Ведь в значительном большинстве случаев эти старые местные формы наречия, вероятно, и создали имеющиеся грамматические особенности и отклонения. Работа, конечно, большая, трудная и очень сложная в организационном отношении. Но зато какая важная и интересная!

М. С. Андреев сообщает, что составление такого рода работы, облегчается еще до некоторой степени тем, что им по разным местам уже собрано довольно много различных образчиков речи, которые можно дополнить методом опроса у местных студентов-таджиков. В конце своего письма М. С. Андреев добавляет: «...а для Вас работа тоже, по моему мнению, в указанном выше аспекте могла бы быть сугубо интересной» и предложил своему коллеге принять участие в составлении грамматики таджикского языка.[511]

Интересно ответное письмо А. А. Фреймана М. С. Андрееву: «Глубокоуважаемый Михаил Степанович! Получил Ваше письмо от 10 июня (1928 г.). Ваше письмо дышит таким большим научным энтузиазмом, что его чрезвычайно радостно перечитывать. Очень Вам признателен за объяснения применяемых Вами знаков в транскрипции. У Вас в высшей степени тонкий слух и, по-видимому, записанное Вами представляет собою идеальную в меру человеческих сил картину слышанного их произношения... Теперь позвольте относительно таджикской грамматики. Как прекрасный знаток местных языков, Вы уже сами определили тот метод, пользуясь которым только и можно было бы настоящим образом выполнить столь трудную и ответственную задачу: необходимо предварительно выяснить грамматические факты отдельных говоров, различая говоры и подговоры, как Вы совершенно верно говорите, вопрос идет о создании таджикского языка...».[512]

Несмотря на прилагаемые усилия, М. С. Андреев ввиду своей перегруженности не успел написать чисто грамматическую работу.

По линии Общества он принимал участие в пересмот-

ре вопроса о введении в Таджикистане нового латинского алфавита, более полно учитывающего таджикскую фонетику.[513]

Введение нового таджикского алфавита было выдвинуто всем процессом национально-государственного строительства в СССР и неуклонным сближением наций.

«1. Латинизация таджикского алфавита преследует цели облегчения трудящимся массам таджикского населения процесса усвоения грамотности и сближения их с трудящимися других национальностей.

2. Распространение грамотности среди подрастающего и взрослого таджикского населения тем легче будет достигнуто, чем лучше будет отражать вводимая новая графика общую фонетическую систему таджикских говоров».[514]

В приветствии Всесоюзного Центрального Комитета участникам Первой таджикской конференции нового алфавита подчеркивалось: «За короткий период Таджикистан со своим трудовым народом проделал огромные работы по строительству Советской республики Таджикистана, а теперь через новый алфавит он закладывает прочный фундамент культурной революции».[515]

Переход на латинский алфавит для таджикского языка сыграл прогрессивную роль. Ибо если арабское письмо было символом мусульманской религии и «восточного» застоя, то новый, латинизированный алфавит стал для таджикского народа символом культурной революции.[516] Латинизированный алфавит имел ряд преимуществ перед алфавитом арабской основы и в дальнейшем явился промежуточной стадией при переводе письменности на русскую графику.[517]

На первой конференции по разработке нового таджикского алфавита, проходившей с 28 по 31 октября 1928 г. в Ташкенте, в работе которой принимал участие и М. С. Андреев,[518] выяснилось, что в то время неизученность таджикских говоров и неопределенность стиля таджикского нормативного литературного языка были основным препятствием в работе по латинизации таджикского алфавита. Участники конференции, по указанию Наркомпроса республики, обеспокоенного всем этим, приняли постановление:

«1. Принять все меры к всестороннему исследованию отдельных говоров и наречий таджикского языка с целью

сравнения их и установления наиболее распространенного говора, который должен лечь в основу создающегося литературного таджикского языка.

2. С целью исследования особенностей таджикских говоров командировать ряд научных работников ...в наиболее характерные по языку районы Таджикистана и особенно в его горные округа.

3. Провести в апреле-мае 1929 г. кампанию для разъяснения широким трудящимся массам значения перехода на новый алфавит и его целесообразность, для какой цели заблаговременно подготовить соответствующий руководящий материал и персонал.

4. Ввести на курсах переподготовки учителей изучение правил правописания и методики родного языка в связи с введением нового алфавита.

5. Принять меры к подготовке руководства и материалов для ведения занятий на курсах переподготовки учителей по новому алфавиту, дабы с осени будущего года иметь кадры подготовленных преподавателей, кои могли бы вести занятия согласно плану в школах первой ступени.

6. Отмечая слабое руководство латинизацией, принять меры к организации на местах специальных аппаратов (комитетов) по популяризации и внедрению в широкие массы трудящихся нового таджикского алфавита.

7. Усилить связь между таджикским и узбекским центральными комитетами нового алфавита и использовать материалы последнего в части, касающейся таджиков Узбекистана.

8. Для изучения европейцами таджикского языка и тем самым ускорения коренизации государственного аппарата в Таджикистане выпустить в ближайшее время соответствующие учебные пособия на новом алфавите.

9. Просить соответствующие партийные, советские, профессиональные и общественные организации в плановом порядке организовать кружки-школи по изучению нового таджикского алфавита.

10. Создать в летний период 1929 г. конференцию по вопросу о правописании нового алфавита».[519]

Участники конференции при поддержке правительства Таджикистана поручили разработку диалектологии таджикского языка М. С. Андреву. В 1930 г. ученым была опубликована работа, посвященная «обзору таджикских

говоров», в которой он впервые провел классификацию таджикских говоров, разделив их на две основные группы: северо-западную и юго-восточную.[520] Эта работа ученого во многом содействовала введению нового латинского алфавита в Таджикистане.

Учитывая ограниченность времени на разработку этого важного и сложного вопроса, автор в предисловии к работе отмечал, что ввиду необходимости спешного выяснения общей картины таджикских говоров и диалектов в Средней Азии, в связи с возникающими вопросами по применению латинского алфавита и приспособлению его к характерным особенностям таджикских говоров, пишущему поручено было произвести хотя бы самое краткое общее обследование таджикских говоров по некоторым пунктам в качестве материалов для ближайшей Таджикской конференции по вопросам языка и алфавита, использовав для этого учащихся Таджикского института просвещения в Ташкенте, среди которых находятся представители различных мест, населенных таджиками.[521]

Один из учащихся Таджикского института просвещения в Ташкенте, вспоминая о своей встрече по этому поводу с М. С. Андреевым, писал:

«Однажды к нам в Институт пришел пожилой, седой человек, с чуть косящим глазом, крупный, большеголовый. Мы были заранее предупреждены о его приходе: нам говорили, что с нами будет беседовать русский профессор Андреев. Мы ждали его, собравшись в столовой.

Войдя к нам, профессор сказал по-таджикски:

— Салям-алейкум, бачахо! Здравствуйте, ребята!

Мы даже не сразу ответили. Нам казалось удивительным, что русский человек может так чисто говорить по-таджикски.

Усевшись за стол, профессор стал задавать нам вопросы и записывать наши ответы.

Он спрашивал, откуда кто родом, и разговаривал с каждым из нас, как земляк, притом так чисто, что невозможно было поверить, что профессор не таджик. Если бы он просто говорил по-таджикски, то это, может быть, было бы не так удивительно, но он владел чуть ли не всеми говорами таджикского языка!

И к нам он пришел записать особенности некоторых говоров. Беседа наша оживилась. Михаил Степанович,

оставив записи, стал говорить с нами о вещах, никогда нами не слыханных...

Ученый стал нам рассказывать о Бухаре, о ее истории..., о первом и величайшем поэте нашего народа (Рудаки. — **Х. А.** и **Н. А.**). Он наизусть читал его стихи...

Профессор Андреев рассказывал нам о других великих *людях прошлого (в том числе о Носире Хисраве.* — **Х. А.** и **Н. А.**), вышедших из среды народа, и с сожалением говорил о том, что таджики, пребывавшие столетия в угнетении, темноте, невежестве, плохо знают и даже совсем не знают своих великих поэтов и ученых, которых они дали миру.

— Но вы теперь должны постараться скорее познакомиться с ними, воскресить их славу в своем народе. Они помогут таджикам полюбить просвещение, науку, искусство». Далее М. С. Андреев убедил ребят в том, что «изучать историю, культуру, обычаи народа необходимо. Можно ли сказать, что вы знаете свой народ? В лучшем случае вы хорошо знаете свой кишлак. Но ведь таджикский народ живет не в одном кишлаке, а в большой стране. Много таджиков за пределами нашей страны, к югу от Аму-Дарьи. Как жил народ раньше? Живет ли он *сейчас так же, как жили его предки?* Какие у него ремесла и искусство? Какие у него сказки, песни, о чем говорит в них народ? Все это вам надо постичь. Если не знаешь свой народ, то и служить ему трудно...

В последующие годы я познакомился с творчеством и Рудаки, и Носира Хисрава, и многих других деятелей культуры прошлого, изучил историю своего народа. Но русский ученый, первый сказавший мне «Знай свой народ» — и сам показавший пример любви и уважения к моему народу, остался у меня в памяти на всю жизнь».[522]

Эта необходимая работа была выполнена М. С. Андреевым очень поспешно, в течение немногим более 6 месяцев. Она базировалась в основном на расспросном материале, ряд положений исследования подвергся со временем уточнению и исправлению.[523] Даже сам автор, вспоминая об «Обзоре таджикских говоров», как-то говорил: «В 1930 г. по просьбе правительства Таджикской ССР мною был наскоро составлен «Обзор таджикских говоров» как материал по состоявшейся тогда конференции по алфавиту и грамматике таджикского языка. К сожалению, это первая работа по таджикской диалектоло-

гии (общий обзор) была значительно обезображена при спешке, которой сопровождалось печатание, сделанное, к тому же, во время моего отсутствия и при этом без удовлетворительной корректуры».[524]

«Следует добавить, — указывал он в предисловии, — что при представлении настоящей работы, конечно, отнюдь не имеется в виду рассматривать ее как исчерпывающий материал по определению затронутых в ней вопросов, даже для тех районов, представители которых опрашивались. Только полное отсутствие пока общего сводного материала по таджикским говорам и наречиям Средней Азии позволяет мне иметь смелость представить настоящую наспех сделанную и неполную сводку записей все же как единственное пока средство, дающее возможность ориентироваться, хотя бы в общих чертах, по затронутым в работе вопросам».[525]

Несмотря на отдельные недостатки работы, выразившиеся в известном несовершенстве методов сбора материала, неточности некоторых фактов, приводимых автором, она имела важное значение для латинизации таджикского алфавита и выработки таджикского нормативного литературного языка. Основные выводы ее — предложенная М. С. Андреевым классификация таджикских говоров с разделением их на северо-западные и юго-восточные[526] — были шагом вперед по сравнению с классификацией таджикских говоров, проведенной П. Е. Кузнецовым.[527]

Работа М. С. Андреева имела большое значение в истории таджиковедения, а предложенное им деление таджикских говоров на две группы — северо-западную и юго-восточную — надолго укоренилось в среде иранистов.[528]

В настоящее время, в связи с накоплением диалектных материалов, выявлено четыре (а по утверждению некоторых авторов — три)[529] группы таджикских говоров: 1) северная с подгруппами самаркандско-бухарской, западноферганской (Ленинабад, Канибадам, Исфара), восточноферганской (Ашт, Чуст, Кассансай), ура-тюбинской (Ура-Тюбе, Шахристан); сюдаже включаются говоры пенджикентский, каратагский, самаркандско-еврейский, а также говоры Зебона, Фильмандара и Кос-тароша; 2) центральную, включающую матчинские, фальгарские говоры, говоры Риштана и Соха; 3) южную

с подгруппами бадахшанскую, северокулябскую, южнокулябскую, хорогскую и каратегинскую; 4) юго-восточную, включающую дарвазские говоры».[530]

В целом, несмотря на некоторые недостатки и неточности, отражающие общий уровень иранистики и, особенно, таджикского языкознания, указанная работа М. С. Андреева явилась первой попыткой по описанию говоров таджикского языка в послереволюционный период.

М. С. Андреев в 1930 г. как один из членов таджикской секции научно-ислседовательского общества, организованного при Восточном факультете САГУ, принимал участие в создании русско-таджикского словаря.[531] Сообщая о начавшейся работе над словарем С. Ф. Ольденбургу (письмо от 5 апреля 1930 г.), М. С. Андреев писал: «Вы в письме спрашивали про то, имеется ли у нас работа по таджикскому словарю, а мне хотелось Вам ответить точнее и реальнее: случайно Вы как раз затронули самое щекотливое место в данный момент.

При Восточном факультете имеется вновь организовавшееся местными силами научно-исследовательское общество — главным образом кружок студентов и несколько преподающих. Как раз перед получением Вашего письма я очень старался о постановке сбора материалов для таджикского словаря, точнее, даже для нескольких. Один из них, диалектологический, даже поручен мне (за неимением, конечно, ничего лучшего под рукою...). Можно собрать удивительно интересный и большой материал, но для этого нужно много энергии, времени и работающих».[532]

Представляет интерес активное участие М. С. Андреева и в последующей работе по таджикской лексикографии.

В феврале 1931 г. Совнарком Таджикской ССР принял специальное постановление «Об издании русско-таджикского и таджикско-русского словаря». В нем были установлены очень сжатые сроки подготовки и издания словарей в двух томах с привлечением к их составлению профессоров М. С. Андреева, А. А. Семенова, писателя С. Айни. Постановление учитывало, что сбор материалов для таджикско-русского и русско-таджикского словаря уже ведется по заданию Наркома просвещения Таджикской ССР, Ниссар-Мухамедова.[533] К сожалению, из-за

отсутствия данных нам не удалось выяснить конкретное участие М. С. Андреева в дальнейшей работе над этими словарями.

«Наступил 1929 г., Таджикистан в первую пятилетку вступает уже как союзная республика. Впереди — индустриализация народного хозяйства, перевод сельского хозяйства на социалистическую основу, осуществление культурной революции. Необходима во всем конкретная, деловая и повседневная помощь науки. Находясь в Ташкенте, Общество не в состоянии было вести исследования прикладного характера, ограничены были в этом его возможности. И как логическое развитие событий — Общество вошло отдельной секцией в состав вновь созданного в Душанбе Таджикского государственного научно-исследовательского института. Такое решение было принято 9 сентября 1930 г. на общем собрании членов Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами».[534] В постановлении собрания говорилось: «1. а) Приветствовать решение Таджикского правительства о необходимости оживления работы общества и о включении его в качестве секции в состав организуемого Таджикского исследовательского института».[535]

В 1930—1931 гг. по приглашению правительства Таджикской ССР М. С. Андреев принимает участие в организации Объединенного государственного научно-исследовательского института Таджикской ССР. Он был назначен сначала профессором, возглавляющим две кафедры, а затем заместителем директора Института.[536] Названный Институт до своей реорганизации в историко-лингвистический сектор Таджикской базы АН СССР (в мае 1933 г.)[537] проделал важную работу в теоретической разработке и практической помощи в решении отдельных вопросов культурного строительства республики, была предпринята попытка подготовки научных кадров.[538]

С 1932 по первую половину 1934 г. М. С. Андреев вел курс таджикского языка в Казахском педагогическом институте в Алма-Ате, когда он принимал участие в научно-исследовательской работе Казахского научно-исследовательского института по изучению языка и литературы и одновременно заведовал этнографическим отделом в Центральном музее Казахстана.[539]

Во второй половине 1934 г. М. С. Андреев был пригла-

шен на должность консультанта по среднеазиатскому искусству в только что организованный музей искусств Узбекской ССР в Ташкенте.[540] С августа 1940 г. постановлением СНК Узбекской ССР М. С. Андреев был выбран членом Высшего учебно-методического совета при Наркомпросе Узбекской ССР, по секции исторической.[541] А с 1941 г. М. С. Андреев перешел в только что организованный Узбекский филиал АН СССР.[542]

Несмотря на все трудности военного времени, 27 сентября 1943 г. партия и правительство приняли решение об организации Академии наук Узбекской ССР — первой Академии в республиках Средней Азии.[543] Избранный действительным членом АН Узбекской ССР, М. С. Андреев организовал Отдел этнографии Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Этим отделом он руководил с 1944 по 1947 гг.[544]

Вспоминая о своей научной деятельности в АН Узбекской ССР, М. С. Андреев писал:

«Во время моего отсутствия в экспедиции (1943 г. в долине Хуф, — **Х. А.** и **Н. А.**) я был избран действительным членом возникшей в Ташкенте молодой Академии наук УзССР. Соблазн работать был велик, я принял на себя заведование отделом этнографии. Но это было только начало новой «погибели» (в смысле научной работы.— **Х. А.** и **Н. А.**). Возможность налаживания научно-исследовательского аппарата в достойных советской науки размерах, интенсивность качества работы всецело поглотили мое время, мысли и энергию. Я рад, что получаю отзвуки в руководстве новой Академии».[545] С 1942 по 1944 гг. М. С. Андреев принимал активное участие в работе Института востоковедения АН СССР, находившегося во время эвакуации в Ташкенте.[546]

М. С. Андреев содействовал своими исследованиями и преобразованию Таджикской базы Академии наук СССР в Таджикский филиал АН СССР.[547] Он участвовал в организации Института истории, языка и литературы ТФАН СССР.[548] Сохранилась его обширная переписка с местными организаторами Института, научными сотрудниками. В одном из писем ученого, направленном в Душанбе еще до организации Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР, выражается неподдельный восторг по поводу перспектив дальнейшего развития науки республики. «Я слышал, что Ваш

сектор (т. е. сектор истории, языка и литературы Таджикксой базы АН СССР. — **Х. А.** и **Н. А.**) переименовывается и становится Институтом. Какое прекрасное, благородное поле для Вашей работы на пользу Советской Родины и нашей науки. Какое огромное дело, и как Вы можете (и должны) честно и правильно (трудиться) в интересах процветания Советской науки в Таджикистане и по Таджикистану. Оно вручено Вам и это Вас обязывает на многое. Позвольте же поделиться с Вами некоторыми мыслями. Мне очень хотелось бы принять личное и непосредственное участие в этой работе, очень близкой моему сердцу, подтолкнуть стареющим плечом, вместе с Вами, этот воз, который Вам предложено везти (а как важно в этом деле объединенность усилий и правильное координирование работ), но пока этого сделать не могу».[549]

По-видимому, работники сектора истории, языка и литературы обратились к М. С. Андрееву за помощью в реорганизации его в одноименный институт. В ответ на эту просьбу М. С. Андреев сформулировал основные научные направления, которые, по его мнению, предстояло разрабатывать в будущем сотрудникам формировавшегося научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

В области изучения языка, писал он, в настоящее время крайне необходимо самое тщательное изучение и научный учет содержания и свойств (структуры, фонетики и лексики) различных говоров и диалектов таджикского языка в пределах Таджикистана и сопредельных стран.

При правильной обработке это даст:

а) точную, основанную на фактах, а не на догадках и домыслах, картину существующих говоров таджикского языка на пространстве, занятом таджиками;

б) ценнейший материал для решения целого ряда то и дело выдвигаемых жизнью вопросов и задач в области языка, базирующихся на фактическом материале и отвечающих интересам народа. Это, безусловно, поможет избежать целого ряда ошибок, искривлений и неправильных затрат народных сил и государственных средств;

в) крайне интересный и важный материал для изучения истории языка таджикского народа и его культуры;

г) самое ценное пособие и даже основу при работах

по правильному, не случайному, а научно обоснованному введению или допущению более или менее общих всем народным говорам слов и оборотов в литературный язык, обогащая таковой соответствующими лексическими богатствами, взятыми непосредственно из народного языка;

д) основу и разносторонний материал для составления фундаментального толкового словаря таджикского языка, правильное составление которого мыслимо, писал М. С. Андреев, только при условии, если предварительно будут изучены диалекты таджикского языка и составлены диалектологические словари.

В области литературы и фольклора таджикского народа М. С. Андреев предлагал вести сбор материала и изучение творчества не только классиков, но и малоизвестных представтиелей таджикской литературы, с тем чтобы на этой основе можно было приступить к написанию наиболее полной истории многовековой таджикской литературы. Для практического осуществления этого М. С. Андреев советует начинать с написания монографий о творчестве отдельных представителей таджикской литературы.

В области фольклора ученый рекомендует вести не только сбор материалов по народному творчеству, но и, с целью ознакомления массового читателя, скорейшее его издание. М. С. Андреев считал, что целесообразно было бы издавать подобные (фольклорные) сборники как в оригинале, так и в переводе на русский язык. Для этого институт в ближайшие годы должен подготовить кадры, которые владели бы не только таджикским, но и русским языком.

Определяя задачи института в области изучения истории таджикского народа. М. С. Андреев отмечал, что вопросы истории до настоящего времени не разрабатывались из-за отсутствия специалистов-историков. Ближайшей задачей Института, таким образом, является укомплектование сектора истории высококвалифицированными историками, что даст возможность Институту включиться в работу, предпринятую в настоящее время директивными организациями республики по написанию «Истории таджиков и Таджикистана».

По археологическому изучению территории Таджикистана,[550] исходя из условий того времени, М. С. Андреев

советовал осуществить широкий план научной и популяризаторской работы.

а) Необходимо развернуть работу по наблюдению за сбором археологического материала, в изобилии обнаруживаемого при земляных работах на новостройках, и провести широкую разъяснительную работу среди населения путем печати с привлечением к ней партийных и государственных органов на местах, сообщать о важности собирания и сохранения археологических находок. Организовать покупки найденных вещей и т. д.

Во время археологических раскопок нужно уделить особое внимание протоколированию и паспортизации найденного материала, широко внедрять практику фотографирования и занесения археологических памятников на карту.

б) Южный Таджикистан, отмечал М. С. Андреев, до сих пор малоисследованный в археологическом отношении, представляет огромный интерес для изучения истории страны. Поэтому необходимо начать в этом году археологические разведки в неисследованных южных районах республики в целях регистрации исторических памятников и составления археологической карты этих районов.

По музейной работе и этнографии М. С. Андреев предлагает усилить сбор предметов истории искусства, ремесел и особенно предметов старого быта, исчезающего бесследно.[551]

После победы Великого Октября М. С. Андреев неоднократно обращал внимание ученых и общественности на необходимость археологического изучения Таджикистана. Он воочию убедился, что Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эпоху — эпоху невиданного прежде расцвета науки вообще и археологии в частности. Из дореволюционного бесплодного вящеведения, по словам М. М. Дьяконова, археология превратилась у нас после революции в важную и почетную отрасль исторической науки. Большие ассигнования, выделяемые в общегосударственном масштабе, открыли археологам небывалые перспективы широкой по охвату, планомерной и плодотворной работы.[552] Широкий размах и высокое качество самих археологических исследований, которые проводятся в наше время, были достигнуты не сразу. В первые годы Советской власти страна

не могла выделять достаточные средства для проведения больших археологических раскопок.

Еще не было новых кадров, не хватало опыта и у старших наставников. М. С. Андреев обратился тогда с призывом об объединении и контакте «старой» интеллигенции Туркестана с новорастущей советской интеллигенцией страны в историческом и археологическом исследовании края. «Как могут быть полезными их опыт, знания и объединенные силы!» — восклицал М. С. Андреев. Он высоко ценил молодых научных работников страны,[553] предвидя их возрастающую роль в дальнейшем развитии науки.

М. С. Андреев пришел к твердому убеждению, что археология как наука в подлинном смысле возникла в Средней Азии только в советский пероод. «Археология,— считал он, — вообще наука сравнительно молодая, в Средней Азии по существу только начинает свои работы и именно в наше соевтское время. Сейчас же, по положению, — здесь — это блестящая наука будущего».[554]

М. С. Андреев, исходя из реальных возможностей 20-х годов, писал, что если «в настоящее время нет еще больших возможностей уделять соответствующие средства для производства систематических раскопок в большом масштабе, то должно быть обращено всяческое внимание на организацию археологического наблюдения за новостройками, в особенности за огромными ирригационными каналами, проводимыми в настоящее время и предстоящими к проведению в будущем».[555]

Ученый отмечал археологическую малоизученность территории Таджикистана, его отставание от других братских республик Средней Азии в экономическом и культурном отношениях по некоторым объективным причинам — финансовые затруднения, гражданская война и т. д. Примечателен в этом плане призыв М. С. к сотрудникам Института истории, языка и литературы Таджикского филиала Академии наук СССР: «Необходимо развернуть работу, — подчеркивал он, — по наблюдению за сбором археологического материала, в изобилии обнаруживаемого при земляных работах на новостройках, и провести широкую разъяснительную работу среди населения о важности собирания археологических находок. Разъяснительную работу нужно организовать путем помещения статей в республиканской и районной печати.

Нужно обратиться к населению на его родном языке о необходимости сбора археологических находок и доставления их в Институт».

«С другой стороны, — писал М. С. Андреев, — необходимо обратиться к районным, партийным, советским организациям с просьбой провести среди населения широкую разъяснительную кампанию о важности сбора исторических вообще и археологических в частности материалов и доставки их по назначению. Институту нужно выделить необходимые средства для выдачи вознаграждения лицам, доставляющим найденные вещи, а также путем публикации в печати отмечать лиц, доставивших те или иные найденные ими предметы. Кроме того, необходимо организовать постоянное наблюдение над всеми *новостройками, связавшись с производящими работы* организациями путем периодических объездов строительств сотрудниками Института.

Для этого необходимо укомплектовать состав работников как Туркомстариса, так и кабинетных работников Института, используя для этой цели соответствующих лиц, выразивших желание принять участие в археологической работе».[556]

Немалый интерес представляет также составленный М. С. Андреевым так называемый проект «организации сбора по Таджикистану археологических находок и сведений археологического характера», содержание которого заключалось в следующем: «В настоящее время одной из главнейших задач, стоящих перед советской наукой в Таджикистане, — говорил М. С. Андреев, — является сбор сведений о прошлой жизни населявшего Таджикистан человечества. Следует сказать, что имеющиеся сведения из дошедших до нас сравнительно немногочисленных письменных источников очень недостаточны, случайны и не всегда достоверны. Очень важным пособием в этом отноешнии являются остатки прошлой жизни человека, находимые часто в земле, показывающие, как в разных местах, в разное время жили люди, населявшие в прошлом теперешнюю территорию Таджикистана. Следует отметить, что эти находки могут быть разного вида, иметь разную степень сохранности и что при обнаружении таковых к ним следует относиться очень осторожно, чтобы не портить уцелевшее...

Рытье каналов, вспахивание полей, проведение дорог

и целый ряд других путей проникновения в землю могут обнаружить ценнейшие остатки прошлого. И, в действительности, это происходит то и дело на обширнейших пространствах Таджикской ССР.

Куда же деваются эти ценнейшие находки? Почему о них никто не знает и ими не могут пользоваться специалисты — ученые для упомянутого выше изучения прошлого Таджикистана? Почему их не могут обозревать люди, интересующиеся прошлым своей страны? Ясно, что они считаются находившими их как ненужное, не доходят по должному назначению. И, таким образом, все время, тем или иным путем, пропадают ценнейшие для науки сокровища. Так дольше продолжаться, конечно, не может.

Выход из создавшегося положения может быть только один, — это принятие строгих мер по обязательному сохранению находимых остатков старой жизни, немедленном извещении о находках и доставлении их через местные органы власти или другим путем в соответствующее хранилище.

За последнее время при местном отделении (филиале) Академии наук СССР в Сталинабаде открылся особый орган (Музей этнографии и археологии. — **Х. А.** и **Н. А.**) по изучению старого быта таджикского народа, исторически важных находок, попадающихся в земле. В этот орган и следует отправлять упомянутые находки, а в случае, если эти находки занимают большое место и при извлечении их могут быть повреждены, то тогда извещать в упомянутое выше отделение Академии наук (филиал) в Сталинабаде на предмет присылки специалиста для рассмотрения на месте вопроса по их использованию...

Помимо вышеизложенного необходимо поставить в известность население республики о возможной важности таких находок. В связи с вышеуказанным необходимо вменить в обязанность местным административным органам власти, в особенности местным советам, использовать местную сельскую интеллигенцию для разъяснения населению необходимости заботливого отношения к археологическим находкам, их сохранению и извещению о таких находках по вышеуказанному адресу.

И еще:

1) Составить соответствующее письмо, посылаемое

филиалом Академии наук через Министерство народного образования по школам, адресуемое учителям с просьбой о сообщении сведений по местной археологии и соответствующем содействии.

2) Такое же письмо должно быть послано через Министерство здравоохранения, адресуемое к врачам районных и сельских местностей.

3) То же самое Министерству сельского хозяйства для распространения среди агрономов и др. соответствующих с/х работников».[557]

Поставленные М. С. Андреевым перед Институтом задачи были вполне реальны. Однако при недостатке квалифицированных научных кадров и ограниченности средств в годы Великой Отечественной войны, их выполнеи отодвигают на последующие годы. Многие из мудрых советов ученого уже выполнены, часть из них осуществляется в наше время.

М. С. Андреев после революции сам не принимал непосредственного участия в археологическом исследовании Средней Азии. Однако в своих работах, письмах или этнографических исследованиях он продолжал помещать данные о том или ином археологическом памятнике страны. В письме В. В. Бартольду от 22 апреля 1922 г. он отмечал: «В окрестностях Исфары очень много древних, домусульманских погребальных холмов, приписываемых «Мугам». За эту поездку (речь идет о поездке 1922 г. в Ходжентский уезд. — **Х. А.** и **Н. А.**), как и много лет тому назад, я слышал, что в этих холмах (курганах) или холмиках встречаются статуэтки из обожженной глины (лет двадцать тому назад при поездке местное население мне говорило, что статуэтки эти были из гипса), клавшиеся, видимо, при погребении вместе с покойниками. Кроме того, при погребении клались и другие предметы, возбуждающие жадность грабителей позднейшего времени. Несколько лет тому назад в Исфаре, как я слышал, умер один местный житель, «кукнори» (наркоман, употреблявший опийный мак. — **Х. А.** и **Н. А.**), который выбрал себе даже, увы, специальную профессию копателя этих могил для добычи вещей с украшениями из драгоценных металлов и драгоценных камней, которые он находил в этих могилах (например, запястья покойников и пр.). Сколько же могил он должен был разрушить на своем веку».[558] В другом письме В. В. Бартоль-

ду, датированном 22 сентября 1924 г. из Ура-Тюбе, он сообщил, что ездил в Шахристан, где (и в его окрестностях) «по-прежнему все время находят различные предметы в земле, между прочим несколько времени тому назад были найдены оссуарии в ящикообразных горшках из обожженной глины, но местные жители, конечно, не позаботились об их сохранении. Один местный житель уверял меня, что он нашел при этом запястье не имевшейся там кисти руки. Это любопытно и может показывать, что кости не очень заботливо очищались от мяса, если только вообще эти очистки совершались».[559]

Немалый интерес представляет также и письмо М. С. Андреева С. Ф. Ольденбургу: «Зная, как Вы живо всем интересуетесь, решил послать Вам на просмотр случайно попавшие мне в руки небольшие фотографические снимочки, оказавшиеся мне, несмотря на их фотографическое несовершенство, очень любопытными. Изображают они развалины старых кафирских крепостей в верховьях Пянджа, в Вахане (на нашем берегу). Увидел я их в руках одного человека..., очень интересующегося стариной и исмаилизмом, попросил у него, чтобы послать Вам. Подробностей о них не знаю. Знаю только, что эти крепости совершенно, кажется, никем не были исследованы и не описаны, даже поверхностно, если не считать мимолетных упоминаний. Очень интересна, по моему мнению, кладка стен с некоторой орнаментировкой, видная на одном из снимков».[560] М. С. Андреев сам интересовался и частично дал описание памирских крепостей. По мере возможности он и раньше собирал о них легенды.[561] Ему принадлежит также сообщение о существовании на Памире домусульманских, так называемых «кафирских» могил.[562]

Как считает А. К. Писарчик, последние по времени археологические работы М. С. Андреева относятся к 1937 г., когда им во время экспедиции Узбекистанского музея искусств в Хорезме были выкопаны и перевезены в Ташкент оссуарии с кладбища Кувадаг, недалеко от районного центра Мангыт.[563] Археологические исследования М. С. Андреева носили эпизодический характер и были направлены, главным образом, на привлечение внимания археологов к еще не решенным, важным научным проблемам (хотя отдельные его сообщения и находки явились важным вкладом в археологию).

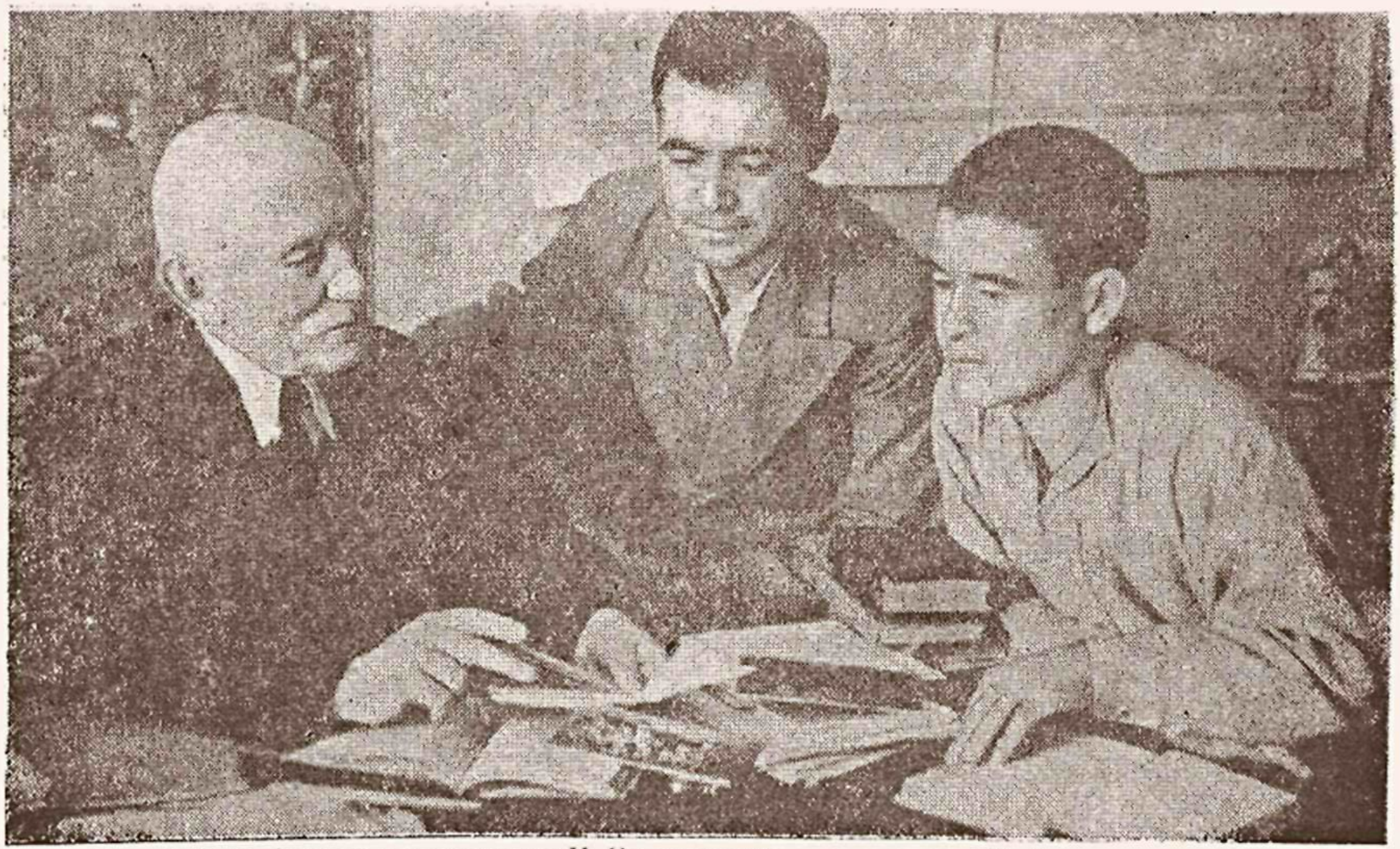

Рис. 7. М. С. Андреев с аспирантами Н. Нурджановым (в центре) и Р. Амоновым

Планомерное археологическое изучение территории Таджикской ССР началось лишь с 1946 года, после включения Президиумом Академии наук СССР в пятилетний план работ Академии комплексной многолетней археологической экспедиции по изучению Таджикистана.[564] В работе, которая требовала большого напряжения физических сил, 72-летний М. С. Андреев уже не мог участвовать.

В 1945 г. М. С. Андреев опубликовал статью «О таджикском языке настоящего времени».[565] Она посвящена вопросу возникновения таджикского языка и совокупности воззрений ученого по проблеме современного таджикского языка. Много интересных и важных соображений (наряду со спорными) содержится в этой статье относительно происхождения таджикского языка.

Вспоминая о культурном наследии таджикского народа М. С. Андреев писал: «Огромно литературное наследство из глубины минувших веков, дошедшее от многих поколений мыслителей, поэтов, ученых, замечательных мастеров слова, произведения которых и до сих пор вызывают восхищение среди перлов мировой литературы. Это наследство доступно при желании и до сих пор любому достаточно грамотному таджику, и обладание им является богатством и гордостью таджикского народа. Может быть, оно недостаточно еще оценено пока подрастающим поколением, но оно существует, и именно благодаря ему, на его основе, за сравнительно короткое время, более или менее удачно разрешается вопрос о современном литературном языке таджиков, потребовавшем, естественно, дополнительного включения целого ряда новых слов и оборотов для обозначения технических терминов и представлений, отсутствовавших в старом быту».[566]

В 1947 г. М. С. Андреев переехал в Душанбе и начал работать в Институте истории, языка и литературы Таджикского ФАН СССР. Здесь он провел большую подготовительную работу для создания в Институте музея археологии и этнографии.[567] По его инициативе в аспирантуру по этнографии была привлечена группа таджикской молодежи, которой он сам руководил.[568]

«Нас было трое:— Р. А. Амонов, М. Р. Рахимов и я,— рассказывает доктор искусствоведения Н. Х. Нурджанов.— Мы не имели ни малейшего представления о том,

что такое этнографическая наука, не знали, как собирать материал, а тем более его обрабатывать. И М. С. Андреев терпеливо, шаг за шагом, вел нас от простого к сложному. Еженедельно мы встречались со своим руководителем. Он рассказывал нам о прошлом народов Средней Азии, о их культуре и обычаях. Учил самому элементарному и вместе самому важному — умению работать с книгой, четко излагать собранные сведения. Позже он стал поручать нам рефераты. Для их составления требовались не только книжные знания, но и беседы с людьми. Мы собирали материалы в Душанбе и районах, писали рефераты и с удивлением замечали, что прежде непонятная нам наука стала все больше привлекать нас». Остается добавить, что позже, после смерти М. С. Андреева, все трое защитили кандидатские диссертации, а Р. А. Амонов и Н. Х. Нурджанов — и докторские. Первый является ведущим специалистом по таджикскому фольклору, второй — по искусству таджикского народа, они заведуют соответствующими секторами в Академии наук Таджикской ССР. М. Р. Рахимов работает в области этнографии и изучения религиозных пережитков. Каждый из них, сделав первые шаги в науке под руководством М. С. Андреева, продолжал одно из направлений его деятельности: таджикскую этнографию, фольклористику, искусствоведение.

ГЛАВА IV

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЕ ПОЕЗДКИ. СОТРУДНИЧЕСТВО М. С. АНДРЕЕВА В МУЗЕЯХ СТРАНЫ

М. С. Андреев на протяжении своей жизни много путешествовал по Средней Азии, побывал в Восточном Туркестане, Индии, Афганистане, в Западной Европе, и эти поездки, особенно по Средней Азии, при большой наблюдательности и прекрасном владении местными языками, во многом расширили его кругозор, позволили близко познакомиться с бытом, языками и культурой, изучить историю, лингвистику и этнографию. Послереволюционные поездки ученого по широте задач, объему собранного материала и количеству опубликованных работ носили более глубокий научный характер. Они были тесно связаны с развитием музейного дела в нашей стране. М. С. Андреев неоднократно подчеркивал: «...нужно твердо помнить, что накопленные в среднеазиатских музеях этнографические и археологические богатства — вещь священная, обычно неповторимая и невосстановимая. Нужно всячески стараться их увеличивать, и этим расширять наши представления о прошлом страны и поднимать честь нашей советской науки».[569] «Очень важным научным пособием для ясного понимания прошлого,— говорил он,— основанным на фактическом материале, являются правильно созданные исторические музеи. Если описания быта... являются своего рода научным протоколированием, то иллюстрацией к нему, фактическим наглядным материалом, делающим сугубо ценными и полными эти записи, должны являться музеи быта наро-

дов с их соответствующими коллекциями».[570] Музей — это реальная неистощимая ценность, своего рода справочник-указатель,— говорил М. С. Андреев.[571]

Учитывающий научно-воспитательную роль музеев,[572] М. С. Андреев всемерно способствовал обогащению их фондов материалами — коллекциями, относящимися к прошлому народов Средней Азии. По словам Н. Г. Маллицкого и А. В. Панкова, «богатые этнографические коллекции Среднеазиатского музея, собранные, главным образом, трудами М. С. Андреева, зачастую в почти недоступных для европейца местности с риском для жизни, представляет собой материал первостепенной научной ценности и подготовляемые им к печати материалы по систематизации и научному описанию коллекций, по выходе в свет, несомненно, составят крупный вклад в научную литературу данной области».[573]

Говоря о заслугах М. С. Андреева в деле обогащения фондов Музея истории народов Узбекистана, Ю. Ф. Буряков специально подчеркнул, что в 1920—1925 гг. Музей развернул научно-собирательную работу, в которой большое значение имели этнографические экспедиции М. С. Андреева, совершенные на территории Таджикистана, во время которых он собрал огромное количество коллекций кустарных изделий, в частности, коллекции керамики и выявил новые виды местных тканей, орнаментов и т. д. Все это способствовало научному комплектованию фондов Музея.[574]

«Основным методом комплектования коллекций стали научные тематические экспедиции, инициатором которых был известный этнограф и лингвист, иранист, член-корреспондент АН СССР, академик УзССР М. С. Андреев»,— отмечает Н. С. Садыкова.

«В 1922—1927 гг. этнографами было проведено 10 экспедиций. Наиболее интересны из них экспедиции М. С. Андреева и Е. М. Пещеровой в Таджикистан, в результате которых собраны у населения коллекции предметов утвари, кустарного ремесла, вышивок, игрушек в Ура-Тюбе, Матче, Каратегине, Дарвазе, Рушане, Шугнане, Пенджикенте, единственная в своем роде коллекция керамических изделий Ферганы Ходжента, Ура-Тюбе в количестве 200 предметом с датами, именами мастеров, коллекция предметов быта ягнобцев» и т. д.[575]

Послереволюционное сотрудничество М. С. Андреева

в музеях страны имело огромное значение для изучения истории и истории культуры таджикского народа. Подчеркивая большие заслуги М. С. Андреева в изучении этнографии таджиков, Б. Г. Гафуров писал:

«Одной из наиболее важных задач, которые перед нами стоят, является задача изучения старого, уходящего быта, заключающего в себе величайшие научные ценности, которые могут сыграть исключительно большую роль в освещении вопросов истории таджиков и других народов Средней Азии. С этим медлить нельзя, так как отдельные элементы старого быта быстро исчезают. Необходимо обеспечить приобретение экспонатов по старому быту для нашего музея».[576]

По инициативе М. С. Андреева и при его личном энергичном участии в Таджикистане, а также в Узбекистане, Казахстане было создано несколько историко-краеведческих музеев.[577]

Первая послереволюционная поездка М. С. Андреева состоялась в 1921 г. Как выше упоминалось, на сей раз выполняя поручение Научной комиссии по обследованию быта коренного населения Туркестана, он возглавляет экспедицию по обследованию и сбору материалов для составления этнографической карты Самаркандского, Катта-курганского и Джизакского уездов. Эта экспедиция посетила и обследовала около 50 волостей, где ее участники, помимо собирания материалов для составления этнографической карты, занимались фиксацией наименований всех селений, через которые они проходили (и местных толкований этих топонимов), записывали местные предания, легенды, а также собирали материалы для характеристики быта народностей, их обычаев, верований, в том числе культы идолов, культы очагов и т. д.[578]

На долю экспедиции, возглавляемой М. С. Андреевым, как отметил Б. И. Пак, на этот раз «выпал очень сложный район с крайне пестрым составом и высокой плотностью населения. Здесь, на небольшом пространстве проживали наряду с этническим большинством — узбеками — также и казахи, туркмены, отставшие от главной массы, прошедшей на юг; таджики, каракалпаки, тюрки, *не признающие себя узбеками*, а также арабы, иранцы, кочующие цыгане, туземные евреи».[579]

После благополучного завершения первой послереволюционной поездки М. С. Андреев в мае 1922 г. писал

В. В. Бартольду: «В Самаркандской области басмачество, наподобие Ферганы, развилось до такой степени, что говорят, совершенно невозможно показаться за город. Тем не менее, собираюсь выехать на днях, чтобы немного поездить в Джизакском и Ходжентском уездах, где у меня осталась немного незаконченной работа по этнографической карте Самаркандской области. Самаркандский и Каттакурганский уезды мною закончены летом 1921 г. На карту нанесли, между прочим, все попавшиеся узбекские роды, указав районы их проживания. Удалось наткнуться на очень любопытные вещи».[580]

Тогда же М. С. Андреев совершил этнографическую поездку и по Ходжентскому уезду.[581] Он побывал в Исфаре, Канибадаме, Ходженте, Нау, Ура-Тюбе, Шахристане и др.[582] О своих поездках 1921 и 1922 гг., М. С. Андреев в конце 1922 г. подробно информировал С. Ф. Ольденбурга. «Одновременно с составлением этнографической карты Самаркандской области, попутно собрал кое-какие интересные, по моему мнению, этнографические материалы (между прочим, наткнулся на сохранившиеся еще до сих пор в современных воззрениях таджиков Ходжентского уезда представления об Аримане, которого они называют Ахрамон и Арамон — представления еще в более, видимо, старой и первобытной форме, чем авестийские; наткнулся на сохранившийся до наших дней и очень держащийся в секрете культ идолов среди арабов Каттакурганского уезда» и т. д.[583]

М. С. Андреев внес большой вклад в работу комиссии по изучению племенного состава населения России, которая высоко оценила заслуги ученого: «Общее собрание (от 28 октября 1923 г.), состоящее при Российской академии наук Комиссии по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран, заслушав представление Туркестанского Отдела Комиссии, единогласно постановило утвердить Вас (М. С. Андреева.— **Х. А.** и **Н. А.**) в звании члена-корреспондента Комиссии по Туркестанскому Отделу».[584]

В 1923 г. М. С. Андреев совершил поездку в верховья Чирчика.[585] Летом 1924 г. под его руководством при небольшой материальной поддержке Туркомстариса[586] (Туркомстарис отпустил на все экспедиции и сбор экспонатов для музея всего 40 рублей, в то время «как за одних лошадей для проезда мы заплатили на Ура-Тюбин-

ском базаре 58 рублей — и это без всякого снаряжения еще»)[587] и помощи Академии наук была предпринята в основном за счет участников небольшая экспедиция в Матчу, Каратегин, Гиссар и Ягноб с этнолого-филологическими целями.[588] Экспедиция в составе М. С. Андреева, А. Н. Крюкова и Е. М. Пещеровой выехала из Ташкента 29 июня и продолжалась около трех месяцев. Местом окончательного снаряжения экспедиции был Ура-Тюбе, откуда после ознакомления с северным склоном Туркестанского хребта участники экспедиции перевалили в Матчу, поднялись вверх по р. Зеравшан, вплоть до выхода этой реки из Зерафшанского ледника, и затем, через малоизвестный тогда перевал Дубурса вышли в Каратегин. Пройдя через Средний и Нижний Каратегин, они пересекли Гиссарский хребет и через перевал Хок или Хоки перешли в Ягноб. Возвращаясь в Ташкент, члены экспедиции побывали вторично в Матче и Ура-Тюбе.

В задачи экспедиции входил сбор этнографического и филологического материала, а также составление этнографической коллекции для возглавляемого М. С. Андреевым этнографического отдела Главного среднеазиатского музея г. Ташкента. Предполагалось отыскать и, в случае возможности, вывезти древнюю резную деревянную колонну, найденную М. С. Андреевым в селе Оббурдон еще в 1915 г.

Экспедиции удалось собрать значительное количество предметов, характеризующих быт населения, велась систематическая запись филологических и этнографических материалов. Тогда, а не в 1925 г., как утверждает М. Е. Массон,[589] при переезде через Матчу была отыскана и извлечена из разрушенного здания Оббурдонская колонна[590] М. С. Андреевым. Однако из-за невозможности транспортировки она была передана на хранение в склад военного ведомства в той же Матче.[591] Отдельные деревянные доски, покрытые орнаментом, извлеченные из руин того же здания и многочисленные этнографические коллекции (всего 373 номера)[592] были переданы в Главный среднеазиатский музей Ташкента.[593]

24 августа 1924 г. на заседании Совета Туркомстариса рассматривалась в срочном порядке докладная записка заведующего этнографическим отделом Главного среднеазиатского музея М. С. Андреева, присланная им из далекого Оббурдона. М. С. Андреев просил, чтобы ему

прислали для вывоза Оббурдонской колонны не менее 200 руб. Сообщал он и некоторые сведения о собранных предметах для коллекции, просил снабдить его средствами для их приобретения. Характерно, что денежные знаки в той местности были обесценены и потому М. С. Андреев просил прислать мануфактуру для обмена на музейные предметы. Участвовавшие в заседании Совета Туркомстариса М. Е. Массон, А. А. Семенов, Д. И. Нечкин и другие подчеркивали научное значение деревянной колонны, просили о немедленной посылке в Оббурдон М. С. Андрееву средств, необходимых для ее приобретения.[594]

Позднее М. С. Андреев сообщал В. В. Бартольду, что благодаря чистой случайности эта колонна уцелела: «С оббурданской деревянной колонной вышла целая история. Только, видимо, чудом, случайно она уцелела во время разразившихся в Матче за последние годы событий. Во-первых, по моем приезде выяснилось, что никто из администрации и начальства расквартированных там войск не подозревал, что имеется такая колонна. И к счастью, может быть. Я помню удивленный взгляд одного из военных начальников в Матче и его возглас: «а мы-то и не подозревали, что тут находится!». Колонна стояла попрежнему в полуразвалившемся небольшом здании на оббурдонском мазаре, но уже заметно пострадала за время моего отсутствия. Крыша здания провалилась наполовину и часть колонны уже подверглась атмосферным осадкам. Еще бы немного, наверное, этой осенью при дождях рухнули бы и остатки крыши, сокрушая под собою значительно истлевшую колонну, и она погибла бы». Михаил Степанович отмечал, что «местное население (конечно, не без участия и агитации баев и мулл.— **Х. А.** и **Н. А.**), узнавшее о моем намерении в снятии колонны, вдруг встревожилось и стоило мне много хлопот убедить оббурдонцев о своей правоте в снятии колонны. Она оказалась около 9 пудов весом и мною передана на хранение оббурдонскому отряду. Сделал я это временно, в надежде, что мне будут даны средства на перевозку. Выяснилось, что вывезти колонну на осликах или лошадях ввиду ее веса и трудности пути через перевал Оббурдон — невозможно. Единственный способ, по мнению местных жителей — переноска колонны людьми. Потребовалось бы по 10 чел. в две смены; т. е. всего 20 чел.

Я написал об этом подробно в Ташкент и просил выслать 200 руб. на перевозку до Ташкента и упаковку и, кроме того, просил выслать мне еще денег на сбор этнографических материалов для Музея, так как мои запасы для обмена товаров кончились... Для того, чтобы осуществить вывоз, я изменил маршрут и на обратном пути мы вернулись через Матчу. К удивлению и огорчению моему, я не застал в Оббурдоне никаких пакетов на мое имя, и, прождав немного, выехал в Ура-Тюбе. Уже подъезжая к Ура-Тюбе, я узнал, что меня ожидает недавно прибывшая посылка. В последней заключалось около 230 арш. разной материи и письмо, где говорилось, что это все, что может послать Туркомстарис на провоз колонны и приобретение экспонатов и что деньгами не располагает.

Вернуться с этим в Матчу уже для меня не представлялось возможным по времени», да и не было надежды нанять людей для вывоза колонны, так как присланной материи было очень мало.

Вспоминая о трудностях поездки, М. С. Андреев сообщал В. В. Бартольду, что «басмачество в Дарвазе, Матче, в Верхнем и Среднем Каратегине прекратилось совершенно и можно ездить без конвоя в этих местах. Но западнее — в Нижнем Каратегине, Кулябе, Гиссарском крае есть еще шайки и с ними ведется борьба».[595]

Таким образом, колонна осталась в Матче, а орнаментированные деревянные панно были вывезены в Ташкент.[596] Тревога М. С. Андреева о дальнейшей судьбе колонны была не напрасной. После ухода гарнизона из Оббурдона жители кишлака, верившие в небесное происхождение колонны, перенесли ее в расположенную на кладбище мечеть с очень низким потолком. Так как она для мечети оказалась слишком высокой, «то оббурдонцы спилили у ее капители небольшой верхний поясок, слегка выступавший наружу от поверхности, с изображением птичек, а нижнюю часть ствола с остатками какой-то резьбы обтесали до нужных размеров». В 1927 г. одним из научных сотрудников Средазкомстариса К. А. Ушаровым, после ряда приключений, названная колонна была доставлена в Ташкент.[597]

Одна из частей доски, покрытая также великолепным орнаментом, привезенная тогда М. С. Андреевым, ныне хранится в Республиканском музее истории культуры и искусства Узбекской ССР в г. Самарканде.[598]

В 1924 г. М. С. Андрееву удалось собрать довольно интересный материал по наречиям, этнографии, а также этнографические экспонаты для Главного среднеазиатского музея Ташкента.[599] К сожалению, многочисленные этнографические коллекции, собранные М. С. Андреевым в 1924 г., *не нашли своего научного отражения* в его статье «Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 г. к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба».[600] Значение этой статьи заключается, в частности, в том, что в *ней автор в нескольких словах сообщает о сохранившихся* представлениях об Аримане (в Ура-Тюбе и некоторых местностях Ферганы) и сопоставляя это со следами культа Ормузда, ранее зафиксированными им (в Ишкашиме), делает вывод, что даже сейчас у населения Средней Азии имеются «...следы верования в оба основных элемента маздеизма».

В 1925 г. М. С. Андреев возглавил четырехмесячную экспедицию на средства Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами и Среднеазиатского Комитета по охране памятников природы, старины и искусства (Средазкомстарис). Из-за тревожных событий 20-х годов, связанных с бесчинствами басмачей, в Открытом листе ученого, в порядке предосторожности, подчеркивалось: «...всем представителям Советской власти Узбекской ССР, Таджикской АССР, Киргизской автономной области, начальникам и комиссарам частей РККА, частям пограничной охраны и отдельным лицам предлагается оказывать начальнику экспедиции — М. С. Андрееву и прочим ее членам полное всяческое содействие как при работах названной экспедиции на местах остановок, так и при продвижении ее в пути, отводя место для ночлега, содействуя доставлению необходимых припасов (как фуража, так и пищевых продуктов для людей), помогать в разыскании лиц из населения мест, обследуемых экспедицией, знающих нравы и обычаи, помогая доставить этнографические экспонаты для Главного среднеазиатского музея и пр».[601]

Экспедиция М. С. Андреева следовала по маршруту: Ташкент—Ура-Тюбе — долина Зерафшана — Ягноб-Анзобский перевал — Дюшамбе — Каратегин — Дарваз—Припамирье — Памир — Ош, и была на редкость удачной по своим результатам, хотя и полна всяких приклю-

Рис. 8. М. С. Андреев беседует с информаторами (Ура-Тюбе, 1925 г.)

чений: и угроза нападения басмачей, чего только случайно удалось избежать, и обвал горного балкона в Ягнобе, где погиб проводник и часть собранных материалов и рукописей, и заболевания и т. д.[602]

Прибывший в Ура-Тюбе и задержавшийся там с покупкой лошадей и снаряжения, М. С. Андреев обратил внимание на обилие прекрасных старых образцов поливной керамики. Как человек, осведомленный о недостатке в музейных коллекциях местного керамического производства, об отсутствии имен мастеров, места и времени выделки, М. С. Андреев стал с жаром собирать эти данные. В результате членам экспедиции удалось неожиданно сделать очень «интересную коллекцию по керамике — собрали более 200 сосудов старых, хороших мастеров, причем, что важнее всего, удалось, благодаря одному необыкновенному старцу — гончару (Усто Мир-Бобо.— **Х. А.** и **Н. А.**) определить почти все — как имя мастера, так и место происхождения».[603]

Имея такого ценного помощника, как Усто Мир-Бобо, писал М. С. Андреев, нам было легко ориентироваться в выборе посуды для керамической коллекции, а, главное, можно было уже достаточно уверенно распределить собранный материал по отдельных мастерам и районам производства — Ура-Тюбе, Ходжент, Риштан, Канибадам, Коканд, Чуст, Андижан, Наманган, Маргелан, Самарканд и др. Тогда же М. С. Андреевым были описаны керамические коллекции, принадлежавшие 42 мастерам[604] из названных выше городов Средней Азии. К сожалению, основные записи, относящиеся к этой коллекции, были уничтожены при обвале дороги.[605] Поэтому в опубликованной работе ученого нашло свое отражение краткое жизнеописание 28 мастеров и привезенных им коллекций.[606]

Замечательная коллекция глиняной посуды, главным образом Ходжента и Ура-Тюбе, собранная в 1925 г. М. С. Андреевым, дает интереснейший материал по развитию керамического производства в Средней Азии даже на протяжении целого столетия.[607] Одним словом, было сделано то, чего никогда сделано не было.[608]

В дальнейшем на пути из Ура-Тюбе в Ягноб, в кишлаке Курут, М. С. Андреевым была обнаружена резная деревянная колонна. «Спешу поделиться с Вами,— писал он из Курута В. В. Бартольду,— интересной весточкой:

пишу Вам письмо у подножия колонны — того же типа, как и оббурдонская, но только лучшей еще сохранности и прекрасной высокохудожественной работы. Найдена мною в сел. Курут, в местной мечети. Жители ничего не знают о ее происхождении, что вполне понятно, и говорят, что она появилась «аз ғайб» — из скрытого мира. В очень интересном орнаменте есть и птичьи головки, и в 3 местах стилизованные человеческие лица небольших размеров. Говорят, что в селе Искадор имеется еще другая часть древнего здания, где прежде стояла эта колонна».[609]

В селении Искадор М. С. Андреевым был найден уникальный деревянный михраб. Этот памятник был сфотографирован и его описание опубликовано М. С. Андреевым.[610] Найденный тогда михраб по чрезвычайно высокому мастерству резьбы, богатству и разнообразию мотивов орнаментации не уступал знаменитым стуковым михрабам, найдонным в Мешхед-и-Мисриане, а также в Иране и других странах Востока.[611] Тогда же другим участником экспедиции Е. М. Пещеревой была обнаружена резная колонна в кишлаке Урмитан.[612]

В письме М. С. Андреева председателю Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами (июль 1925 г.) сообщалось: «Главное, встретилось так много интересного и совершенно не исследованного на первых же шагах, что в Фальгаре мы задержались на два дня... Спешу поздравить Вас, председателя Общества, с интересным открытием. Совершенно неожиданно нам удалось наткнуться на наиболее ценный образчик древнего искусства резьбы по дереву, какой, по моему мнению, превышает все, что было известно в Средней Азии до сих пор. О красоте и художественности этого памятника Вам до некоторой степени могут дать представление снятые нами фотографии. В селе Куруд (на карте Крут) в мечети оказалась глубокой древности резная колонна с чудной, необыкновенно выдержанной резьбой, по исполнению и орнаменту — приблизительно XII столетия (точно судить не берусь, так как этой областью не занимался), а в селе Искодар удалось найти «михраб» (что-то вроде алтаря в мечети), тоже весь деревянный, по-видимому, того же самого мастера (так говорит и местное предание), что колонна в Куруде. Впечатление от последнего удивительное — пря-

мо кусочек Альгамбры. Конечно, это будет объявлено со временем декретом из Москвы национальной государственной собственностью, как это было сделано в отношении Оббурдонской колонны, найденной мною в Матче лет десять тому назад. Но то, что теперь — куда выше по сохранности. Великолепная куфическая надпись в замечательно выдержанном стиле эпохи расцвета саманидского искусства даст, как полагаю, в руки арабистам ключ для установления точной даты...».[613]

Эти высокохудожественные памятники резного дерева, найденные М. С. Андреевым, имеют важное значение для археологического изучения Таджикистана, всей Средней Азии.[614] Хочется полностью присоединиться к мнению авторов, изучавших памятники резного дерева, найденные преимущественно на территории Таджикистана. Они считают, что история «мирового искусства не оставила нигде столь ценных памятников резного дерева, как неповторимые произведения, сохранившиеся в Зеравшанской долине и в Хиве».[615]

Тогда же М. С. Андреевым были обнаружены в селениях Варзиминоре, Сангистане и Варзе сырцовые минареты, относящиеся к XI—XII векам н. э.

Экспедиция, выступившая в Ягноб, занялась дальнейшим сбором этнографических материалов и записей ягнобского языка в ягнобских селениях в дополнение к тому, что было сделано раньше. Были сняты также планы и профильные разрезы интересных ягнобских жилищ, сделаны фотографии домашней утвари и пр. Результаты исследований могли бы оказаться намного плодотворнее, если бы 14 июля вблизи селения Хшартоба не произошло дорожное происшествие. Экспедиция продолжала свой маршрут вверх по Ягнобу по узкому карнизу, нависшему над рекой. Неожиданно в самом узком и опасном месте тропы, имеющем дурную славу среди местного населения — «плохое это место: оно требует и поедает людей» («Джои адамхур»). (По варианту, приведенному К. А. Богомоловой,— «это место очень кровожадное, оно требует крови» — «ин джои биссёр хунхораст, хун металабад»)[616] произошел обвал. В кипящую внизу реку упал проводник и двое животных, навьюченных собранными материалами. Тогда, по словам М. С. Андреева, «пропали не только почти все материалы, собранные на пути от Ура-Тюбе до места катастрофы, но также погибли и прошло-

годние работы, взятые мною с собою для пополнения и проверки. В особенности в этом отношении можно пожалеть целый ряд текстов на ягнобском языке, в том числе некоторое количество сказок, записанных нами фонетической транскрипцией, переведенное количество ценного этнографического материала, собранного по Ягнобу и другим таджикским странам».[617]

Потеря материала, вспоминал М. С. Андреев, нарушила выполнение намеченной программы. Полный отчаяния из-за случившегося, М. С. Андреев сообщал В. В. Бартольду: «Погибли все наши работы, как сделанные до этого в данную поездку, так и предпоследние записи по Ягнобу. Первое время прямо как-то даже не хотелось работать и только потом, постепенно снова втянулись в колею».[618] Тогда же члены экспедиции чуть было не попали в руки басмачей, возглавляемых Абдурахманом-Додхо Курбаши, ждавших их по пути к Душанбе на перевале Анзоб. Благодаря предупреждению местных жителей и помощи специально высланного навстречу экспедиции небольшого отряда красноармейцев из Душанбе, экспедиция без всяких дальнейших приключений прибыла 23 июля в новый административный центр Таджикской ССР — Душанбе. В Гиссарской долине одновременно со сбором этнографических материалов М. С. Андреев осмотрел мазар Мауляна Якуби Чархи, памятники Гиссара и собрал важные данные об их датировке.[619]

После Душанбе экспедиция продолжала работу в Каратегине и Дарвазе, где были собраны сведения о божестве грома, о мифическом деде — земледельце, о ритуальных песнях жрецов, о мифической покровительнице прях, об орнаменте и пр.[620] М. С. Андреев, побывав в долине Ванча, собрал этнографические и филологические материалы, сведения о выработке железа в долине реки Ванча.[621] В Язгулеме в основном собирались материалы по языку. Из Хорога через Ош экспедиция вернулась в Ташкент 24 октября 1925 г.

Устроенная по возвращению экспедиции выставка[622] и отчетный доклад (М. С. Андреева) вызвали живейший интерес научной общественности Ташкента. В докладе и на выставке был продемонстрирован огромный материал по народному искусству (особенно по орнаменту.—**Х. А.** и **Н. А.**)[623] горных таджиков и памирских киргизов».[624]

Интересные и редкие этнографические материалы,

привезенные М. С. Андреевым, составили около 1200 экспонатов. После возвращения экспедиции в «Известиях Средазкомстариса» сообщалось о том, что экспедиция «кроме собранных коллекций кустарной таджикской промышленности районов Восточной Бухары и местной мусульманской керамики, с исключительной по красоте и художеству орнаментацией, установила несколько сот местных до сего времени неизвестных названий туземных орнаментов, тканей и пр. Помимо этнографического значения собранные коллекции, несомненно, послужат в будущем материалом для изучения искусства и развития техники в местной кустарной промышленности Таджикистана».[625]

Этнографическая работа Главного среднеазиатского музея, проводившаяся в середине 20-х гг., получила высокую оценку, как ташкентских специалистов[626], так и В. В. Бартольда.[627]

Характеризуя научное значение экспедиции 1925 г., совершенной под руководством М. С. Андреева, президент Академии наук Таджикской ССР М. С. Асимов подчеркивает, что тогда экспедиции удалось собрать богатый материал и сделать ряд открытий. Если раньше считали преимущественно Самарканд, Бухару и их окрестности районами высокой древней культуры в эпоху Саманидов, то после экспедиции М. С. Андреева ее география намного расширилась, о чем свидетельствуют художественные памятники прошлого, обнаруженные учеными в горных долинах Северного Таджикистана.[628]

После возвращения из экспедиции 1925 г. М. С. Андреевым и Е. М. Пещеровой была подарена Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого (Ленинград) коллекция кукол, собранных ими тогда в Матче, Каратегине, Ягнобе и Ура-Тюбинском районе.[629]

В 1927 г. описания части этнографических материалов, собранных М. С. Андреевым в 1925 г., были опубликованы под рубрикой «Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 г., посланной Обществом для изучения Таджикистана и Среднеазиатским комитетом по охране памятников природы, старины и искусства».[630]

В этой статье автор сообщает о составе экспедиции (этнограф Е. М. Пещерева, фотограф В. О. Вырвинский и сам М. С. Андреев в качестве руководителя экспедиции), описывает маршрут, рассказывает о сборе коллекции по керамике, о минаретах, обнаруженных в селениях

Варза-Минора, Сангистане и Варзе, о деревянной колонне, обнаруженной им в селении Куруте, о древнем деревянном михрабе в селении Искодаре, о катастрофе, постигшей экспедицию — обвале карниза вблизи селения Хшартоба, об угрозе нападения басмачей и т. д.

В работе дано описание двухскатных крыш в долине Варзоба и Бальджуана. Определяя назначение двухскатных крыш, автор сообщает, что «они являются собственно покрышками, своего рода зонтиками для плоских, обычного типа среднеазиатских крыш, смазанных глиной и находящихся под ними, иногда на некотором расстоянии от нижних концов двухскатной крыши. Промежуток между двухскатной крышей и крышей-потолком служит для склада запасов, чаще всего сена».[631] Сообщалось о размере, о способе постройки таких двухскатных крыш.

Очень интересно описание токарных станков, приводимых в движение с помощью подающей воды. Ученый подробно рассказывает о токарных мастерских, устройствах и способах, приводивших в движение механизмы станков; о токарном промысле, заключавшемся в изготовлении больших деревянных чашек, употреблявшихся для пищи. Дано также определение времен года и указаны часы рабочего дня мастеров-обладателей станков.

Приводится подробное описание быта таджичек селений Варзоба (материалы эти в основном были собраны участникам экспедиции Е. М. Пещеревой), в частности участникам экспедиции Е. М. Пещеровой), в частности девичьего и женского костюма, причесок, украшений и т д.[632]

Научные результаты экспедиции 1925 г. нашли отражение также в работе «Орнамент горных таджиков и киргиз Памира».[633] В ней показано, что для каждого узора имеется свое особое название и, что очень характерно, «**в этих названиях, как и в представлениях вязавших женщин, до сих пор сохранилась и видна связь между узорами и предметом, первоначальное изображение которого легло в основание узора.** Таким образом, снова подтвердилось мнение о первоначальном фигурном происхождении первобытного орнамента, если не целиком, то, по крайней мере, в сравнительно очень небольшом применении чисто геометрических форм».[634]

Автор отметил, что «сознание внутреннего смысла орнамента, как и названия различных узоров, уже начинают теряться в народных представлениях, даже в таких

глухих местах, как страны в верховьях Аму-Дарьи. Мужчины обыкновенно знают теперь только названия наиболее популярных узоров, но и среди женщин больше всего знают узоры и их значение главным образом старухи. Молодые же женщины, видимо, постепенно теряющие на наших глазах прежнее искусство вышивания, рукоделия, естественно, знают эти узоры, как пришлось убедиться, менее твердо».[635]

Названная работа начинается с описания узоров и изображений: на стенах жилых домов, на поверхности сосудов, вышивок и украшений одежды и т. д. Но самое большое разнообразие таджикского орнамента проявлялось в узорах чулок, ученому, несмотря на быстрое прохождение экспедицией припамирских стран летом 1925 г., удалось собрать около 80 образцов различных чулочных узоров. Их описанию посвящена основная часть работы.

По характеру сюжетов таджикский орнамент, употребляемый при вязании чулок, был разделен автором на следующие виды: 1) воспроизведение следов животных; 2) животные, насекомые, птицы; 3) части тела различных животных; 4) растения; 5) различные предметы домашнего обихода; 6) рисунки, заимствованные без знания значения изображаемого предмета; 7) человек, кукла; 8) орнамент мифологического характера («Лук Рустама», «дракон», «дракон с рогами» и др.).

М. С. Андреев, возвращаясь через Памир, имел возможность ознакомиться и с киргизским бытом, определить и записать около тридцати различных узоров, собрать ряд образцов киргизского рукоделия, главным образом вышивок, несколько ковриков местной выделки, образцы узоров, составляемых из кусочков цветных тканей и пр. Их описанию с иллюстрациями посвящена вторая часть работы.

Несмотря на то, что положения М. С. Андреева о повествовательном характере орнамента таджиков и киргиз в свете современной науки нуждаются в определенном пересмотре, эта книга М. С. Андреева долго еще будет считаться настольной книгой каждого искусствоведа и этнографа, работающего в области изучения таджикского и киргизского орнамента.[636]

В 1926 г. М. С. Андреев в качестве старшего драгомана при особой советской миссии побывал в Афганистане,[637] которым интересовался уже давно. В пределах

этой «крайне интересной страны я пробыл, к сожалению,— писал М. С. Андреев,— всего только около четырех месяцев. Жизнь кругом была так разнообразна, так интересна взору привыкшего, как я, к укладу жизни Средней Азии: общие с Туркестаном черты и в то же время много своего, отдельного, непохожего проходило кругом калейдоскопом — что первое время я решительно не знал, на чем остановиться. Чтобы разобраться в раскидывавшемся кругом море интересного, я попробовал все же установить некоторые границы для ознакомления с окружающим и решил, чтобы не терять дорогого времени, сосредоточиться на двух-трех отдельных предметах».[638]

М. С. Андреев использовал свое пребывание в Кабуле для сбора сведений о языке и быте таджиков долины Панджшира. Не имея возможности свободно путешествовать по Афганистану, М. С. Андреев первоначально собрал необходимый ему материал расспросным путем у приходивших на заработки в Кабул панджширцев. Вспоминая о правдивости и честности своих собеседников — панджширцев, М. С. Андреев писал, что потом, при посещении Панджшира, проверяя сказанное ими в Кабуле, он не раз имел возможность убедиться в их полной правдивости при сообщении сведений о своей родине.[639] М. С. Андреевым был собран материал по пашайско- и парачайско-афганским диалектам, однако он не включил его в опубликованную работу.

Основные научные результаты поездки были изложены им в книге «По этнологии Афганистана», где автор описывает быт, одежду, занятия, ремесла, обряды и верования, приводит многочисленную терминологию, которая вместе с собранными во второй части книги фольклорными записями дает важный материал для характеристики панджширского диалекта таджикского языка. По мнению С. Ф. Ольденбурга, в этой работе М. С. Андреев проявил себя как хороший лингвист в области изучения диалектологии таджикского языка.[640] Работа была удостоена высокой оценки академиков В. В. Бартольда, Ф. И. Щербатского и И. Ю. Крачковского.[641] Книга М. С. Андреева «По этнологии Афганистана», несомненно, является большим вкладом ученого в изучение истории и истории культуры таджиков долины Панджшира. Не утратившая своего научного значения, эта работа до сих пор является настольной книгой каждого специалис-

та, работающего в области изучения прошлого народов Афганистана.[642]

Вернувшись из Афганистана, М. С. Андреев подарил Музею антропологии и этнографии им. Петра Великого 20 предметов быта — маленькую коллекцию, состоящую в основном из игрушек афганцев.[643]

М. С. Андреев, огорченный происшествием, случившимся при вторичной поездке в Ягноб, неоднократно стремился восстановить утерянные записи, произведенные им в 1924 и 1925 гг. Мыслями об этом возвратившийся из Афганистана М. С. Андреев поделился с В. В. Бартольдом: «Мечтаю о наступлении лета, когда снова можно будет поехать для сбора этнографических и филологических материалов. Если окажется возможным, хотелось бы попасть в Ягноб и восстановить то, что потеряно из записей» 1924—1925 гг.[644] Спустя 4 месяца сбывается мечта М. С. Андреева. В июне 1927 г. он возглавляет организованную Обществом для изучения Таджикистана и рианских народностей за его пределами и Средазкомстарисом специальную экспедицию в Ягноб, представляющую чрезвычайный интерес в научном отношении. Там, благодаря сравнительной изолированности поселений, до наших дней сохранился среди местных жителей особый древний язык — потомок одного из говоров древнего согдийского языка, ныне исчезнувшего.[645]

В рукописном отчете об этой экспедиции[646] сообщалось, что ее задачей являлся сбор материалов для изучения ягнобского языка и описания быта ягнобцев, а также сбор этнографических экспонатов для Главного среднеазиатского музея. Пребывание почти на одном и том же месте в течение более чем двух месяцев, с одной стороны, сулило экспедиции широкое знакомство с разными местами Ягноба для изучения его говоров, а с другой, интенсивная работа по сбору материалов, главным образом этнографических, могла быть производима только при более или менее продолжительном пребывании на одном месте, так как только тогда население, привыкая к наблюдателям, охотно начинает беседовать с ними и делиться различными подробностями о своей внутренней жизни, да и сама работа могла вестись планомернее и ей можно было уделять больше времени, не отнимаемого переездами.

Члены экспедиции собрали большой материал по

языку ягнобцев и их фольклору. Было записано на различных ягнобских говорах 42 сказки, сообщалось же, что тогда было записано около 40 сказок.[647] Как образчик языка были записаны и загадки, а также фразы, характеризующие те или иные обороты речи. Участники экспедиции описали ягнобскую свадьбу, 42 игры, беременность и роды, молочное хозяйство, земледельческие обычаи, жизнь ягнобцев на летних пастбищах, пищу и питье; были собраны данные об употреблении ягнобцами в пищу 30 различных дикорастущих растений, записаны 60 рецептов из бытовой ягнобской медицины, собран материал о ягнобском жилище, описаны похоронные обычаи, календарь, календарные и сезонные праздники, празднование нового года, записаны некоторые исторические предания, верования и суеверия, меры веса, было собрано 293 экспоната для Главного среднеазиатского музея.[648] Привезенные тогда М. С. Андреевым многочисленные коллекции из Ягноба в виде фото, образцов архитектурного орнамента, чертежей жилых домов и т. д. ныне хранятся в архиве Музея истории народов Узбекистана.[649] Тогда же членами экспедиции был собран материал для ягнобско-русского словаря, который был опубликован много лет спустя.[650]

На обратном пути в Ташкент, писал М. С. Андреев,

На обратном пути в Ташкент, писал М. С. Андреев,

«я захватил с собой из Ягноба одного толкового ягнобца (выбрать было дело не легко), с которым потом я проработал всю зиму 1927—1928 г., обрабатывая собранные тексты и пополняя языковые и бытовые материалы. В результате был собран большой материал по языку и быту ягнобцев как мною, так и работавшей со мной Е. М. Пещеревой».[651]

На обратном пути участниками экспедиции было записано 194 матчинских двустишья, несколько сказок на ура-тюбинско-таджикском наречии и собраны сведения о старинных мерах веса, употреблявшихся в этом районе.

М. С. Андреев очень интересовался диалектологией ягнобского языка. Подробно изучив разговорный ягнобский язык на месте, ученый пришел к заключению, что мнение о двухдиалектном его членении «не вполне подтверждается из материалов, добытых экспедицией, по *крайней мере по состоянию языка в настоящее время*. Картина представляется несколько более сложной. Во-первых, сам язык настолько мало разнится в различных концах Ягноба, что все ягнобцы совершенно свободно

понимают и разговаривают друг с другом и всегда подчеркивают, что у них один общий язык. Говорить поэтому можно в настоящее время скорее о говорах, наречиях, чем о диалектах». «Сами ягнобцы, — писал М. С. Андреев, — склонны различать среди себя четыре говора, согласно существующему естественному делению страны на четыре части: 1) говор «Теневой стороны»...; 2) говор «Солнечной стороны»...; 3) говор «Верхней» части Ягноба... и 4) кульский говор селений, расположенных по левому притоку р. Ягноб-Дарьи». М. С. Андреев считал, что сами ягнобцы различали эти говоры не особенно уверенно и некоторые из них считали, что существует скорее только три говора—теневой, солнечный и кульский.[652]

Новейшие исследователи ягнобского языка выделяют в нем два говора: западный и восточный, причем первый соответствует «теневому» и «солнечному» говору классификации М. С. Андреева, а восточный — «кульскому» и «верхнему» говору М. С. Андреева. Однако М. С. Андреев был, несомненно, прав, подчеркивая «сложность» ягнобской диалектологии: наряду с западным и восточным, существуют, по А. Л. Хромову, переходные говоры, причем неоднородные — степень смешения признаков восточного и западного говоров в них различна.[653]

В Ягнобе М. С. Андреев и Е. М. Пещерева сделали большое число фольклорных записей, а также записей текстов этнографического содержания и отдельные фразы — все на ягнобском языке. Как указывалось выше, вместе с М. С. Андреевым приехал в Ташкент житель сел. Маргтумайн старик Мулло Ниёз, помощь которого в выверке записей оказалась бесценной (эта работа была произведена в конце 1927 — начале 1928 гг.). В обработке текстов помогала участница экспедиции Н. В. Русинова. Были осуществлены переводы этих текстов. М. С. Андреев с участием Н. В. Русиновой составил ягнобско-русский словарь и таблицы глаголов, которые содержали часть лексики собранных текстов; М. С. Андреев сделал также отдельные заметки по грамматике ягнобского языка. Познакомившийся с рукописями ягнобских текстов М. С. Андреева А. А. Фрейман (март 1928 г.) писал: «Только что получил Ваше письмо от 27 февраля 1928 г. Известие об уже готовом к печати, притом столь обильном фольклорном ягнобском материале чрезвычайно меня обрадовал, и я не могу отка-

зать себе в удовольствии тут же поздравить Вас с успехом и, как иранист, поблагодарить Вас за ту радость, которую каждый из нас испытывает при его чтении. Воистину сможете себя назвать ягнобским просветителем».[654]

К сожалению, ни сразу, ни в 1930 г., когда М. С. Андреев написал предисловие к изданию этих текстов, осуществить его не удалось. Лишь в 1957 г., через три десятилетия после проведения экспедиции, вышли в свет «Ягнобские тексты» М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой, подготовленные к печати В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, которые также составили, с использованием материалов М. С. Андреева, ягнобско-русский словарь.[655] По характеристике современного исследователя ягнобского языка, А. Л. Хромова, «...издание текстов М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой явилось существенным вкладом в изучение ягнобского языка. В настоящее время (1970 г. — **Х. А.** и **Н. А.**) записи М. С. Андреева и Е. М. Пещеревой представляют собой самый обширный фактический материал по ягнобскому языку».[656]

Как отметил, крупнейший современный лингвист Е. Бенвенист, публикацией столь больших научно важных ягнобских текстов мы обязаны заботам В. А. Лившица и А. К. Писарчик. Это издание, как он считает, будет теперь основным источником наших сведений не только о ягнобском языке,[657] оно имеет одинаковое большое значение для всех тех, кто занимается изучением языка и говоров иранского народа вообще.[658]

Был введен в научный обиход обширный новый текстовой материал по ягнобскому языку.[659] Ценность его увеличивается приложенным к тексту «Ягнобско-русским словарем», составленным М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. В. А. Лившицем приведены в словаре согдийские соответствия для ягнобских слов, а также дан сравнительный материал из лексики других восточно-иранских языков. Они являются важным вкладом в иранистику.[660]

Не менее важными являлись и этнографические материалы. Ягнобцы — не только носители ново-согдийского языка, но и потомки согдийцев. В их верованиях, обрядах, в их быту сохранилось множество реликтов глубокой древности. М. С. Андреев опубликовал лишь краткий десятистраничный общий отчет об этой экспедиции.[661] В архиве ученого хранится большое число полевых этно-

графических записей и отдельных начатых обработкой отрывков. Весь этот материал был подобран, систематизирован и в необходимой степени отредактирован А. К. Писарчик. В результате ей удалось издать оформленные в виде книги материалы М. С. Андреева по этнографии Ягноба.[662] Эти материалы впервые в мировой литературе дают развернутое освещение этнографии ягнобцев. Отныне ученые имеют возможность характеризовать не только язык, но и духовную и материальную культуру и хозяйство этого интереснейшего народа. Тем самым заполнена не только лакуна в этнографии Таджикистана, но и в его истории. Исследование материалов М. С. Андреева по этнографии Ягноба сулит важные результаты как в сравнительно-этнографическом, так и в чисто историческом плане. В 1927 г. ягнобцы оставались во многом еще на том уровне развития, на котором их застала Октябрьская революция. М. С. Андреев приводит поразительные факты: тогда во всем Ягнобе лишь один человек умел писать, не было никакой медицинской помощи, ягнобцы жили в страшной нищете.[663] Достаточно сравнить это с современным развитием культуры в горных районах Таджикистана, чтобы наглядно представить огромный социальный и культурный прогресс за годы Советской власти.

Для ознакомления с бытом и говорами равнинных таджиков Ферганы летом 1928 г. М. С. Андреев совершил поездку в большое таджикское селение Касан, напоминавшее скорее небольшой город, насчитывающий около 3000 домов. Здесь были описаны следы родового деления, характерные черты касанского народного говора, остатки древних верований, колдовство, траур, жилище, меры веса, меры сыпучих тел, меры длины, меры поверхности, счет времени и др.[664] В работе М. С. Андреева приведены также краткие сведения о киргизских обычаях, вводивших читателя в круг анимистических представлений у киргизов.[665]

В 1929 г. М. С. Андрееву удалось организовать экспедицию на средства АН СССР в долину Хуф, о которой он так давно мечтал.[666] Ввиду того, что продвижение экспедиции было связано с большим риском, связанным с басмачеством на Памире, начальник штаба Туркестанского военного округа Кондратьев дал специальное распоряжение начальнику Памирского отряда, чтобы в слу-

чае необходимости выделили в распоряжение тов. Андреева М. С. нужное количество вооруженной охраны.[667]

Известно, что М. С. Андреев еще в 1901 г. узнал о существовании в Рушане труднодоступной долины Хуф. Вспоминая об этом в 1944 г., он писал: «Со мной в 1901 г. произошел такой случай, давший потом особое направление для моих последующих работ. От времени до времени ко мне в Ташкент приезжали по моей просьбе из Коканда случайно попавшие туда из очень глухих горных стран таджики, имевшие свои филологические или бытовые особенности. Так, побывали у меня дарвазцы, каратегинцы, матчинцы и др. Однажды ко мне был прислан таким образом около 1901 г. один молодой горец, прибывший как «рушанец» (рушанского языка как раз не хватало в моей коллекции). При начавшихся с ним занятиях у меня возникли сомнения, что он был из Рушана. Выяснилось, что он, собственно, не из Рушана, а из одной особой долины, называемой Хуф и в административном отношении входившей в состав Рушана. Жители этой долины говорили особым диалектом рушано-шугнанской группы языков. Хуф тогда не был ни на каких картах, и я понял, что это должно быть, очень замкнутая, совершенно неизвестная европейцам долина. И я начал сбор материалов по Хуфу—по его языку и быту, записывая со слов молодого хуфца, оказавшегося очень правдивым и наблюдательным. Эти мои записи и послужили серьезным отправным материалом при сборе потом, долгое время спустя, дальнейших материалов по языку и быту в этой долине, выбранной мною, в силу ее большой замкнутости, для подробного изучения в качестве наглядного примера по быту и языкам верхне-пянджских долин».[668] «То, что я узнавал, — отмечал М. С. Андреев, — было положительно откровением для меня и возбудило большое желание съездить в верховья Пянджа и познакомиться на месте с тамошним населением, с его бытом и языками — до того оно по укладу, по внутреннему составу представляло противоположность знакомому мне быту и языкам равнин. Может быть, оказали влияние также малоизвестность всего быта и языков припамирских стран и отсутствие тогда о них сколько-нибудь серьезных сведений в литературе. Эти первоначальные шаги по изучению припамирских стран наложили сильный от-

печаток на мои тяготения и в значительной степени определили круг моих интересов в дальнейшем».[669]

М. С. Андреев, не довольствуясь собранным в 1929 г. огромным количеством материалов о языке и быте хуфцев, на обратном пути захватил с собой еще двух хуфцев, с которыми продолжал занятия в Ташкенте зимой 1929—1930 гг. В долине Хуф М. С. Андреевым было собрано много сказок,[670] большинство из которых он передал в распоряжение сказочной комиссии Государственного русского географического общества (Ленинград).[671] 126 предметов, тогда привезенных М. С. Андреевым, ныне хранятся в Музее археологии и этнографии им. М. С. Андреева Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР.[672] М. С. Андревым были также переданы 19 разных предметов, привезенных им с Памира, Главному Среднеазиатскому музею г. Ташкента.[673] Основные научные результаты экспедиции 1929 г. вошли в опубликованный двухтомный труд «Таджики долины Хуф».[674]

Летом 1934 г. М. С. Андреев совершил поездку в Ягноб с этнолого-лингвистическими целями. Главным предметом обследования 1934 г., как и при прошлых его поездках 1924, 1925 и 1927 гг., было выявление следов древнего языка, подтверждающего исторические сведения о былом распространении согдийского языка в Зеравшанской долине. В неопубликованном отчете об этой поездке М. С. Андреев отмечал: «...маленький Ягноб занимает исключительное положение на всем пространстве Средней Азии и простиравшегося в своем распространении даже на Восточный Туркестан. Особый интерес представляет собою то, что мы здесь еще в употреблении застали живыми последние остатки этого языка и присутствуем, несомненно, при приближающемся его полном исчезновении».[675] Учитывая это, М. С. Андреев обратился к своим коллегам: Нашей обязанностью, считал он, является собрать как можно больше «данных как по зафиксированию самого языка, так и собиранию сведений о самом народце по остаткам его старого быта, исторических и прочих данных для определения положения и, вместе с тем, для собирания материалов по истории тогдашней культуры и быта вообще».[676]

После экспедиции в долину Зерафшана в том же году осенью М. С. Андреев был приглашен на должность кон-

сультанта по среднеазиатскому искусству в Музей искусств Узбекской ССР в Ташкенте, в котором он проработал до 1940 г.[677] На этом поприще ученому приходилось выполнять широкий круг самых разнообразных и порою сложных обязанностей. «Осенью 1934 года я возвращался из экспедиции в долину Зерафшана и проездом через Ташкент захворал здесь захваченным мною в экспедиции персидским тифом. При остановке я получил предложение от развертывавшегося тогда Музея искусств УзССР занять должность ученого консультанта по среднеазиатскому искусству и впервые создать не существовавший до этого в музее отдел искусства Средней Азии. Мысль мне понравилась, работа казаласаь очень заманчивой — и я остался.

Должен сказать, оглядываясь назад, что я попал, пожалуй, в то же положение в смысле работы, что и со школами. В Музее не было совершенно ничего по данному искусству, никто не знал, что оно собой представляет, и все предположения о долженствующих поступать отовсюду сокровищах оказались мифом.

Условия работы тогда были тяжелыми. Нужных средств мне не отпускали, выезжать мне для общей рекогносцировки тоже не давали (я все должен был писать проекты и планы, все время изменявшиеся, сменяясь новыми заданиями), то я на свои средства накупил фотопринадлежностей и самостоятельно принялся работать в старой части города Ташкента, делал снимки зданий, собрал материалы. После того, когда мною было обследовано по собственной инициативе около 200 памятников и сделано около 300 снимков (13×18), я уже был силен *собранным большим фактическим материалом. Можно* было смело делать точные научно обоснованные выводы и задачи, выдвигаемые самой жизнью перед Музеем».[678]

Бывшая тогда научной сотрудницей музея А. К. Писарчик, вспоминая об активной деятельности М. С. Андреева в изучении искусства народов Средней Азии в 1934—1940 гг., поражалась его энергии, целеустремленности, настойчивости. «За эти годы М. С. проделал громадную работу по созданию среднеазиатского отдела этого музея — сбору экспонатов, сведений и фотографий по среднеазиатскому искусству. Особенно трудна была работа в первые годы: весь штат состоял из одного научного сотрудника, денег на осуществление экспедиции не

было. Но М. С. нашел выход из положения. Он приступил к обследованию народной архитектуры так называемого «старого города» Ташкента— квартальных мечетей и жилых домов.[679] Не ограничиваясь фотографированием и сбором от населения и народных мастеров сведений об этих постройках,[680] М. С. решил по возможности собрать образцы архитектурной декорации для музея. Первым его шагом в этой области был перенос в музей росписного потолка айвана небольшой мечети, находившейся около медресе Беглярбеги, которая, в связи с разбивкой на его месте сквера, подлежала разборке. Переноска фигурного потолка с массой мелких деталей было делом нелегким. Однако М. С. сумел найти среди мастеров и плотников очень добросовестного и любящего свое дело мастера, Малика Абду-Маджидова,[681] который в течение многих лет потом выполнял для Музея искусств (в Ташкенте и в экспедициях) работы по съемке и монтажу не только деревянных деталей (потолков, дверей), но и ганчевых декораций. К реставрации последних вскоре был привлечен и способный ташкентский резчик по ганчу усто Усман Икрамов, который очень хорошо производил реставрацию взятых в музей разных ганчевых и изразцовых панно и пр.».[682]

М. С. Андрееву приходилось неоднократно доказывать необходимость организации экспедиции по сбору материалов и приобретению экспонатов в наиболее крупных городах Средней Азии — Бухаре, Хорезме и Фергане. Настойчивость ученого привела к желаемому результату. «В связи с задачами социалистического строительства и необходимостью создания нового «искусства, национального по форме и социалистического по содержанию», перед народами Средней Азии в настоящее время во всей полноте встал вопрос об изучении и использовании для этого старого среднеазиатского искусства, прекрасные образцы которого, дошедшие до нас, часто поражают своими необычайно высокими художественными достижениями. Музей искусств Узбекской ССР с целью приобретения от населения и собирания лучших и интересных образцов старого искусства для того, чтобы сделать их доступными для обозрения широкими массами трудящихся и использовать для нужд социалистического строительства, снаряжает в настоящее время специ-

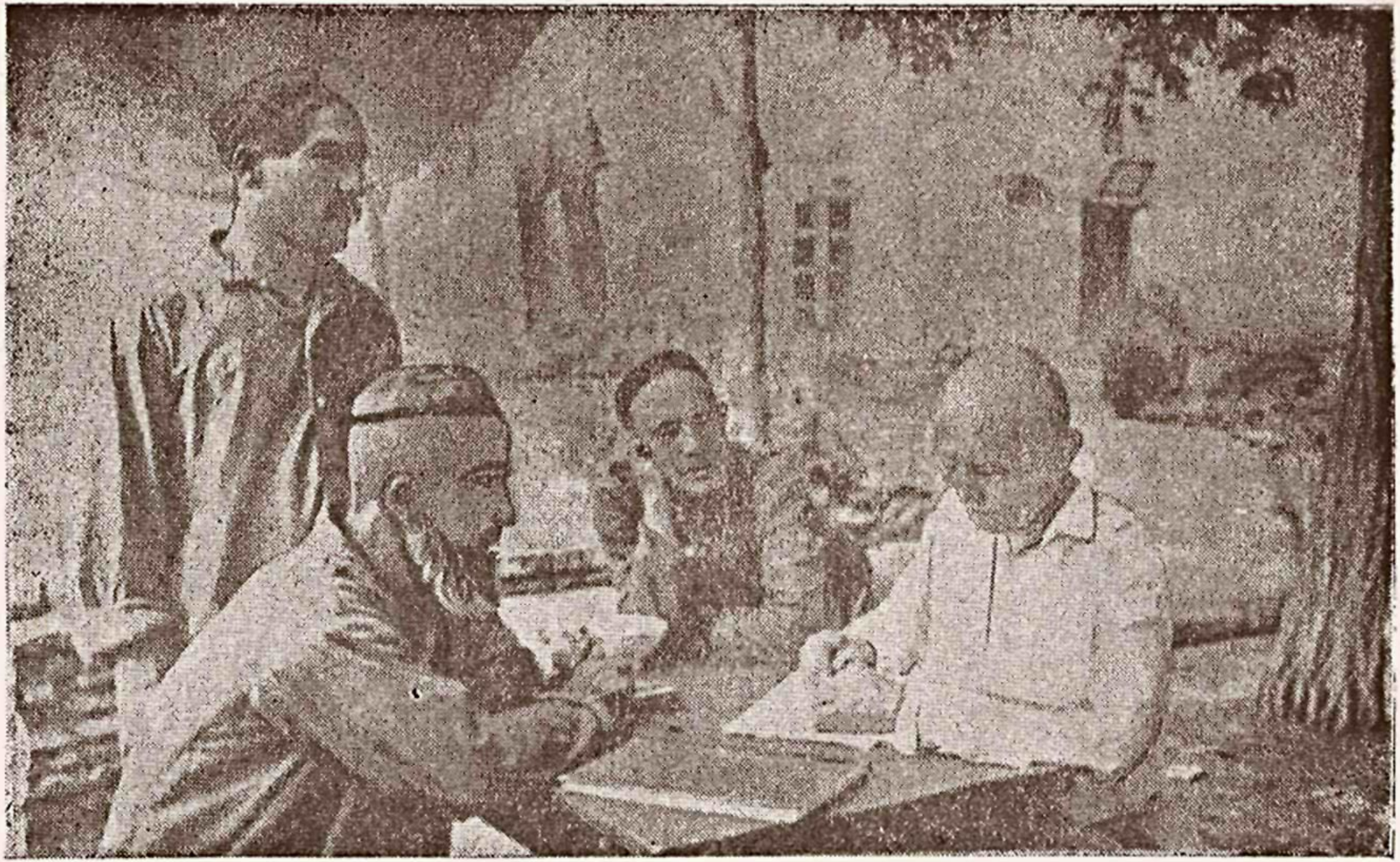

Рис. 9. М. С. Андреев беседует с информаторами (Хива, 1936 г.)

альную экспедицию, которая должна выехать в начале апреля с. г. (1936 г.) из Ташкента и посетить для сбора (материала) наиболее важные центры развития старого искусства на пространстве Узбекской ССР».[683]

В мае 1936 г. М. С. Андреев возглавил 4-месячную экспедицию по сбору экспонатов в Бухаре и Хиве. Из-за недостатка средств, вспоминал он впоследствии, я и моя старшая научная сотрудница (А. К. Писарчик. — **Х. А.** и **Н. А.**) отказались от суточных и прочих командировочных пособий на все 4 месяца, «добровольно пожертвовав эти деньги на приобретение экспонатов для Музея».[684] М. С. Андреевым при активном участии А. К. Писарчик было обнаружено и приобретено большое количество вышивок, чеканных изделий, рисунков, припорохов местных мастеров строителей и сделаны тысячи фотографий монументальных и бытовых памятников архитектуры, разнообразных образцов прикладного искусства таджиков и узбеков. В Ташкент был вывезен целый вагон резных, расписных и изразцовых фрагментов зданий, разбиравшихся в то время в связи с перепланировкой города, отражающих историю этого вида архитектурной декорации в Бухаре за период более 150 лет.

В Хиве были собраны многочисленные резные двери, колонны, деревянные решетки и т. п.[685] Тогда же М. С. Андреевым было собрано для Государственного музея искусств 783 разнообразных, порою уникальных, коллекций.[686]

В 1937 г. направляется вторая длительная экспедиция Музея искусств — в старинный центр среднеазиатской вышивки — таджикское сел. Нур-Ата и в центр кустарного художественного ремесла Ферганской долины — г. Маргелан.[687] В Нур-Ата М. С. Андреев собрал богатейшую уникальную коллекцию вышивок, в находящемся неподалеку от Нур-Ата сел. Газган — коллекцию образцов резьбы по мрамору,[688] в Маргелане — предметы архитектурных декораций, включая прикладное искусство и т. д.[689] В результате этой экспедиции Музей искусств пополнился 560 предметами искусства народов Средней Азии.[690]

Вспоминая о своей деятельности в Музее искусств УзССР, М. С. Андреев испытывал полное удовлетворение от сознания исполненного долга.

«С 1934 по 1940 г. я служил консультантом по Среднеазиатскому искусству в Музее искусств УзССР. Вместе

с моей научной сотрудницей и помощницей А. К. Писарчик, вкладывая всю душу и все силы на научно-исследовательскую работу по изучению среднеазиатского искусства и собирая из разных концов экспонаты, мы создали такую экспозицию среднеазиатского искусства, которая по замыслу, научной обработке и богатству привченного материала являлась положительно уникальной. Известный искусствовед проф. (Б. П.) Денике, осмотрев указанные экспонаты в один из своих приездов в Ташкент, охарактеризовал их как «экспозицию в мировом масштабе».[691]

В 1938 г. М. С. Андреев принимал участие во Всесоюзном этнографическом совещании Академии наук СССР в Ленинграде, где выступил с докладом «О выразительности среднеазиатского орнамента», осветив вопросы стилизации в орнаменте среднеазиатских народов.

В 1940 г. М. С. Андреев по поручению Среднеазиатского университета организует вторично экспедицию в Бухару. В работе экспедиции участвовали сотрудники САГУ, работники Музея искусств Узбекистана, Самаркандского[692] и Бухарского музеев — М. С. Юсупов, Н. В. Русинова, О. Д. Чехович и Л. И. Рempель. Задача экспедиции заключалась в монографическом изучении города Бухары по этнографическим данным. Многочисленные материалы, собранные М. С. Андреевым[693] и другими участниками экспедиции за исключением двух статей Л. И. Ремпеля,[694] остались неопубликованными.[695]

В 1943 г. М. С. Андреев по предложению правительства и ЦК КП Таджикистана на средства Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР совершает поездку в Припамирье.[696] Организация этнографической экспедиции в тяжелые годы Великой Отечественной войны явилась ярким проявлением большого внимания и неустанной заботы к вопросам науки и культуры со стороны правительства и Коммунистической партии Таджикистана. В экспедиции в полной мере проявились основные качества ученого — неутомимая энергия, воля и настойчивость, преданность науке, умение переносить трудности и лишения.[697] 70-летнему М. С. Андреву пришлось преодолевать не только физические недуги, связанные с тяжелым кожным заболеванием, но и материальные лишения военных лет. Работавший тогда секретарем обкома партии Горно-Бадахшанской авто-

номной области А. Ш. Шакиров, во время беседы с нами, сообщил, что он по поручению ЦК КП Таджикистана дважды доставлял продукты питания и навещал М. С. Андреева в долине Хуф.

Человек кристальной честности, самоотверженности, горячий патриот изучения края, М. С. Андреев писал в годы Великой Отечественной войны: «Смело можем гордиться нашими советскими учеными и высокой культурностью нашей власти, которая понимает, что останавливать научную работу в ее серьезных проявлениях, по крайней мере, нельзя».[698] «Не могу удержаться, — говорил М. С. Андреев, — чтобы не сказать чистосердечно и искренне, что крайне жалко, что не могу присоединиться к сражающимся, чтобы положить свою жизнь на защиту Родины...

Все, что мог — это предложил себя, несмотря на старость и болезнь, на все, чем я могу быть полезен, знанием языков или же быта, предоставлением редких экземпляров книг из своей собственной библиотеки. Всегда рад служить нашему правительству».[699] Далее, испытывая удовлетворение от своей деятельности в области востоковедения, от поддержки научной работы партийными и советскими органами, М. С. Андрев писал: «даже и в такие трудные моменты, в каких мы находимся сейчас, напрягая все наши силы на борьбу с врагом, мы все же находим возможность и решимость продвигать нашу советскую науку и в других (мирных. — **Х. А.** и **Н. А.**) направлениях».[700]

Определяя задачи экспедиции 1943 г., М. С. Андреев отмечал: в верховьях реки Пяндж, в глухих замкнутых высокогорных долинах, сдавленных Гиндукушем и Памирами, очень труднодоступных, из-за их крайней изолированности (открывающихся для связи с внешним миром только на самое короткое время года) сохранились до наших дней восточноиранские языки — языки древнейшего населения Средней Азии и дошли до нас в виде реликтов следы удивительных обычаев и переживания первобытных этапов культуры. Эта сокровищница для науки, для понимания жизни самого отдаленного прошлого Средней Азии. Но с проведением после установления Советской власти автомобильных путей и установлением воздушного сообщения остатки старого быта исчезают с невероятной быстротой. Погибает

великое, совершенно исключительное научное наследство, доставшееся нам от прошлого. По словам М. С. Андреева, для скорейшего зафиксирования того, что есть еще сегодня и чего не будет завтра, а также для некоторого подведения итогов тому огромному материалу, который был собран раньше, он решил предпринять еще одну экспедицию, так сказать, «суммирующую». После посещения долины Хуф в 1943 г. ученый выражал неподдельный восторг от социальных изменений, принесенных сюда Советской властью.

«Экспедиция начала работать в очень высоко расположенной в горах долине Хуф, входящей в административном отношении в состав Рушанского района ГБАО, связанной с прочим миром только одной узкой тропинкой, зигзагами круто спускающейся вниз к берегу Пянджа. Когда-то я был первым европейцем, узнавшим о ее существовании и проникшим туда (в 1907 г.). Но какая огромная разница по сравнению с тем, что я видел раньше. На 130 домов населения имеются уже три школы, четыре года тому назад в долине организован колхоз и даже проведен вверх по головоломной тропинке... телефон, связавший Хуф с телефонной сетью Горно-Бадахшанской автономной области...

Удивительные реликты быта и языки сохранились в верховьях Пянджа исключительно в силу замкнутости и изолированности горных долин в течение тысячелетий. Но вот настал конец всему этому. За последние двадцать—тридцать лет, перерезая «каменную грудь», проведены автомобильные дороги, соединившие Горный Бадахшан с внешним миром, и, вдобавок, организовалось даже воздушное сообщение.

И как сразу рухнули, словно как в сказке, по мановению волшебной палочки, все преграды и заслоны, заставлявшие застыть здесь человеческую жизнь и прогресс на уровне тысячелетней давности.

Широким вихрем, порожденным Великой революцией, ошеломляюще вторгнулись в горные страны новые идеи, общественные устои и плеяды технических изобретений и навыков. И как сразу при этом съежилось и с поразительной быстротой начало исчезать все старое, отжившее, нежизненное. Но, вместе с этим, бесследно стали уходить незаписанные и неизученные ценнейшие реликты древнего быта и быстро начали изменяться древние

языки и диалекты. Для скорейшего зафиксирования уходящего и спасения хотя бы некоторых данных для науки и была послана наша экспедиция».[701]

Сохранились многочисленные высказывания М. С. Андреева о целях[702] и задачах исследований в долине Хуф,[703] сущность которых заключается в следующем.

Страна в верховьях реки Пяндж (верхнее течение Аму-Дарьи) представляет собой своеобразную научную лабораторию и давно уже привлекает внимание отечественных и иностранных ученых. В этих местах, благодаря их бывшей труднодоступности и изолированности, вплоть до наших дней сохранились среди проживающих там таджиков остатки древнего быта, уже давно исчезнувшего в равнинах. М. С. Андреев в своих записях, сопоставляя значение древних былин в истории культуры человечества, заметил, что подобно тому, как русские былины киевского периода, сложившиеся когда-то вокруг стольного города Киева, дошли до нас только из лесов бывших Олонецкой и Вологодской губерний, точно также и в стране верховий древнего Оксуса мы находим удивительнейшие остатки древнего быта, проливающие свет на древние этапы развития жизни и культуры оседлых народов Средней Азии. Изучение этих остатков древней культуры, быта и языков, подчеркивал М. С. Андреев, — один из самых главных путей для понимания истории древней культуры таджикского народа.

Страны в верховьях Пянджа сохраняют еще одну удивительную особенность, привлекающую внимание ученых. Помимо небольшого замкнутого Ягноба (в верховьях Зеравшана), это единственное место в Советском Союзе, где сохранились еще до наших дней языки старых засельников Средней Азии — восточно-иранские языки, постепенно исчезнувшие в равнинах после арабского нашествия. Эти языки, отмечал М. С. Андреев, как и весь уклад быта, сохранились здесь исключительно благодаря замкнутости и изолированности горных долин. Неимоверно трудные пути сообщения связывали их друг с другом и с равнинами. Путнику приходилось преодолевать при этом высокие, труднодоступные перевалы, из которых многие открывались лишь на короткое летнее время один раз в год, ненадежные горные балконы, лепящиеся на костылках и жердочках по отвесным скалам, каким-то чудом держащиеся некоторое время, а затем неожидан-

но обрывающиеся в пропасть вместе с проходящими по ним людьми. Об одном из способов передвижения в таких условиях сообщает Б. И. Искандаров: «Дорога между Калай-Хумбом и Шугнаном зимой почти закрыта. Местные жители продвигаются посредством корзинок. В непроходимой теснине, по которой бежит Язгулем-Дарья, для устройства дороги нельзя было ничего сделать другого, как к железным болтам, вбитым в скалы, подвесить на расстоянии приблизительно сажени одна от другой плетеные корзинки. Путник помещается в первой из них и, раскачавшись, схватывает другую, переходит в нее, а затем ловит третью» и т. д.[704] Если встречались на узкой тропинке два человека, двигавшихся навстречу друг другу и каждый с животным, рассказывал М. С. Андреев, то ввиду полной невозможности иногда не только разойтись, но и повернуть одного из этих животных обратно, их хозяева выбирали сообща менее ценное животное, соглашались относительно его цены и затем сбрасывали его с тропинки в пропасть. Продолжало двигаться более ценное животное, владелец которого уплачивал половину стоимости его хозяину.

«Средняя Азия или по прежней терминологии Туркестан, — писал академик Е. Н. Павловский, — манила тайнами своей природы и ее производительных сил многих крупных исследователей-путешественников России; однако проникновение в глубь страны при ее бездорожье — особенно же в Горную Бухару и на Памир, было делом трудным, а по некоторым промежуточным участкам и прямо опасным. Снаряжение экспедиций требовало по своему времени немалых средств и неисчерпаемой энергии и интереса исследователей».[705] Всеми качествами и обладал М. С. Андреев. Часто рискуя жизнью во имя науки, карабкался по горным тропинкам и каньонам неутомимый путешественник Михаил Степанович Андреев.

После установления Советской власти на местах и проведения невиданных здесь до того колесных дорог и общего улучшения путей сообщения М. С. Андреев, горячо одобряя все нововведения в жизни народов Средней Азии, вместе с тем как «фанатик» своей профессии, всю жизнь изучавший «уходящую» культуру прошлого, не мог скрывать и своего научного «огорчения». «И как сразу переменилась жизнь под влиянием великих благ

советской культуры, проникшей в самые отдаленные уголки глухих долин. Головокружительным вихрем ворвались потоки новых идей вместе с ошеломляющим обитателей гор техническим усовершенствованием и открывшимися новыми социальными горизонтами. И как невероятно быстро рухнули устои и верования древнего уклада жизни, с невероятной быстротой исчезающего на наших глазах, не оставляя никакого следа...

Мы можем только радоваться великой перемене. Но к большому огорчению, — говорил он, — ценнейший для советской и мировой науки уклад древней жизни, а также и древние языки быстро исчезают, не будучи сколько-нибудь достаточно описанными и изученными. Погибает великое, совершенно исключительное научное наследство, доставшееся нам от прошлого. И перед Советской властью встает теперь в спешном порядке задача скорейшего закрепления в научных записях того, что есть еще сегодня и чего не будет завтра. Нужно использовать также последние дни уходящих стариков, чтобы со слов этих очевидцев старого быта записать то, что они еще видели в молодости. Со всем этим нельзя медлить ни минуты».[706]

«Придя к заключению, что при разнообразии языков и быта по отдельным долинам правильным подходом должно явиться предшествующее изучение одной из наиболее характерных глухих долин с последующим расширением этого изучения на остальные, — писал М. С. Андреев, — я остановился для этого на небольшой высокогорной долине Хуф (около 3000 м над уровнем моря)».[707]

В 1943 г. «экспедиция работала в составе М. С. Андреева, научного сотрудника А. К. Писарчик, лаборанта Е. А. Мончадской, художника Т. В. Сеглина. Временно к участию в ее работах привлекались два шугнанца — местные работники, окончившие Душанбинский педагогический институт, — Т. Пулоди и С. Худойбердыев.

Экспедиция продолжалась около 4 месяцев. Из них— 2 месяца в долине Хуф, где был продолжен сбор материалов для монографического описания этой долины, начатой М. С. Андреевым еще в 1901 г. и продолженный во время экспедиции в 1929 г. В дополнение к имевшимся были собраны новые сведения о быте, хозяйственной деятельности, обычаях, обрядах, верованиях хуфцев и т. д.».[708] Из Хуфа экспедиция спустилась в Рушан и

там, в селении Бар-Рушан работала около двух месяцев. Ввиду опасности и затруднительности разъездов по высокогорным долинам, участники экспедиции приглашали из некоторых мест осведомителей и записывали с их слов параллельные сведения о языке и быте. Так были опрошены жители трудодоступной долины Бартанга, из Язгулема, одной из верхнепянджских долин, население которой сохранило свой особый старый язык. Были собраны материалы о Шугнане, давшие ценные сведения и проливающие некоторый свет на самые отдаленные этапы развития быта и языков оседлого населения Средней Азии.[709]

Из привезенных тогда М. С. Андреевым этнографических предметов 174 хранятся в Музее археологии и этнографии им. М. С. Андреева Института истории им. А. Дониша А НТаджикской ССР.[710] 357 предметов, привезенных из Хуфа ученым, ныне хранятся в Государственном республиканском объединенном музее историко-краеведческого и изобразительного искусства г. Душанбе.[711]

В 1945 г. был опубликован реферат работы ученого под названием «Таджики верховьев Оксуса (Аму-Дарьи). Материалы по изучению истории культуры, быта и языков древних таджиков. Долина Хуф, быт и язык, ч. I, вып. 1».[712]

Основополагающим трудом М. С. Андреева в области изучения этнографии таджикского народа является посмертно изданная двухтомная монография — «Таджики долины Хуф», первый том которой был опубликован в 1953 г.

Собранные с 1901 по 1943 гг. материалы о таджиках долины Хуф предполагалось издать в нескольких выпусках. К сожалению, автору не удалось полностью закончить и подготовить к печати даже первый том издания, содержащий исторические сведения о долине Хуф и описание цикла обычаев, сопровождающих рождение, свадьбу, смерть. Наука обязана А. К. Писарчик изданием первого и второго выпуска монографии ученого «Таджики долины Хуф».

Первому выпуску книги предпослано небольшое предисловие от редакции (стр. 4—5), дано объяснение транскрипционных знаков, выполненное А. К. Писарчик (стр. 6—7), и помещено предисловие автора (стр. 8—10). Книга делится на одиннадцать глав: I. Название «Хуф»

и самоназвание хуфцев (стр. 11—14); II. Некоторые исторические сведения, предания и рассказы о прошлом строе жизни (стр. 15—45); III. Рождение, младенчество и связанные с этим обычаи и верования (стр. 46—82); IV. Наречение имени (стр. 83—89); V. Детство (некоторые обычаи) (стр. 90—95); VI. Игры (стр. 96—119); VII. Свадьба (стр. 120—177); VIII. Замужняя женщина (стр. 178—184); IX. Смерть. Похороны. Поминание умерших (стр. 185—201); X. Представления о загробной жизни (стр. 202—208); XI Убивание в старое время стариков (стр. 209—211). Книга снабжена также предметно-тематическим указателем (стр. 212—214) и указателем терминов и отдельных слов на припамирских и других языках, составленным А. К. Писарчик (стр. 243—248), а также списком сокращений (стр. 249) и иллюстраций (стр. 250). В работе 21 иллюстрация (16 фото и 5 рисунков). Текст снабжен многочисленными применениями автора, а также редактора А. К. Писарчик.

В первой главе автор дает этимологию слова «Хуф», связанного с понятием о высоте. Сообщая о самих жителях долины, об их происхождении, обычаях и диалектах, автор пришел к заключению, что они являются, как они сами называли себя, «настоящими таджиками», более чистыми даже, чем живущие ниже по течению реки Пяндж таджики, говорящие на таджикском языке».

Во второй главе М. С. Андреев приводит интересные предания о заселении как Нижнего Пянджа, так и самого Хуфа, а также о первоначальных обитателях края. Помещены более подробные сведения об отдаленных предках хуфцев, которых местные жители называют кафирами и мугами. Очень интересными являются приведенные многочисленные примеры, характеризующие жестокость и произвол местных правителей и бесправие эксплуататоруемого народа в эпоху господства «собственных» правителей «Ша», афганских, а затем бухарских феодалов. В работе приведены данные о существовании рабства в припамирских странах.

«Однако здесь нельзя согласиться с автором,—возражал в рецензии на работу Н. А. Кисляков, — который значительное распространение рабства пытается объяснить различием в вероисповедании простого народа (исмаилиты) и правящей верхушке (сунниты); причину этого явления следует искать в более глубоких явлениях

социально-экономического характера». Н. А. Кисляков отметил, что весьма «ценными являются также приведенные автором сведения о сословном делении общества, духовенства и его роли».[713]

Главы третья—шестая посвящены вопросам, связанным с рождением и воспитанием ребенка. В них автор очень подробно рассказывает о разнообразных религиозных обрядах и церемониях, совершившихся во время беременности женщины, при рождении ребенка и в первые недели и месяцы его жизни. Но в работе не затронуты вопросы о причинах ужасающей детской смертности, связанной с нищетой и, в особенности, с отсутствием самых элементарных санитарно-гигиенических навыков в быту таджиков в дореволюционное время. В указанных разделах приведен также материал, посвященный наречению имени ребенку и играм; своеобразным клубам мужской молодежи.

В седьмой и восьмой главах автор рассказывает о брачном возрасте, о степенях родства, допускающих или запрещающих брачные связи, описывает разнообразие брачных обрядов и церемоний, начиная с момента сватовства и кончая увозом новобрачной в дом мужа, положение невесты и вообще женщины в семье. Автор приводит перечень работ, выполнявшихся женщиной, освещает вопросы, связанные с семейной жизнью: супружеская измена и способы доказательства невиновности супругов, развод, многоженство, обычай выдачи вдовы замуж за брата ее покойного мужа и т. д.

Девятая—одиннадцатая главы труда посвящены обычаям и церемониям, связанным со смертью человека и похоронам, а также представлениями о загробной жизни. Изложены воспоминания хуфцев и обитателей некоторых других верхнепянджских долин о существовавшем у них в древности обычае в трудные годы уносить в горы дряхлых стариков и, оставив возле них горшочек с небольшим количеством пищи, уходить, оставляя их умирать.

Характеризуя значение первого тома «Таджики долины Хуф», А. К. Писарчик отметила, что этот «том явился первым трудом в этнографической литературе о среднеазиатских народах, где подробнейшим образом описан уклад семейного быта обитателей одной определенной долины, весь цикл обычаев и обрядов, выполнявшихся

до революции хуфцами в связи с различными этапами и обстоятельствами их жизни».[714]

Собранные в работе «Таджики долины Хуф» материалы, подчеркивали А. А. Семенов и А. К. Писарчик, «являются богатейшим источником для пополнения наших знаний о старом быте таджиков, своеобразной энциклопедией старого быта таджиков, а частично и других среднеазиатских народов, с которыми таджики были связаны историческими судьбами».[715]

Хочется полностью присоединиться к мнению Д. Е. Хайтуна и Ю. А. Шибаевой, писавших, что значение работы М. С. Андреева заключается «в том, что на основе исключительно добросовестно собранного громадного материала с большой полнотой и научной точностью охарактеризованы таджики-хуфцы как представители того древнего оседлого народа Средней Азии, который населяет верховья Аму-Дарьи».[716] Нет сомнения, что первый том работы «Таджики долины Хуф» имеет большой научный интерес.

В 1958 г. вышел в свет второй том научного труда «Таджики долины Хуф».[717] Ему предпослано предисловие от редакторов — А. А. Семенова и А. К. Писарчик (стр. 5—7); объяснение транскрипционных знаков выполнено А. К. Писарчик (стр. 8—9). Книга делится на девять глав: I. Некоторые общие сведения о долине Хуф (стр. 10—20); II. Земледелие (с приложениями: «Удобрение полей как фактор, влияющий на размеры и форму селения». Список растений из гербария, собранного в Хуфе и Барушане экспедицией 1943 г.» и «Грецкий орех» (стр. 21—113); III. Скотоводство (стр. 114—150); IV. Народный календарь и счет времени (с приложениями: «Народный календарь и счет времени» в Каратегине, в Оби-Гарме, в Гиссаре. «К древнему счету времени по плеядам в Средней Азии и в Ташкенте» (стр. 151—175); V. Меры (стр. 176—179); VI. Промыслы (стр. 180—215); VII. Охота (с приложением к главе) (стр. 216—230); VIII. Торговля (стр. 231—235); IX. Пища (стр. 236—242); Одежда (стр. 243—254). Кроме того, приложены ко второму выпуску «Таджиков долины Хуф» следующие работы М. С. Андреева: «Страны в верховьях древнего Оксуса (Аму-Дарьи) и их значение для понимания старого быта оседлых народов Средней Азии (стр. 255—264); «Лазанье по деревьям» (стр. 264—266); «Потолок

пригиндукушских стран и потолок «дарбази» в Закавказье» (стр. 267—273). Книга снабжена также списком иллюстраций (стр. 487—490), указателем терминов и отдельных слов на припамирских и других языках (стр. 491—518); указателем припамирских топонимических имен (стр. 519—521), списком условных сокращений (стр. 523). В работе помещены 132 иллюстрации (107 рисунков и 24 фото).

Первый выпуск монографии «Таджики долины Хуф», посвященный семейному быту хуфцев, был почти полностью завершен самим М. С. Андреевым. Второй выпуск, отмечает А. К. Писарчик, по замыслу автора, должен был быть посвящен изложению хозяйственного быта хуфцев — их занятиям, материальной культуре и народным знаниям. Если не считать главу «Земледелие», которую автор написал еще в 1930 г., то работа в целом дошла до нас в виде черновых записей отдельных разделов, полевых записей разных лет, часто отрывочных и несистематизированных. Все эти записи были отобраны, систематизированы и обработаны А. К. Писарчик: «При подготовке к печати имеющегося материала был принят принцип возможно более полного сохранения текста записей, сделанных М. С. Андреевым, что придает им ценность первоисточника».[718] «Поэтому, — сообщала она, — сохранившиеся в его научном архиве записи подверглись минимальной обработке. Они были лишь разобраны, приведены в систему, распределены по главам, намеченным М. С. Андреевым, и немного литературно отредактированы».[719] Текст второго выпуска монографии также снабжен многочисленными примечаниями автора.

Ввиду того, что А. К. Писарчик участвовала в последней экспедиции ученого в долину Хуф в 1943 г. и по ряду тем сама вела подробные записи, вполне правомерно снабдила работу своими примечаниями и внесла многочисленные дополнения в основной текст М. С. Андреева. Больше всего таких дополнений и примечаний сделано было к главам «Одежда», «Пища» и «Календарь», а глава «Жилище» целиком написана А. К. Писарчик. Объем примечаний и дополнений приближается к половине текста. Собственно говоря, второй выпуск «Таджики долины Хуф» —работа двух авторов, М. С. Андреева и А. К. Писарчик.

В первой главе работы даются некоторые общие сведения о долине Хуф: природные условия, хуфские селе-

ния, прозвища жителей, летовки и пр. Самым большим разделом монографии является вторая глава — «Земледелие». Подчеркивая значение земледелия в жизни хуфцев, да и не только хуфцев, автор писал: «Хуфец, как все таджики, исконный земледелец. Если бы не было у него посевов, ему пришлось бы, вероятно, при существующих условиях умирать с голода».[720] Как известно, в жизни хуфцев немалую роль играло также скотоводство, ибо «оно, по словам М. С. Андреева, — одевает хуфца, доставляя ему шерсть, пополняет и разнообразит его пищу, давая ему молоко, масло, мясо, но оно все же уступает по значению посевам хлебов. Да и половина выгод, получаемых от скотоводства, имеет значение для хуфца только при его применении к земледелию. Последнее в хуфских условиях было бы совершенно немыслимо, если бы не было навоза от скота. Посевов без удобрения... в Хуфе нет совсем».[721]

Как в первой главе, так и в приложении, в разделе «Удобрение полей как фактор, влияющий на размеры и форму селения», убедительно доказывается, что земледельческое хозяйство хуфца тесно связано с животноводством, ибо без навоза, служившего основным средством удобрения полей, истощенных многолетними посевами, земля не давала достаточных урожаев.

Характерной чертой хуфского земледелия является то, что не смотря на большую высоту долины все посевы на ней были исключительно поливные. Объясняя необходимость полива в земледелии, местные жители говорили ученому, что при их климатических условиях посевы без полива не дают колоса. До 1930 г. в долине не высевали озимых, которые после организации (1938 г.) колхозов стали занимать значительное место в посевах хуфцев при меньшей затрате семян.

Ввиду сурового климата в Хуфе возделывались пшеница — «Жиндал», сеяли в основном сорта «сафедак»— «беленький» и «джалдак» — «быстренький», так как они вызревали намного раньше, чем остальные сорта пшеницы, возделывавшиеся в равнинах. Автор сообщает, что некоторые хуфцы сеяли и другие сорта пшеницы, как «колак», «бесиг» (без остей) и «сигдор» (с остями), созревавшие, по сравнению с названными сортами, на 10—15 дней позднее, но дающие хлеб лучшего качества.

Пшеница созревала сколько-нибудь сносно только в

нижних селениях, и потому главное питание населения составлял скороспелый ячмень. Сеяли исключительно только голый ячмень (гималайское жито) двух сортов: «хинг-чушч», т. е. «зеленый ячмень» и «сафида-чушч», т. е. «белый ячмень». Первый созревает на 10 дней раньше, чем второй. Обычный же ячмень, называемый «пухида-джау» (буквально — покрытый ячмень) в Хуфе не сеяли.

Возделывали в долине и просо — «пиндж», сорта «рушбиндж», «куронай», «пиджарх» и «джавовс»; горох — «мах». Хуфцы часто предпочитали сеять горох вместе с ячменем, такие комбинированные посевы давали хороший урожай. Сеяли также рожь — «лашак» только в Пас-Хуфе; возделывали «циравич» — маслянистое растение, семена которого идут на освещение, да еще разводили понемногу табак. Раньше засевали еще и репу, но потом ее перестали выращивать. Из новых культур в тридцатых годах начали выращивать картофель.

В разделе «Земледельческие орудия» М. С. Андреев описывает собранные им материалы об орудиях основного земледельческого орудия хуфца — о сохах в разных районах преимущественно горного Таджикистана и Узбекистана — и устанавливает ареалы каждого из них. В разделе дано также описание и других видов сельскохозяйственных орудий хуфцев — ярма, железных сошников, типов деревянных и железных лопат, вил, кельтообразных орудий архаического типа — мотыг, топориков, теши, приспособлений для переноски тяжестей и пр.

Автор останавливается и на агротехнике в Хуфе. Он описывает найденный горными таджиками способ удлинения вегетационного периода путем разбрасывания ранней весной по снежному покрову слоя сухой земли. Этого бывает достаточно, писал М. С. Андреев, чтобы усилить нагревание рассыпанных темных мелких частиц земли солнечными лучами, не отражаемыми уже больше белой снежной поверхностью. При солнечной погоде снег сходит с поля дней через 10—20 после разбрасывания земли, ускоряя тем самым естественное стаивание дней на 15—30. Без разбрасывания земли по снегу, утверждает автор, за лето у хуфцев хлеба не созревали бы.

В работе сообщается о посевах путем разбрасывания семян по полю и последующей запашки этих семян два

раза, о проведении борозд вдоль и поперек поля. М. С. Андреев описывает также способы орошения посевов, водные сооружения, жатву травы на сено и различных видов хлебных злаков и связанные с этим обычаи и обряды, обмолачивание хлеба с помощью скота, палкой «аблакув», а также получение зерен выбиванием их из колосьев камнем или обжиганием колосьев в огне. Описывается помол зерна с обрядами и запретами, якобы предохраняющими мельницу от порчи и обеспечивающими больший выход муки. Помол производился как на водяных, так и на ветряных мельницах.

В главе «Животноводство» сообщается о значении скотоводства в хозяйственном быту, особенно в земледелии хуфца, о связи скотоводства с земледелием. Без удобрения (навоза) земледелие хуфца было бы невозможным. Рогатый скот существенно необходим и при пахоте, при молотьбе урожая. Автор описывает разводимые породы скота, в частности, неприхотливую овцу «гадик» (хвостатую), коз и лошадей. Приводится терминология, ряд обычаев и обрядов, связанных с животноводством и с введением молочного хозяйства.

Андреев приводит много сведений о способах кормления и содержания скота зимой и летом и описывает связанный с этим отгон скота на летние пастбища, т. е. «летовки», где он находится под присмотром женщин; церемонии и обычаи при этом, рассказывает о дойке скота, накапливании молока, заквашивании его, сбивании масла, накапливаемого на зиму, приготовлении из пахтанья сушеного сыра — «тухп».

В особом разделе приводятся интересные факты о сравнительно недавном проникновении в долину Хуф, Баджу и Бартанг ослов, кур и собак и об отношении к ним как к нечистым животным. Вот один из эпизодов, описанных в работе. «Лет около 20 тому назад (приблизительно 1915—1916 гг. — **Х. А.** и **Н. А.**) в Рушане распространился слух: из «городов» пришло известие, что кур держать грешно и не следует: внутри каждой курицы имеется змея. Если только она выйдет, то будет жалить людей, и всякий укушенный ею человек обязательно умрет. И не только умрет сам, но умрет и обмывавший его труп и все, кто будет его хоронить. Всякий, кто не переведет своих кур, ответит за это в день «страшного суда».

Такое известие не могло остаться без последствий. Рушанцы начали хватать разведенных было у них кур, связывали им ноги (чтобы не могли выбраться) и сбрасывали кур в Пяндж.[722]

Глава четвертая посвящена вопросам народного календаря и счету времени. Она начинается с изложения счета времени в Бадахшане как по лунному, так и по солнечному календарю, с годом, состоящим из двенадцати месяцев. Приводятся все лунные и солнечные названия месяцев. Но главное внимание М. С. Андреев уделяет описанию более архаичного оригинального счета по частям тела человека — от ногтей до головного убора и обратно. М. С. Андреев сообщает, что в горнотаджикских странах для определения главных ориентировочных моментов в году служат заметные точки на панораме окружающих гор, точнее, на их контурах, вырисовывающихся на небе. Место, где солнце садится или восходит в какой-нибудь характерной впадине или касается верхушки какого-нибудь пика, служит календарным знаком наступления того или иного дня. Но, сообщает М. С. Андреев, для этого нужно было строго следить за этим ориентиром с какого-нибудь определенного пункта в долине. В Хуфе этот способ счета времени не применялся, там для этих целей служила тень, отбрасываемая пиком «Цирув», что означит в переводе «свеча». По определению А. К. Писарчик, этот пик называется не «Цирув», а «Чирок», т. е. не хуфским, а таджикским словом «лучина», «свеча», а вся гора называется Чирок-Тах.[723]

В каждом старом хуфском доме был еще дополнительный календарь, основанный на солнечном луче, попадающем в жилое помещение через квадратное отверстие в крыше, называемое «руз». В домах делались отметки мест, на которые падают лучи солнца, изменяющие угол падения в зависимости от времени года, и каждый раз этот луч, падая в заранее помеченные календарные отметки, указывал главные дни и времена года, наиболее важные в жизни хуфца.

В разделе приложений четвертой главы приведен народный календарь и счет времени в Каратегине, Оби-Гарме, Гиссаре и Ташкенте. Благодаря внесенным А. К. Писарчик дополнениями, в работе приведено удивительно детализированное определение времени дня у разных памирских народностей.[724]

Глава пятая посвящена вопросам хуфских мер длины, мер сыпучих тел в Хуфе и Шугнане (в долине р. Гунта), мер ценностей в Хуфе, Рушане и в Шугнане.

В шестой главе описано ремесленное производство хуфцев, приводятся сведения о числе людей в Хуфе, знающих то или иное ремесло, о положении ремесленников, о местонахождении руды и добывании железа, о видах домен и выплавке железа, о разнообразных обычаях и обрядах, связанных с выплавкой железа.[725] В работе подробно описывается выделка деревянных, керамических и железных изделий. Интересны сведения о вознаграждении ремесленников, различных специалистов в Хуфе.

В разделе «Ткачество и прядение» собраны многочисленные материалы относительно наличия станков для взбивания шерсти и подготовки ее к прядению, о типах прялок и оплаты труда ткача и т. п.

Главы седьмая—девятая посвящены вопросам охоты, торговли, пищи и одежды. В разделе охоты приводятся данные о различных предметах охотничьего снаряжения, о видах оружия, видах и способах охоты, описываются также различные виды животных и связанные с ними легенды.

В главе о торговле приведены примеры архаических видов торговли — товарообмен хуфцев с рушанцами, памирскими киргизами, бадахшанцами и жителями Бартанга. В книге описаны способы приготовления различных жидких мучных блюд, молока и молочных блюд, названы дикорастущие съедобные растения и, наконец, наркотики — опиум, приносивший в прошлом величайшие бедствия жителям верхнепянджских стран. В последней главе работы даны с иллюстрациями описания видов мужских и женских костюмов, штанов и шароваров, обуви, чулок, головных уборов, средств женской косметики и т. д.

Ко второму выпуску приложены статьи М. С. Андреева «Страны в верховьях древнего Оксуса (Аму-Дарьи) и их значение для понимания старого быта оседлых народов Средней Азии», ценное в этнографическом отношении для изучения насеелния верховьев Пянджа — удивительной научной сокровищницы уклада старого быта Средней Азии. Приводимые автором материалы показывают продвижение различных культурных форм из равнин в горы. Статья «Потолок пригиндукушских стран и

потолок «дарбази» в Закавказье (пример древних культурных связей)» убеждает читателя в необходимости сравнительного изучения культуры и быта народов Средней Азии с другими соседними народами, в том числе Кавказа.[726]

М. С. Андреву принадлежит пальма первенства и в изучении природных условий отдельных районов Памира.[727]

В последние годы своей жизни М. С. Андреев принимает активное участие в работе Центрального государственного историко-краеведческого музея Таджикской ССР,[728] он же был одним из создателей Музея этнографии и археологии Института истории, языка и литературы Таджикского филиала АН СССР.[729] Этому музею ныне присвоено имя М. С. Андреева.[730]

В 1947 г. М. С. Андреев переехал в Душанбе и начал работать научным сотрудником Института истории, языка и литературы ТФАН СССР. Он принимал активное участие в научно-исследовательской работе, подготовке местных научных кадров и общественной жизни института.

В это время М. С. Андреев подготовил несколько работ, которые были опубликованы уже после его смерти. Сред них такая важная работа, как исследование «К характеристике древних таджикских семейных отношений».[731] В ней собран и проанализирован большой материал, выявленный у памирцев, горных и равнинных таджиков. Очень древние истоки имеют погребальные танцы, подробно описанные в этой работе. В работе, на основе большого материала, рассматривается вопрос о переживаниях родового строя, сохранившихся в семейных обычаях и в формах социального быта.

Тогда же была закончена статья М. С. Андреева «О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах».[732] В ней автор подробно описывает выявленный им на громадной территории способ добывания огня высеканием из камней, который до того времени был зарегистрирован сравнительно у очень немногих народов земного шара.[733] М. С. Андреев полагал, что центр ареала племен, добывающих огонь высеканием в глубокой древности находился где-то в Средней Азии и что задача заключается в

установлении границы распространения двух способов добывания огня — ударами кремня о кремень и трением дерева о дерево. Ученый предполагал, что дело идет не о распространении способа высекания огня из одного культурного очага в другой, а в известном смысле о повсеместности этого способа.[734]

М. С. Андреев умер 10 ноября 1948 г. в Душанбе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще со школьной скамьи М. С. Андреев интересовался историей, лингвистикой и этнографией народов Средней Азии. Находясь в гимназии, он начал изучать местные языки, и эта страсть привела его в Туркестанскую учительскую семинарию. Здесь преподавались таджикский, узбекский и арабский языки. Под руководством известного востоковеда В. П. Наливкина семинарист М. С. Андреев получил прочные знания восточных языков, познакомился с бытом народов Средней Азии.

М. С. Андреев вышел из семинарии прекрасным знатоком местных языков, о чем свидетельствует назначение только что окончившего Туркестанскую учительскую семинарию М. С. Андреева преподавателем таджикского и узбекского языков как в самой семинарии, так и в Ташкентском реальном училище. Непрерывные поездки по городам и селам Средней Азии, во время которых он *углублял свои знания в области истории, языка, быта*, а также археологии, неустанное ведение записей и сбор огромного фактического материала содействовали приобретению М. С. Андреевым энциклопедических знаний в области туркестановедения.

Став инспектором народных училищ 2-го района Самаркандской области в 1914—1918 гг., он способствовал росту школ, улучшению системы обучения. Много внимания и энергии ученый посвятил привлечению детей местных национальностей в русско-туземные школы.

Педагогическая деятельность М. С. Андреева продолжалась и после революции. Его организаторскому таланту, настойчивости и целеустремленности во многом было

обязано открытие Туркестанского восточного института. М. С. Андреев был первым составителем программы по читаемым им курсам в Восточном институте и Среднеазиатском госуниверситете по этнографии таджиков, историко-географическим обзорам Афганистана и Индии, по таджикскому и персидскому языкам.

Ученый сыграл важную роль в разработке новых методов преподаавния и учебной практики, он успешно руководил научно-студенческими лингвистико-этнографическими кружками в вузах среднеазиатских республик, был одним из организаторов Объединенного государственного научно-исследовательского института Таджикской ССР (1930—1933 гг.).

М. С. Андреев принимал активное участие в постоянном пополнении фондов музеев нашей страны, с его именем тесно связано создание и открытие новых отделов в краеведческих музеях Средней Азии, содержащих богатые коллекции предметов материальной культуры и искусства народов Средней Азии.

Участие в работе Узбекского и Таджикского филиалов АН СССР, организация этнографических отделов в Узбекистане и Таджикистане, руководство многими экспедициями и активное участие в них — все это лишь неполный перечень содержания многогранной деятельности ученого и педагога М. С. Андреева.

М. С. Андреев прежде всего был ученым. При умелом использовании языковых данных и тончайшем знании народного быта и верований, он собрал огромное количество материалов. Его разностороннему таланту мы обязаны созданием многочисленных научных трудов в области археологии, лингвистики,[735] и в особенности этнографии народов Средней Азии.[736]

М. С. Андреева привлекала этнография еще в ученические годы. Н. Г. Маллицкий как-то заметил, что еще «мальчиком Михаил Степанович тратил каждую свободную минуту до большой перемены включительно на наблюдение над бытом» народов Средней Азии.[737] Сам писал, что он тогда начал «понемногу записывать язык и быт местных национальностей».[738] Последующая плодотворная научная деятельность М. С. Андреева выдвинула его в число ведущих востоковедов Средней Азии. В конце 20-х годов корифеи востоковедения В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский и Ф. И.

Щербатской писали об Андрееве: «один из тончайших, глубоких знатоков быта и вообще жизни нового Востока в Средней Азии и Индии».[739] М. С. Андреев, как считал С. П. Толстов, был выдающимся этнографом-таджиковедом.[740] А. А. Семенов отмечал, что «М. С. Андреев принадлежит к числу тех весьма немногих у нас этнографов, которые специализировались на изучении быта и отчасти языка» таджикского населения Средней Азии.[741]

М. С. Андреев внес большой вклад в изучение фольклора народов Средней Азии.[742] Он неоднократно повторял, что собирание и изучение произведений народного творчества важно и интересно:

1. Своими поэтическими образами, их выражением в слове произведения фольклора представляют, сами по себе, высокий художественный интерес. Они являются постоянным живым источником, из которого черпают нередко свой материал литература и музыка.

2. Они ценны как живое свидетельство народа о самом себе. В них отражается его быт, его семейные и общественные отношения, его домашняя обстановка, его верования, обряды и обычаи. В них можно проследить пережитки его прошлого, давно пережитые еврования и настроения.

3. Они представляют большую ценность и с научной точки зрения. К устному творчеству обращаются ученые в своих попытках объяснить происхождение поэзии вообще. Своеобразные стилистические приемы народной поэзии изучаются параллельно с художественными приемами литературных произведений и дают материал для науки о процессе и законах поэтического творчества.

Одним из самых распространенных, наиболее долговечных и очень ценных с научной точки зрения видов народной поэзии является сказка, считал М. С. Андреев. Собирание и изучение сказки дает возможность проследить вопросы заимствования и скрещивания отдельных мотивов (и сюжетов) у разных народов, устанавливая этим также следы их культурнго общения в отдаленном прошлом; сказка, менее связанная традиционной формой, каждый раз в процессе ее рассказывания позволяет наблюдать и фиксировать процесс народного творчества. Положение, занимаемое в настоящее время народной сказкой, подчеркивал М. С. Андреев, таково, что необходимо направить все усилия, чтобы поскорее зафиксировать ее

в соответствующих записях и тем самым сохранить ее для науки и потомства. В особенности это относится к тем странам, сказки которых еще не записаны или записаны недостаточно .Именно к таким странам и принадлежит Средняя Азия, частью которой является Таджикистан.[743]

М. С. Андреев по своим убеждениям и характеру научной деятельности был типичным представителем русской востоковедческой школы. После победы Великого Октября и установления Советской власти в крае, он по достоинству оценил преимущества нового общественного и государственного строя в ликвидации экономической и культурной отсталости ранее угнетавшихся народов. Весь свой талант ученого, организатора научных исследований, неутомимого путешественника, вдумчивого педагога он отдает на службу социалистическому строительству, формированию новой советской социалистической культуры народов Средней Азии. Это участие М. С. Андреева в культурных преобразованиях выразилось в его активной деятельности, направленной на изучение этнографии, лингвистики и археологии, на возвращение таджикскому и другим народам Средней Азии их богатейшего культурного наследства, принадлежащего им по историческому праву.

Естественно, что мировоззрение ученого не могло измениться сразу же после победы революции. Но постепенно в его трудах получает отражение общая линия развития советской этнографии — линия последовательного историзма, линия историко-материалистического объяснения явлений в их движении, развитии, борьбе и качественном преобразовании.[744]

В первых послереволюционных работах ученого не получила освещения современная ему жизнь народов Средней Азии. Однако научным исследованиям М. С. Андреева всегда были свойственны гуманистические тенденции. Чувством глубокого уважения к традициям и обычаям народов Средней Азии проникнуты все работы ученого. Собранные им материалы по сути дела опровергали лженаучные, расовые, реакционно-шовинистические или человеко-ненавистнические теории. М. С. Андреев в своих трудах, при тщательной проверке отдельных фактов, обычаев, восточных терминов и географических названий, умело использовав языковые данные, со свой-

ственной ему научной добросовестностью, с большой полнотой собрал и систематизировал огромный фактический материал по истории культуры народов Средней Азии.

В трудах ученого, очень точно охарактеризованных Н. А. Кисляковым, «отдельные стороны жизни и быта народа описаны столь полно и всесторонне, что к этому описанию вряд ли можно было бы что-либо еще прибавить».[745] Его труды по истории, лингвистике и этнографии народов Средней Азии давали в руки советских исследователей огромный научно обоснованный фактический материал и содействовали возвращению этим народам их богатейшего культурного наследия. В этом отношении работы ученого — полезный и неисчерпаемый фонд для советской востоковедческой науки.

Чем глубже и шире изучаем мы научное наследие М. С. Андреева, тем больше убеждаемся, что он не только призывал фиксировать для науки ушедший старый уклад жизни народов Средней Азии, но и на деле — сбором и публикацией многочисленных, порою уникальных материалов в данной области — доказал, что он сделал неизмеримо много для развития науки своего времени. М. С. Андреев принадлежал к числу тех ученых, которые продолжали лучшие традиции русской этнографической школы.[746]

Как отмечал В. И. Ленин, «исторические заслуги ценятся не по тому, чего **не дали** исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они **дали нового** сравнительно со своими предшественниками».[747] Действительно, труды М. С. Андреева представляют своеобразную энциклопедию прошлого народов Средней Азии. «В плодотворной деятельности дореволюционных востоковедов нельзя не видеть одного из объективно прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России, того, что передовые представители русской науки и культуры делали все, чтобы заложить прочную основу глубокого и всестороннего изучения многовековой истории народов Средней Азии».[748]

Вклад М. С. Андреева в изучение лингвистики, археологии, истории и особенно этнографии таджикского народа очень велик.

Характеризуя заслуги ученого в изучении таджикского языка,[749] хочется полностью согласиться с самоанали-

зом научной деятельности уже пожилого М. С. Андреева. «Прошло уже более полувека, — вспоминал он в 1944 г., — как я начал заниматься таджикским языком и продолжаю свои занятия, когда этому представляется возможность, вплоть до настоящего времени. За этот долгий срок я не мог не полюбить сердечно и таджикский народ, и понять наличность огромных и культурных богатств, которые заключаются в его языке и быте».[750]

Глубочайшую любовь к таджикскому народу М. С. Андреев пронес через всю свою жизнь. Он не жалел ни труда, ни времени для сбора и описания так быстро исчезающего быта и диалектов таджикского народа. «Таджики, древний, высококультурный народ, — писал М. С. Андреев, — широко раскинувшийся на пространстве Афганистана, Ирана, Таджикистана и Узбекистана, переживают сейчас великий исторический момент необычайно быстрого перехода от своего прежнего старого быта в современную эпоху мировых открытий и изобретений». Далее он говорил, что установление Советской власти открыло «перед ними единственно возможный путь к их дальнейшему процветанию и прогрессу».[751]

М. С. Андреев своими знаниями и организаторским талантом активно участвовал в строительстве нового, социалистического общества в Средней Азии. Прав был известный советский историк С. П. Толстов, который считал, что «Советский этнограф, к какой бы национальности он ни принадлежал, прежде всего активный участник культурной жизни и строительства того народа, изучению которого он себя посвятил. Он такой же гражданин Советской Родины, как и те, над наследством культуры которых он работает; они вместе строят одну и ту же социалистическую советскую культуру, в какие бы национальные формы она ни вылилась».[752] В этом отношении научное наследие М. С. Андреева всецело принадлежит не только советской науке в целом, но и таджикам, узбекам и другим народам Средней Азии.

М. С. Андреев был непревзойденным собирателем материалов и видел в этом одну из основных задач гуманитарных наук. Всю жизнь мне хотелось, да и теперь хочется, говорил он в 1944 г., «работать над скорейшим сбором материалов по старому быту Средней Азии, так как я видел и вижу в этом одну из самых основных задач гуманитарных наук в Средней Азии, вопрос чести совет-

ской науки. Так много важного для истории (в особенности для истории культуры) содержится в сохранившихся реликтах древнего быта и так быстро они исчезают в наше время».[753] «Нельзя терять положительно ни одной минуты, — подчеркивал он, — торопитесь захватить, зарегистрировать и сохранить для нашей и мировой науки те великие научные сокровища, которые таятся в реликтах отошедшего строя жизни и которые могут пролить еще много света на неписанные страницы истории культуры Средней Азии и истории вообще».[754]

Ведь на наших глазах в Средней Азии, сожалел М. С. Андреев, исчезает и в значительной степени уже исчез целый мир прежних многовековых воззрений, мир старого уклада жизни ее народов, многие стороны которого, почти не изменяясь, дошли до нас из глубокой старины и исчезли или исчезают в наши дни. Весь этот быт уходит или ушел в значительной степени незаписанным, неизученным и не представленным должным образом в наших музейных и научных хранилищах, что имело бы огромное значение для истории Средней Азии, в особенности для понимания истории ее культуры.

Неизученность быта народов Средней Азии поразительна. В имеющихся больших, широкого размаха работах по истории мировой культуры, по изменению общественных форм можно встретить примеры из каких угодно стран, но только не из Средней Азии. И вот, наблюдая это положение, я еще только сойдя со школьной скамьи, пришел к заключению, что в тех условиях, в которых я находился, было гораздо важнее записывать попадающиеся сведения и излагать по мере возможности точно фактическую сторону, чем тратить досуги от служебных занятий на обработку части того, что я мог записать, с привлечением объяснений и параллелей в имеющейся научной литературе. При пребывании в Ташкенте и в Средней Азии вообще, я, во-первых, в старое время не имел возможности получать все нужные мне издания, и подобные работы не могли быть выполнены удовлетворительно, а главное, сколько ценнейших новых сведений можно было записать за это время. Я пришел к заключению, писал М. С. Андреев, что важнее всего было изготовлено «кирпичей», как я мысленно называл различные отрывки с записанными фактическими сведениями, и считал, что «здания» из таких кирпичей с большим успехом

могли бы строиться потом другими работниками. Если я смог сохранить для науки в виде упоминаний в моих записях кое-что из того, что раньше не было известно и что иначе могло бы исчезнуть бесследно, то это как раз и есть то, к чему я стремился.[755]

«Если давать оценку результатам деятельности Михаила Степановича, исходя из поставленных им самим перед собой задач, — считает А. К. Писарчик, — то нельзя не признать, что он выполнил их весьма успешно — в его изданных трудах и в архивных материалах сохранился целый своеобразный мир народных знаний, народного искусства, обычаев и представлений, которые благодаря полувековому самоотверженному труду Михаила Степановича вошли в сокровищницу исторической науки».[756]

За долгие годы энергичной собирательской деятельности у М. С. Андреева накопился огромный материал, но издано было лишь очень немногое. Касаясь причин этого, М. С. Андреев в одной из докладных записок сообщал: «За прошедшие многие годы материал накопился огромный. Почему я не издавал его? Мне все казалось, что мной собрано недостаточно, что материал все еще не освещает удовлетворительно ту область, по которой он собирался, что нужно еще разрешить те или иные вопросы и тогда будет яснее... Мешал также и соблазн собирать интересный, бесследно исчезающий материал по другим темам, за что я брался, вместо того чтобы подготовить к печати написанное ранее».[757]

Причиной того, что М. С. Андреевым напечатано значительно меньше работ, что было приготовлено им к печати, является его исключительная требовательность к себе. Ведь он печатал только те работы, которые считал вполне законченными,—говорили о нем В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, И. Ю. Крачковский и Ф. И. Щербатской.[758]

Еще в 1902 г. в своем выступлении на заседании историко-филологического отделения АН К. Г. Залеман говорил, что М. С. Андреевым собрано огромное количество фактического материала по быту среднеазиатских народов, в издании которого автор все еще сомневается. «Наконец, мне удалось одолеть его скромность и убедить его, не останавливаясь перед надеждой на пополнение и усовершенствование собранных материалов, приступить к приготовлению их к печати».[759] Но М. С. Андреев и в

дальнейшем предпочитал публикациям сбор материалов. Обеспокоенные судьбою богатейших фактических материалов, сконцентрированных у М. С. Андреева, его товарищи и коллеги не раз обращались к нему с просьбой о скорейшем издании материала, который он собрал. Б. Г. Гафуров обратился к М. С. Андрееву в феврале 1946 г. от имени ученых-востоковедов и руководящих партийных и правительственных органов Таджикской ССР: «У всех нас одно желание, чтобы Вы выпустили в свет хотя бы часть того огромного материала, который собран Вами.

Считаю самым большим пробелом Вашей работы то, что ценнейший, имеющийся у Вас материал, Вы не оформляете и не публикуете... Возьмитесь же за это дело покрепче, Михаил Степанович! Пускайте в научный оборот хотя бы часть того богатого материала, которым Вы располагаете, иначе можно опоздать».[760]

Да! М. С. Андреев опоздал. Признавая это, он еще в 1930 г. писал: «...Все время при каждом удобном случае разъезжал по разным местам Средней Азии для изучения быта и языка и собрал огромный материал, который предполагал начать обрабатывать на старости лет после его возможно полного накопления. В этом заключалась моя большая ошибка. Нужно было издавать и обрабатывать все время, по мере накопления материала».[761] В 1944 г. М. С. Андреев с горечью сознавал: «Жить осталось мало и нужно скорее обрабатывать и подытоживать сделанное, собранное и требующее обработки, а его так много».[762]

Основная часть материалов, собранных ученым на протяжении более полувека — материалы по говорам, диалектам и главным образом по этнографии таджикского народа — сохранились в личном архиве ученого либо в виде работ, уже подготовленных к изданию, либо только частично обработанных, а в значительной части— в виде полевых записей, обработка, систематизация и опубликование которых, несомненно, явилось бы важным вкладом в изучение истории культуры народов Средней Азии вообще и таджикского народа, в особенности.

После смерти М. С. Андреева, благодаря неутомимой и кропотливой работе А. К. Писарчик, увидели свет несколько замечательных работ ученого — «К характеристике древних таджикских семейных отношений»

(1949), «Новые данные по установлению значения слова «Фергана» (1950), «О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии» (1951), «Таджики долины Хуф», вып. I (1953), «Старинные свитки — альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента» (1956), «Ягнобские тексты» (1957), «Таджики долины Хуф», вып. 2 (1958), «Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927—1928 гг.») (1970). Но это лишь часть из всего того, что осталось от ученого.

К сожалению, оставшиеся материалы очень разрозненны и часто совершенно не систематизированы.[763] Несомненно, что многие научные планы ученого остались неосуществленными. Сам М. С. Андреев в 1946 г., говоря о собранном им огромном материале, завещал его потомкам: «После моей смерти в огромных завалах, боюсь, нельзя будет разобраться, а также понять. Да еще и намеченной, начатой работы много — такой, что очень было бы важно для нашей науки, чтобы она была продолжена другими».[764]

Ныне подготовлена к печати рукопись М. С. Андреева «Арк Бухары», включающая материалы по бухарскому арку, дворцовому быту, некоторые исторические данные и др. Все это свидетельство того, что научное наследие ученого становится достоянием тех, во имя которых жил, трудился и творил М. С. Андреев.

За заслуги в развитии науки М. С. Андреев был избран членом-корреспондентом Географического общества в Бенгалии, членом Туркестанского кружка любителей археологии, ученым секретарем Научной комиссии по обследованию быта коренного населения Туркестана, членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при первом Московском государственном университете,[765] членом Правления общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, членом Высшего учебно-методического Совета при Наркомпросе Узбекской ССР по секции истории и т. д.[766]

Деятельность М. С. Андреева была высоко оценена партией и правительством. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», избран членом-корреспондентом АН СССР и действительным членом АН Узбекской ССР. Ему было присвоено звание профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской ССР и Таджикской ССР.[767]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. второе, Л., 1925, стр. 232.

[2] Б. Г. Гафуров. 50 лет советского востоковедения. — «Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 57.

[3] З. Ш. Раджабов. Развитие науки в Таджикской ССР (краткий очерк). М., 1964, стр. 8; он же. Наука Советского Таджикистана. Душанбе, 1968, стр. 5—6.

[4] З. Ш. Раджабов. Из истории общественно-политической мысли таджикского народа во второй половине XIX и начале XX вв., Душанбе, 1957, стр. 55; Он же. Аз таърихи афкори чамъияти-сиёсии халқи тоҷик дар нимаи дуйӯми асри XIX ва аввали асри XX. Душанбе, 1959, стр. 52—54.

[5] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 239, л. 36.

[6] В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в Туркестане. Отчет о деятельности Академии наук по физ.-матем. и истор.-филолог. отделениям за 1914 г. Отд. отт. Пг., 1915, стр. 17; см. также Н. М. Акрамов. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе, 1963, стр. 3.

[7] М. Е. Массон. Краткая историческая справка о среднеазиатских минаретах. «Мат-лы Узкомстариса», вып. 2—3, Ташкент, 1933, стр. 7—8; В. Н. Гартевельд. Среди сыпучих песков и отрубленных голов. Путевые очерки Туркестана (1913), М., 1914, стр. 131.

[8] Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.). М., 1965, стр. 18.

[9] Н. П. Соколов. О характере естественно-исторических исследований Средней Азии до Октябрьской революции, ч. I. М.—Ташкент, 1933 (1934), стр. 13.

[10] Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, стр. 66.

[11] Н. П. Соколов. О характере естественно-исторических исследований Средней Азии, стр. 26—28.

[12] А. Маджлисов. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX—начале XX века. Автореф. докт. дисс. Душанбе, 1968, стр. 5.

[13] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7, ч. I, М., 1954, стр. 559.

[14] См. Мих. Павлович. Задачи Всероссийской научной ассоциации востоковедения. — «Новый Восток», кн. I, 1922, стр. 3—4; В. В. Бартольд. Будущее Туркестана и следы его прошлого. — «Изв. Средазкомстарис», вып. I, Ташкент, 1926, стр. 66.

[15] С. А. Раджабов. Дружба навеки. (О прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России). М., 1960, стр. 21; Он же. В. И. Ленин и советская национальная государственность. Душанбе, 1970, стр. 32.

[16] З. Ш. Раджабов. Туркестан на страницах большевистских газет периода первой русской революции (1905—1907 гг.). Душанбе, 1970, стр. 8; Он же. Навеки вместе с великим русским народом. Душанбе, 1968.

[17] С. А. Раджабов. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии. Ташкент, 1955, стр. 62.

[18] И. С. Брагинский, С. Раджабов, В. А. Рамодин. К вопросу о значении присоединения Средней Азии к России, — «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 31—32.

[19] ЦГИА Уз.ССР, ф. 1009, оп. 1, д. 27. Письма В. В. Бартольда Н. П. Остроумову. — Личный фонд Н. П. Остроумова, папка 9, пакет 21, д. 218, от 23 сентября 1913 г.

[20] В. В. Бартольд. Восток и русская наука. — «Русская мысль», кн. 8, 1915, стр. 10; см. также Н. Я. Марр. Василий Владимирович Бартольд. — «Сообщ. ГАИМК», Л., 1931, № 1, стр. 12.

[21] К. А. Тимирязев. Наука и демократия, Л., 1926, стр. 40.

[22] Цит. по кн. Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX—начало XX вв., Ташкент, 1962, стр. 25.

[23] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложения, т. I, М., 1955, (изд. 3); «История Узбекской ССР», т. 1—4, Ташкент, «Фан», 1967—1968; История Туркменской ССР, т. 1—2, Ашхабад, 1957; «История Киргизии», т. 1—2, Фрунзе, 1956; «История таджикского народа», т. 1, М., 1963; т. 2, кн. 1—2, М., 1964; т. 3, кн. 1, М., 1964; кн. 2, М., 1965, и др.

[24] В. В. Струве. Советское востоковедение за сорок лет. — Уч. зап. Ин-та востоковедения, т. 25, М., 1960, стр. 3.

[25] Там же, стр. 28.

[26] Архив Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, лл. 18—19 (в дальнейших ссылках— Личный фонд М. С. Андреева).

[27] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 36, стр. 263; См. там же, т. 18, стр. 364; т. 36, стр. 159; т. 38, стр. 55 и др.

[28] См. Речь Председателя Центрального Исполнительного Комитета СССР М. И. Калинина (на торжественном заседании по случаю 200-летия АН) — «Ленинградская правда», № 204, 8 сентября 1925 г., стр. 4.

[29] Н. Акрамов. В. И. Ленин дар бораи ба сохтмони социалисти чалб намудани интеллигенцияи кухна. (В. И. Ленин о привлече-

нии старой интеллигенции в социалистическом строительстве). Душанбе, 1970.

[30] В. В. Струве. Советское востоковедение за сорок лет, стр. 3.

[31] З. Ш. Раджабов. Развитие науки в Таджикской ССР, стр. 8; см. он же. К вопросу об исторических корнях дружбы народов Средней Азии с великим русским народом. Сталинабад, 1954, стр. 27; он же. Навеки вместе с великим русским народом. Душанбе, 1968, стр. 37; См. также А. И. Имамов. Вступительное слово.—«Мат-лы II совещ. археологов и этнографов Средней Азии 29 октября — 4 ноября 1956 года». М.-Л., 1959, стр. 5.

[32] *Личный фонд* М. С. Андреева, д. 107, л. 8.

[33] Там же, л. 89.

[34] Письма А. А. Фреймана М. С. Андрееву от 14 марта 1925 г.— Личный фонд М. С. Андреева, д. 104.

[35] Письмо Б. Г. Гафурова М. С. Андрееву от 4 апреля 1944 г.— *Личный фонд* М. С. Андреева, д. 107, л. 97.

[36] См. «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.», Л., 1930, стр. 1—3; см. также С. Ф. Ольденбург. Востоковедение.—«Общественные науки», 1929, стр. 333—335.

[37] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев (1873—1948). —«Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. 120, 1960, стр. 18.

[38] Б. Г. Гафуров. Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС.—«Мат-лы I Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте», Ташкент, 1958, стр. 25; По данному вопросу представляют интерес также следующие работы: Н. А. Кисляков (Рецензия). М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи), вып. 1, АН Тадж. ССР, Ин-т истории, археологии и этнографии. Тр., т. 7, Мат-лы к изучению культуры и быта таджиков. Под ред. А. К. Писарчик, ответственный редактор действ. член АН Тадж. ССР А. А. Семенов. Сталинабад, 1953. —«Советская этнография», 1953, № 4, стр. 168; см. так же Л. Ф. Моногарова, М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Вып. 1...—«Вопросы истории», 1954, № 5, стр. 162—164; См. так же Н. А. Кисляков. Издания сектора этнографии Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР (1951—1956). — «Советская этнография», 1957, № 5, стр. 190—194.

[39] М. С. Андреев. Докладная записка. 1929 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 109, л. 55; см. там же, лл. 69—70; д. 54, л. не указан; д. 107, лл. 88—89; д. 110, лл. 31—36; д. 145, л. не указан; д. 167, л. не указан; Архив ИВ АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 25, лл. 1—11.

[40] *Личный фонд М. С. Андрева, д. 54, л. не указан.*

[41] Личный фонд М. С. Андрева, д. 102, л. 73.

[42] Там же, д. 110, л. 43.

[43] См. М. Горький. Что такое наука? — «Наука и ее работники», 1920, № 1, стр. 3—6.

[44] См Б. Е. Райков. Мои встречи с Горьким. — В кн. Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964, стр. 253;

К. А. Федин. Из кн. «Горький среди нас».— В кн. Горький и наука, стр. 266—267.

[45] В. А. Ульяновская. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917—1937 гг. М., 1966, стр. 85.

[46] В. Н. Антонишин. Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за создание советской народной интеллигенции. М., 1957, стр. 9.

[47] Личный фонд М. С. Андреева, д. 108, л. 12; см. там же, д. 153.

[48] Там же, д. 64, л. 20.

[49] В этом плане представляет интерес: «Отзыв С. Ф. Ольденбурга». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 169, л. 1; Архив АН СССР, ф. 138, оп. 1, д. 301, л. 5; А. Маджлисов. Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX—начале XX века. Душанбе—Алма-Ата, 1967; стр. 5; А. Саъдиев. XIX асрда Туркистонда тарих фани. Ташкент, 1960, стр. 78—79; Г. Ш. Шарбатов. Арабистика в СССР (1917—1959). М., 1959, стр. 17 и др.

[50] См. Советская историческая энциклопедия, т. 1, стр. 574; Большая советская энциклопедия, т. 51, стр. 17.

[51] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 3—29.

[52] А. Н. Кононов. Некоторые вопросы изучения истории отечественного востоковедения. М., 1960, стр. 21.

[53] См. Х. Ф. Акрамова. Жизнь и научная деятельность члена-корреспондента АН СССР Михаила Степановича Андреева. Автореф. канд. дисс., Душанбе, 1969.

[54] См. Х. Ф. Акрамова. М. С. Андреев как инспектор народных училищ. — «Сб. аспирантских работ кафедры истории СССР ТГУ им. В. И. Ленина». Душанбе, 1968; Она же. Из эпистолярного наследия М. С. Андреева.—«Сб. аспирантских работ ТГУ им. В. И. Ленина», № 7, Душанбе, 1969; Она же. М. С. Андреев как археолог. — Там же; Она же. Об этнографическом наследии М. С. Андреева. — Там же.

[55] А. В. Луначарский. Ленин и наука. — Ленинградская правда», 1925 г., 8 сентября, стр. 5.

[56] См. А. К. Писарчик. Описание научного архива М. С. Андреева.—В кн. «Памяти Михаила Степановича Андреева», стр. 23—29.

[57] Указанная в настоящей работе нумерация листов личного архива М. С. Андреева — это нумерация отдельно взятых документов (например: Автобиография 1944 г. и т. д.).

[58] См. «Матча. Экспедиция 1924 г.». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 16; «Экспедиция 1924 г.», — там же, д. 17; «Исторические памятники и предания», — там же, д. 16; Следует отметить, что в личном архиве ученого записей очень много и потому ограничимся упоминанием наиболее важных из них.

[59] См. М. С. Андреев. «Дневник 1925 г.». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 10; он же. «Дневник экспедиции 1925 г.»,—там же, д. 12; он же. «Экспедиция 1925 г.», — там же, д. 18.

[60] См. М. С. Андреев. «Проект научной экспедиции в Афганистан в 1921 г.». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 164.

[61] М. С. Андреев. «Поездка в Афганистан в 1926 г.». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 23; он же. «Отрывки по Афганистану», —там же, д. 164/50.

[62] См. М. С. Андреев. «Краткий предварительный отчет по экспедиции в Ягноб в 1927 г., посланной совместно Обществом по изучению Таджикистана и Средазкомстарисом под руководством М. С. Андреева». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 7«а»; он же, «Об экспедиции в Ягноб в 1927 г.», — там же, д. 7«б»; он же. «Экспедиция в Ягноб в 1927 г.». — там же, д. 7«в»; он же — «Об экспедиции 1927 г.». — там же, д. 20; «Отчетность по экспедиции в Ягноб в 1929 г.». — там же, д. 13; он же. «Краткий очерк по экспедиции в Ягноб». — там же д. 24; он же. «Ягноб. Этнографические записи 1927—1928 гг.». — там же д. 7«а», 242 лист; он же. «Полевой отчет по этнолого-лингвистической поездке в Ягноб через Шахрисябзский район, долину Шинка и среднее течение р. Зарафшана» (1934 г.).— там же, д. 24 и др.

[63] См. М. С. Андреев. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927—1928 гг.). Душанбе, 1970 г.

[64] М. С. Андреев. «Об экспедиции 1928 г.» — Личный фонд М. С. Андреева, д. 13.

[65] «Архив экспедиции 1929 г.» — Личный фонд М. С. Андреева, д. 36«а».

[66] М. С. Андреев. «Научная экспедиция в Горный Бадахшан 1943 г.». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 54; он же. «Об организации экспедиции 1943 г.». — там же, д. 102.

[67] М. С. Андреев. «Бухара и Хорезм. Отчет по научно-исследовательской экспедиции Музея искусств Уз.ССР с приложением некоторых материалов, собранных экспедицией». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 105; он же. «Отчет экспедиции 1936 г. о Бухаре». —там же, д. 14; он же. «Отчет экспедиции 1936 г. о Хорезме». — там же, д. 15; он же. «К отчету об экспедиции 1936 г.» — там же, д. 105; он же. «Записи по Бухаре и Хиве во время экспедиции 1936 г.». — там же, д. 88; он же. «Отчет об экспедиции 1936 г.». — там же, д. 108; он же. «Об экспедиции в Бухаре 1936 г.». — там же, д. 108/14; он же. «Об экспедиции в Хорезме в 1936 г.». — там же, д. 108/15 и др.

[68] М. С. Андреев. «Архитектурные памятники Маргелана. (Записи во время экспедиции 1937 года и фото). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 108/18; он же. «Об экспедиции в Нур-Ата в 1937 г.». — там же, д. 108/19; он же. «Об экспедиции в Маргелан в 1937 г.». — там же, д. 108/20; «Отчет по экспедиции 1937 г., ч. I, Нур-Ата». — там же, д. 19; «Отчет по экспедиции 1937 г., ч. II. Маргелан». — там же, д. 20; см. также. «Переписка с участниками экспедиции». — там же, д. 86 и др.

[69] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 25—26; см. также М. С. Андреев. Материалы по этнографии Ягноба.

[70] Личный фонд М. С. Андреева, д. 87.

[71] Там же, д. 88.

[72] Там же, д. 89.

[73] Там же, д. 90.

[74] Там же, д. 91.
[75] Там же, д. 92.
[76] Та мже, д. 93.
[77] Там же, д. 94.
[78] Там же, д. 95.
[79] Там же, д. 96.
[80] Там же, д. 97.
[81] Там же, д. 98.
[82] Там же, д. 99.
[83] Там же, д. 100.
[84] Личный фонд М. С. Андреева, д. 168.
[85] Там же, 4 стр.
[86] Там же, 3 стр.
[87] Там же, 3 стр.
[88] Там же, 15 стр.
[89] Там же, 5 стр.
[90] Там же, 18 стр.
[91] Там же, 5 стр.
[92] Там же, 14 стр.
[93] Там же, д. 13.
[94] Там же, д. 101.
[95] Там же, д. 102.
[96] Там же, д. 110, 118.
[97] Там же, д. 102.
[98] Там же, д. 102.
[99] Там же, д. 102, 107.
[100] Там же, д. 102, 118.
[101] Там же, д. 167, 155/40; см. также, д. 106, 112, 114.
[102] Личный фонд М. С. Андреева, д. 113.
[103] Там же, д. 123.
[104] Там же, д. 113.
[105] Там же, д. 128. 129.
[106] Там же, д. 131.
[107] Там же, д. 133.
[108] Там же, д. 136.
[109] Там же, д. 130.
[110] Там же, д. 128.
[111] Там же, д. 128.
[112] Там же, д. 128.
[113] Там же, д. 129.
[114] См. Х. Ф. Акрамова. Из эпистолярного наследия М. С. Андреева, стр. 15—42.

[115] См. академик И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. Изд. 4, М., 1965, стр. 60.

[116] Личный фонд М. С. Андреева, д. 13.

[117] Архив АН СССР, ф. 142, оп. 1, д. 61.

[118] Личный фонд М. С. Андреева, д. 104; 170; см. также: Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5.

[119] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1923, д. 4; там же, ф. 208, оп. 2, д. 13; Личный фонд М. С. Андреева, д. 104, 170.

[120] Личный фонд М. С. Андреева, д. 104, 117.

[121] Там ж, д. 13.

[122] Там же, д. 104.

[123] Там же.

[124] Там же, д. 13, 104.

[125] Там же, д. 117.

[126] Там же, д. 54, 107, 153.

[127] Личный фонд М. С. Андреева, д. 148, 153.

[128] Там же, д. 107.

[129] Там же.

[130] Там же.

[131] Письмо С. Ф. Ольденбургу. Архив АН СССР, ф. 208, оп. 2, д. 13, л. 24.

[132] См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 54, 64, 105, 107, 109, 110, 145 и др.

[133] М. С. Андреев. «Этнографическое изучение Узбекистана за истекшие двадцать пять лет». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 110, л. 43.

[134] Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, 11 стр. (машинопись).

[135] Личный фонд М. С. Андреева, д. 143.

[136] Там же, д. 107.

[137] Там же, д. 104.

[138] Там же, д. 145.

[139] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 24.

[140] Архив АН СССР, ф. 208, оп. 1, д. 369, 5 стр.

[141] Там же, ф. 68, оп. 1, д. 443, 18 стр.

[142] По данному поводу представляют большой интерес материалы, почерпнутые нами из фондов Ленинабадского областного исторического архива (г. Ленинабад).

[143] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 3—29; см. также Х. Ф. Акрамова. Симои фаромӯшнашаванда (Ба муносибати 95-солагии рӯзи таваллуди шарқшиноси машҳури советӣ М. С. Андреев). — «Маориф ва маданият», от 26 сентября 1968 г.

[144] А. К. Писарчик. Михаи Степанович Андреев, стр. 3 (примечание).

[145] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 104.

[146] См А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 3.

[147] Директором ее тогда был Н. П. Остроумов. — См. ЦГИА Уз.ССР, ф. 47, оп. 1, д. 295, лл. 57, 139—146.

[148] Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 1.

[149] ЦГИА Уз.ССР, ф. 50, оп. 1, д. 146, лл. 24, 29, 43, 46, 55, 61, 66, 77.

[150] См. ЦГИА Уз.ССР, ф. 47, оп. 1, д. 1728, л. 4. — «Полный послужной список чиновника для усиления личного состава главного управления Туркестанского края коллежского секретаря (М. С.) Андреева. Составлен 28 февраля 1914 года».

[151] Личный фонд М. С. Андреева, д. 168.

[152] ЦГИА Уз.ССР, ф. 47, оп. 1, д. 297, л. 80. Уместно отметить, что если из 22 поступающих 13 человек по арифметике получили неудовлетворительные отметки, то М. С. Андреев получил «четыре».

[153] В конкурсе, в годы поступления М. С. Андреева, участвовало 50 человек на 20 мест. — «Воспоминания. Записано со слов М. С. Андреева, А. К. Писарчик».—Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 1.

[154] Об учительской семинарии см.: ЦГИА Уз.ССР, ф. 47, оп. 1, д. 296, лл. 1—425.

[155] ЦГИА Уз.ССР, ф. 47, оп. 1, д. 296, л. 35; см. также, д. 399, лл. 157—160.

[156] ЦГИА Уз.ССР, ф. 47, оп. 1, д. 296, л. 36; см. также, д. 295, лл. 401, 402, 510.

[157] С. М. Граменицкий. 25-летие учебного дела в Туркестанкрае. Б. М., б. г., стр. 11.

[158] Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования (30 августа 1879 г. — 30 августа 1904 г.), сост. Н. П. Остроумов. Ташкент, 1904, стр. 66, 74.

[159] С. У. Умаров. Развитие науки в республиках Средней Азии и Казахстане, Душанбе, 1962, стр. 4.

[160] ЦГИА Уз.ССР, ф. 47, оп. 1, д. 295, лл. 361—362;; см. там же, д. 296, лл. 13—14.

[161] «Какие главные принципы должны быть положены в основу образования русских инородцев-мусульман?». Речь, произнесенная на годичном акте Туркестанской учительской семинарии 30 августа 1882 г. преподавателем семинарии М. А. Миропиевым (он же с 1888—1889 по 1895—1896 учебный год был директором семинарии — Х. А. и Н. А.). Приложение к кн.: «Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1 августа 1881 г. по 1 августа 1882 г.», прочитанная на годичном акте семинарии 30 августа 1882 г. Составлен секретарем педагогического совета Туркестанской учительской семинарии Н. Воскресенским. Ташкент, 1882. Вместе с тем не было недостатка в публичных и печатных выступлениях, камуфлирующих подлинные цели учреждения семинарии — см., например, — Н. (П.) Остроумов. К истории народного образования в Туркестанском крае. Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877—1881 гг.). Ташкент, 1889, стр. 124—130.

[162] См. там же, стр. 1, 11, 14, 23 и сл.; см. также К. П. Новицкий. Политика царского правительства в области народного обра-

зования в Средней Азии. — «Просвещение национальностей», 1934, № 6, стр. 11—30.

[163] Туркестанская учительская семинария и ее воспитанники. Ташкент, 1898, стр. 3; См. также. Личный фонд М. С. Андреева, д. 168; лл. 2—3; ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 295, лл. 401—510; д. 297, л. 20; д. 399, л. 158 и др.

[164] Н. (П.) Остроумов. Еще на тему о необходимости изучения местных языков русскими чиновниками в Средней Азии. — Туркестанский сборник», т. 478, Ташкент, 1908, стр. 44.

[165] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 7, ч. I, М., 1954, стр. 559.

[166] А. А. Семенов. Роль русского народа в развитии хозяйства и культуры народов Средней Азии до Великой Октябрьской социалистической революции. «Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», 1958, № 2 (17), стр. 3.

[167] См. Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Ташкент, 1958, стр. 72.

[168] Воспоминания. Записано со слов М. С. Андреева А. К. Писарчик, л. 1.

[169] Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 2.

[170] К. Е. Бендриков. Очерки по истории народного образова- в Туркестане (1865—1924 гг.). М., 1960, стр. 151—152.

[171] Отчет о Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования, стр. 128.

[172] О назначении В. П. Наливкина на указанную должность см. ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 4989.

[173] О нем см.: ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 399, л. 158.

[174] Вероятно: В. П. Наливкин. Русско-персидский словарь общеупотребительных слов по наречиям Туркестанского края. Казань, 1888.

[175] Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, лл. 2—3.

[176] Автобиография 1944 г., л. 1. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168.

[177] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 295, лл. 401—510.

[178] Там же, д. 297, л. 20.

[179] Ишан-Кули-Додхо, сын Беклярбеги, построил медресе около 1840 г. близ Шейхантаурского кладбища — см. В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, стр. 303, примеч. 16.

[180] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 16.

[181] Воспоминания. Записано со слов М. С. А. К. Писарчик. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 3.

[182] Автобиография 1944 г., лл. 1—2.

[183] Н. П. Остроумов. Мадрасы в Туркестанском крае. — Журн. Министерства народного просвещения, ч. 7, 1907, № 1, отд. 3, стр. 9.

[184] См. С. У. Умаров. Развитие науки в республиках Средней Азии и Казахстане, стр. 4.

[185] См. Р. Юсуфбеков. От сплошной неграмотности — к вершинам просвещения. — В сб. «Славное сорокалетие», Душанбе, 1964, стр. 157.

[186] Автобиография (1929 г.). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, лл. 1—2.

[187] Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, л. 1.

[188] См. ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 295, лл. 401—402, 510; там же, д. 296, л. 36.

[189] См. В. В. Бартольд. Карл Германович Залеман (1849—1918). — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВО), т. 24, 1917, вып. 1—4, стр. 253; А. Г. Периханян. Карл Германович Залеман. — «Очерки по истории русского востоковедения», сб. 4, М., 1959, стр. 82 (Приводятся данные о том, что М. С. Андреев был одним из учеников К. Г. Залемана).

[190] Извлечения из протоколов заседаний Академии. Историко-филологическое отделение. Изв. АН, 5 сер., 1902, т. 16, стр. 0X—0X1; См. также: Архив ИВАН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 11, л. 1.

[191] Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г., стр. 1—3.

[192] С. Ф. Ольденбург. Характеристика научной деятельности М. С. Андреева. Декабрь 1928 г. — Архив АН СССР, ф. 208, оп. 1, д. 369, лл. 1—5.

[193] Личный фонд М. С. Андреева, д. 110, л. 33.

[194] Там же д. 117, л. 153.

[195] М. С. Андреев. О таджикском языке настоящего времени.— В кн.: «Материалы по истории таджиков и Таджикистана». Сталинабад, 1945, стр. 57; Он же. О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах. — «Тр. ТФАН СССР», т. 29, Сталинабад, 1951, стр. 76, 85—86.

[196] А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка. — «Тр. Института языкознания АН СССР», т. 6, 1956, стр. 196.

[197] Об этом направлении работы М. С. Андреева.—См. В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг. История изучения бесписьменных иранских языков. — В кн.: Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962, стр. 121—122.

[198] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1732, л. 22.

[199] См. Воспоминания. Записано со слов М. С. А. К. Писарчик, лл. 4—6.

[200] Автобиография 1944 г., л. 3—4.

[201] Воспоминания. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 6.

[202] Местности в долине р. Ангрена, интересные в археологическом отношении. Окончивший в 1893 г. курс Туркестанской учительской семинарии М. Андреев. 1 июня 1893 г. Ташкент. — «Туркестанские ведомости», 1893, № 46; см. также — «Изв. Обществ., истории и этнографии при Казанском ун-те», т. 2, вып. 6, Казань, 1894.

[203] М. С. Андреев. Местности в долине р. Ангрена, интересные в археологическом отношении.

[204] См. В. В. Бартольд. Задачи русского востоковедения в

Туркестане. Отчет о деятельности Академии наук по физ.-матем. и ист.-филолог. отд. за 1914 г. Отд. отт. Пг, 1915, стр. 2; он же. Будущее Туркестана и следы его прошлого, стр. 68.

[205] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 89.

[206] Там же, д. 101, л. 55.

[207] Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, стр. 45.

[208] Там же, стр. 50; см. также, стр. 45—47 и сл.

[209] Там же, стр. 60.

[210] Б. Я. Ставиский. Археологическое исследование Таджикистана. (Библиографический обзор), — ВДИ, 1952, № 1, стр. 162; см. также. М. М. Дьяконов. Перспективы археологического изучения Таджикистана. — «Тр. ТФАН СССР», т. 29. «История, археология, этнография, язык и литература». Сталинабад. 1951, стр. 21.

[211] См. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 16.

[212] Там же, д. 75, л. 16; см. также — «Туркестанские ведомости», от 23 декабря 1901 г.

[213] См. Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 26/II-1896 г., ПТКЛА г. 1, Ташкент, 1896, стр. 15—16; см. также: О некоторых интересных в археологическом отношении местностях Кокандского, Ташкентского и Ходжентского уездов. (Реферат доклада; в статье:). Археологический кружок. — «Туркестанские ведомости», от 3 (15) марта 1896, г. 17.

[214] См. М. С. Андреев. О некоторых интересных в археологическом отношении местностях Кокандского, Ташкентского и Ходжентского уездов.

[215] «Туркестанские ведомости» от 3 (15) марта 1896 г.

[216] См. «Туркестанские ведомости» от 29 февраля (12 марта) 1896 г.

[217] См. Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 1/IV-1896 г. ПТКЛА, т. 1, Ташкент, 1896, стр. 19; Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 3/VI-1896 г. ПТКЛА, г. 1, Ташкент, 1896, стр. 27 и др.

[218] Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 1/IV-1896 г., ПТКЛА, г. 1, Ташкент, 1896, стр. 19.

[219] М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении, Отд. отт., стр. 13.

[220] Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 1/IV-1896 г., ПТКЛА, г. 1, Ташкент, 1896, стр. 27.

[221] М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана. *Былая разработка полезных ископаемых. Таджикско-памирская* экспедиция 1933 г. Мат-лы экспедиции, вып. 20, Л., 1934, стр. 93.

[222] См. Н. Г. Маллицкий. Рудник погибели (Пещера «Кан-и-Гут»), ПТКЛА, год 2, Ташкент, 1897, стр. 1—18. (Приложение от 11 декабря 1896 г.).

[223] «Туркестанские ведомости», от 15 (27) декабря 1896 г., № 95; см. также там же, от 11 декабря 1905 г.

[224] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. — Тр. АН Тадж. ССР, т. 35, Душанбе, 1955, стр. 11—12.

[225] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1732, л. 7.

[226] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 14.

[227] Автобиография 1944 г., л. 4.

[228] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 5.

[229] См. «Окраина», 1895, № 27 (под псевдонимом «М. А.»).

[230] Там же.

[231] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 17.

[232] М. С. Андреев. Исторические заметки о Ходженте. — «Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г.», вып. 4, Самарканд, 1896, отд. 4, стр. 22—27.

[233] М. С. Андреев. Местности Туркестана, интересные в археологическом отношении. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, г. 1, 1896, стр. 3—13; то же. — «Среднеазиатский вестник», май, 1896; о значении данной статьи см. В. В. Бартольд. Соч., т. 4, М., 1966, стр. 400.

[234] В. (В.) Бартольд. Текст первой надписи в Варухском ущелье. — ПТКЛА, г. 9, Ташкент, 1904, стр. 45—47.

[235] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 15; О дальнейшем исследовании Варухской надписи см. также Б. А. Литвинский. Северная надпись в Варухском ущелье (Опыт исторического исследования по данным нумизматики). — КСИИМК, вып. 61, М., 1956.

[236] См. М. С. Андреев. «О собранном мною в разное время (начиная с конца XIX ст. по 1942 г.) материале по языку и быту народов Средней Азии, до сих пор еще не изданном и большею частью не подготовленном к изданию». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, л. 1.

[237] Извлечения из протоколов заседаний Академии. Историко-филологическое отделение, стр. 11.

[238] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 6.

[239] Письмо В. В. Бартольда Н. П. Остроумову. — См. личный фонд М. С. Андреева, д. 169.

[240] Н. М. Акрамов. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд, стр. 13.

[241] Там же, стр. 35.

[242] В. В. Бартольд. Положение науки в Туркестанском крае. — «Окраина», 1894, № 52.

[243] Архив АН СССР, ф. 2, оп. 17, д. 122, л. 1.

[244] Там же, л. 2.

[245] См. В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан.— «Записки Восточного отделения Русского археологического общества» (ЗВО), т. 15, 1904, стр. 13; Изв. Импер. Академии наук, VI серия, 1916, стр. 1239 и др.

[246] См. личный фонд М. С. Андреева (разн. д.).

[247] Ш. М. Левин. Дмитрий Александрович Клеменц. Очерк революционной деятельности. Научно-популярная библиотека по истории революционного движения в очерках, воспоминаниях и биографиях, вып. 5, М., 1929, стр. 116—117.

[248] М. А. Дэвлет. Д. А. Клеменц как археолог. — «Советская археология», 1963, № 4, стр. 3—9.

[249] Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.—Petersburg im Jahre 1 98 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft, I, St.-Petersburg' 1899, стр. 1-53; см. также Н. Могилянский. Памяти Д. А. Клеменца. В кн. — «Материалы по этнографии России», т. 2, СПб., 1914, стр. III.

[250] См. Рукописный архив Института востоковедения АН СССР (ИВАН СССР, г. Ленинград), ф. 3, оп. 1, д. 12.

[251] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 6.

[252] В. А. Крачковская. Эпиграфика Средней Азии. — «Эпиграфика Востока». М.-Л., 1953, стр. 68; см. также Д. А. Клеменц. Предварительные сведения о результатах Турфанской экспедиции.— ЗВО, т. 12, 1899, (1900), стр. 6.

[253] Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук избранных 31 января 1929 г., стр. 3; см. также С. Ф. Ольденбург. Характеристика о научной деятельности М. С. Андреева. — Архив АН СССР, ф. 208, оп. 1, д. 369, л. 4.

[254] Автбиография 1944 г., л. 5.

[255] См. «Туркестанские ведомости», от 17 декабря 1898 г.

[256] В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях Туркестанского края. — Соч., т. 4, М., 1966, стр. 160.

[257] М. М. Вирский. Древние глиняные гробы (из последней раскопки в Самарканде). — ПТКЛА, год IV, 1899, стр. 154—162.

[258] См. В. В. Бартольд. К вопросу об оссуариях, стр. 161; «Записки Восточного отделения (Имп.) Русского археологического общества» (ЗВО), т. 13, 1901, стр. II—IV; он же. Еще об оссуариях. —ЗВО, т. 17, 1908, стр. 0176—0180.

[259] К. А. Иностранцев. Туркестанские оссуарии и астодани. —ЗВО, т. 17, 1907, стр. 0166, прим. 2; он же. К истории оссуариев. —ЗВО, т. 18, 1908, стр 064, 066; Н. П. Остроумов. Новые данные о глиняных погребальных урнах. — ПТКЛА, г. XI, 1907, стр. 32—44.

[260] М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк). Душанбе, 1957, стр. 3; см. также А. А. Семенов. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза М., 1903.

[261] См. «Туркестанские ведомости», 1899, № 93; Архив Ин-та востоковедения АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 23, лл. 1—6.

[262] Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. 1, Душанбе, 1966, стр. 15.

[263] «Туркестанские ведомости», 1899, № 78 (без подписи).

[264] Д. И. Эдельман. Глагольная система язгулемского языка. «Иранский сборник», М., 1963, стр. 95; Д. И. Эдельман. Язгулемский язык. М., 1966, стр. 5. См. также В. С. Соколова, А. Л. Грюнберг. История изучения бесписьменных иранских языков, стр. 122.

[265] М. С. Андреев. Язгулемский язык. Таблицы глаголов (1904 г.), Л., 1930.

[266] C. G. Saleman. Manichaeische Studien. I, СПб., 1908. стр, 167-168.

[267] R. Gauthiot. Notes sur le yazgoulami, dialecte iranien des sonfins du. Pamir,—JA, Onzième sèrie t. VII. Paris, 1916, N 2,, pp. 252, 255, 258 sq,

[268] М. С. Андреев. Автобиография, 1944 г., л. 6.

[269] Г. А. Арандаренко. Досуги в Туркестане, 1874—1889. СПб., 1889, стр. 452—453.

[270] Д. И. Эдельман. *Язгулемский язык*. М., 1966, стр. 4.

[271] М. С. Андреев. Старая киргизская элегия (Упоминание о протоке между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей). — «Туркестанские ведомости», 1902, № 1 (под псевдонимом «Алиф»).

[272] С. М. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов. — Сб. «Белек С. Е. Малову». Фрунзе, 1946, стр. 5—8.

[273] В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. Соч., т. 3. М., 1965, стр. 66.

[274] Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 11.

[275] См. «Туркестанские ведомости» от 17 ноября 1904 г.

[276] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 14.

[277] А. (А.) Половцев. Поездка в Варухское ущелье в 1904 г. Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии, ПТКЛА, г. IX, Ташкент. 1904, стр. 43—44; см. также Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 12 ноября 1904 г. ПТКЛА, г. IX, 1904, стр. 6—7.

[278] А. А. Половцев. Поездка в Варухское ущелье в 1904 г., стр. 44—45; см. также Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 14.

[279] Протокол № 1 заседания Туркестанского кружка любителей археологии от 28/III-1905 г. ПТКЛА, г. 10. Ташкент, 1905, стр. 3.

[280] См. В. В. Бартольд. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1903—1909 гг. — «Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии», № 10, СПб., 1910, стр. 28, где говорится о том, что Туркестанский кружок любителей археологии в 1905 г. не получил никаких субсидий от Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии.

[281] Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 15, прим. 1.

[282] См. Туркестанские ведомости», от 11 декабря 1905 г.

[283] «Туркестанские ведомости», 1905, № 32.

[284] См. Архив МИД СССР, Среднеазиатск. стол., оп. 485, д. 937, лл. 63—64, 66—67; д. 942, лл. 10—23, 38—39 и сл.; ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1733, л. 5.

[285] Так, например, в 1912 г. М. С. Андреев послал из Индии для музея антропологии и этнографии им. Петра Великого 296 предметов, приобретенных им на собственные сбережения на сумму 2000 руб.

См. Инвентарный список кллекций Ин-та антропологии и этнографии, оп. 2055 и др.

[286] См. Инвентарный список коллекций Ин-та антропологии и этнографии, тдел Индии, опись 1789, 2055, 2418, 3083 и др.

[287] См. М. К. Кудрявцев. Фрагмент дворца из г. Насик. — Сб. Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР (МАЭ), т. 14, Л., 1953, стр. 140—146; Т. В. Станюкевич, Музей антропологии и этнографии за 250 лет. — Сб. МАЭ, т. 22, М.-Л., 1964, стр. 112; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. Индия (Краткий путеводитель по экспозиции). М.-Л., 1964, стр. 3, 14; T, V. Stanyukovich, The Museum of anthropology and et hnography named after Peter the Great. Leningrad, 1970, p. 7-8 и др.

[288] См. М. С. Андреев (Дневник). Поездка из Индии в Туркестан сухим путем в 1907 г. — Архив Ин-та востоковедения АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 20, 1—114 стр.

[289] М. С. Андреев. (Дневник). Поездка из Индии в Туркестан, л. 3; см. также. Личный фонд М. С. Андреева, д. 127, л. 72.

[290] Борис Лапин. Повесть о стране Памир (От верховьев Пянджа к верховьям Инда). — В «Избранное». М., 1958, стр. 13.

[291] Автобиография 1945 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 1.

[292] Н. Н. Ершов и А. К. Писарчик. Сектор этнографии Академии наук Таджикской ССР. — «Советская этнография», 1952, стр. 202.

[293] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 14.

[294] Автобиография 1944 г., л. 8.

[295] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1733, л. 23.

[296] Там же, л. 25.

[297] Т. В. Станюкович. Музей антропологии и этнографии за 250 лет. — В кн.: 250 лет Музею антропологии и этнографии имени Петра Великого. М.-Л., 1964, стр. 80.

[298] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. 1, М., 1963, стр. 100.

[299] См. А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 7—8.

[300] Под псевдонимом «Афанасий Никитин». Археолгические находки. Глиняные гробы. — «Туркестанские ведомости», 1910, № 32.

[301] М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишкашим и Вахан. — Сб. «Музея по антропологии и этнографии при АН», т. 9, СПб., 1911, 41 стр., VI вкл. л. илл.; Критика некоторых положений данной работы см. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, Л., (1936), стр. 13.

[302] В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк. Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, стр. 467.

[303] М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии, стр. 1.

[304] См. С. А. Токарев. История русской этнографии. (Дооктябрьский период). М., 1966, стр. 386; см. также Т. Г. Абаева. Очер-

ки истории Бадахшана. Ташкент, 1964, стр. 26, 28, 30, 34, 43 и др.

[305] См. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «Институт истории материальной культуры. Ленинградское отд. Материалы и исследования по археологии СССР», М.-Л., 1952, № 26, стр. 278; А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. — «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. 53, 1957, стр. 18.

[306] См. «Живая старина», 1912, вып. 2—4, стр. 485—488.

[307] См. М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. — «Изв. Турк. отд. русск. географ. общ.», т. 17, Ташкент, 1924, стр. 121; Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 14; Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 5 (где говорится, что упоминаемая поездка была в 1915 г.).

[308] См. М. С. Андреев. Из поездки в 1916 г. в Нуратинские горы и прилегающую к ним часть Кызыл-Кумов.—«Восток», № 1 (5), январь, 1923, изд. Студкома Туркестанского восточного ин-та (стеклография), Ташкент, 1923, стр. 17—25; он же. Из результатов экспедиции в Кызыл-Кумы. О колодцах в Кызыл-Кумах и их постройке. — «Бюлл. Среднеаз. гос. ун-та», № 9, Ташкент, 1925, стр. 204—205; Личный фонд М. С. Андреева, д. 54, л. 1; там же, д. 114, л. 2 (где говорится, что эта поездка была в 1916 г.).

[309] См. «Восток», № 1 (5) январь 1923 г., изд. студкома Туркестанского восточного ин-та, Ташкент, 1923, стр. 17—25 (стеклография).

[310] См. «Бюлл. Среднеазиатского гос. ун-та», № 9, Ташкент, 1925, стр. 204—205; см. также. Личный фонд М. С. Андреева д. 167.

[311] См. ЦГИА УзССР ф. 47, оп. 1, д. 1733, л. 47.

[312] См. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 14; Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 2; А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 10; Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 5.

[313] См. «Резьба по дереву в долине Зарафшана», М., Изд-во АН СССР. Главная редакция восточной литературы, 1966, стр. 5; (Рецензия). М. Е. Массон. Еще о средневековых памятниках деревянной резной архитектуры из верховьев Зарафшана. — «Общественные науки в Узбекистане». Год изд. 11, АН УзССР, 1967, стр. 20—25.

[314] См. Б. А. Литвинский. Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой». — Изв. АН Тадж. ССР, Отд. общ. наук, вып. 6, 1954, стр. 53.

[315] См. М. С. Андреев. Деревянная колонна в Матче. — «Изв. Российской Академии истории материальной культуры», т. 4, Л., 1925, стр. 115—118; См. также М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в городах Самаркандской области. — В кн. «По Таджикистану», вып. 1, Ташкент, 1927, стр. 27—41.

[316] См. М. С. Андреев. Деревянная колонна в Матче.

[317] Н. М. Бачинский. Резное дерево в архитектуре Средней Азии. Государственное архитектурное издательство, 1947, стр. 11. Наиболее детально и строго научное издание оббурдонской колонны.

— См. В. А. Воронина. Резное дерево Зарафшанской долины. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 15, М.-Л., 1950, стр. 210—212.

318 А. Н. Бернштам. *Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая*, стр. 138.

319 Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л., 1939. стр. 116—120.

320 См. *Резьба по дереву в долине Зарафшана*, стр. 26—27, 64—65, 70, 72.

321 Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой, стр. 8.

322 *Личный фонд М. С. Андреева, д. 16; см. также М. С. Андреев.* Деревянная колонна в Матче, стр. 116.

323 А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 16.

324 См. М. С. Андреев. Прозвища жителей различных селений в Матче (верховья р. Зеравшана).— «ДАН СССР — В», 1924 октябрь—декабрь, стр. 173—176.

325 См. Х. Ф. Акрамова. М. С. Андреев как инспектор народных училищ, стр. 43—68.

326 Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Составил инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. Ташкент,, 1898, стр. 36.

327 Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 7.

328 Курсисты обучались разговорной русской речи, чтению и письму по-русски и исчислению. — См. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Составил инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий. Ташкент, 1898, стр. 48.

329 ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1. д. 408, л. 3; см. также д. 295, л. 344.

330 ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1728, лл. 1—4.

331 См. Х. Ш. Иноятов. Ответ фальсификаторам истории советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962, стр. 8—10.

332 Т. Таиров. Из истории народного образования в северных районах Таджикистана в дореволюционный период. — «Уч. зап. Душанбинского госпединститута им. Т. Г. Шевченко, кафедра истории КПСС и политэкономии», т. 32, Душанбе, 1964, стр. 177; см. также П. А. Васильев. Некоторые сведения о народном образовании в Ходженте и Ура-Тюбе в 1910—1917 гг. и в первые годы после Октября. — «Сообщ. ТФАН СССР», вып. 9, Сталинабад, 1948, стр. 28.

333 *Личный фонд М. С. Андреева. Воспоминания, л. 7.*

334 Т. Таиров. Из истории народного образования, стр. 177.

335 Личный фонд М. С. Андреева. Воспоминания, лл. 7—8.

336 См. ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1732, лл. 2, 5; см. также Личный фонд М. С. Андреева. Воспоминания, д. 168, лл. 8—9.

337 ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1733, л. 4.

338 М. Андреев. Руководство для первоначального обучения сартовскому языку в Ташкентском реальном училище, 1896.

[339] ЦГИА УзССР, ф. 47 оп. 1, д. 446, лл. 1—4.

[340] Н. С. Лыкошин. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг, 1916, стр. 36.

[341] Воспоминания. Записано со слов М. С. А. К. Писарчик, лл. 9—10.

[342] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1732, л. 22; там же, д. 1733, л. 5.

[343] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1732, л. 19.

[344] Всего поступило 28 прошений. — См. ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1243, лл. 5—34

[345] Там же, лл. 1—4.

[346] М. С. Андреев имел тесную научную и дружескую связь с профессором А. А. Семеновым. Они часто встречались, обменивались мнениями, снабжали рукописи друг друга дополнительными примечаниями и т. д. См. А. А. Семенов. К догматике памирского исмаилизма (XI глава «Лица Веры» Насыр-Хосрова). Ташкент, 1926, стр. 14.

[347] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1243, лл. 18—20.

[348] Там же, д. 1323, л. 8; также д. 1733, лл. 26—27.

[349] Там же, ф. 47, оп. 1, д. 1243, л. 82; см. также «Туркестанские ведомости», от 29 января 1914 г.

[350] См. Автобиография 1944 г., л. 8; см. также А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 9.

[351] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1364, л. 13; за 1913 г., см. д. 1088, стр. 124.

[352] См. С. Айни. Старый мактаб. Пер. Г. Птицына, М.-Л., 1937.

[353] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1088, л. 124; см. также, д. 1243, л. 95.

[354] Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней (1939). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 3.

[355] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 7387, лл. 1—2. Такие докладные записки или же рапорты посылались на имя главного инспектора училищ Туркестанского края ежегодно.—См. личный фонд М. С. Андреева, особенно д. 113.

[356] П. И. Сербов и А. Д. Никифоров. Народное просвещение в Узбекистане, стр. 59.

[357] Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней, л. 3; см. также Автобиография 1944 г., лл. 8—11.

[358] Автобиография 1944 г., лл. 9—10.

[359] Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, лл. 10—11.

[360] См. Автобиография 1944 г.; см. также А. К. Писарчик. Миахил Степанович Андреев, стр. 9.

[361] Личный фонд М. С. Андреева (Неоконченная докладная записка); см. также А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 9.

[362] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 129.

[363] И. Обидов. История развития народного образования в Таджикской ССР (1917—1967 гг.). Душанбе, 1968, стр. 13.

[364] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 7387, лл. 4—5; см. также ф. 18, оп. 1, д. 14351, л. 18 и др.

[365] См. ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 7569; ЦГА Тадж. ССР, ф. 18, оп. 1, д. 2761; ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 2, д. 306 и др.

[366] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 14351, лл. 13—15. Приходилось добиваться регулярной выплаты учителям жалованья — иногда оно задерживалось на несколько месяцев. — Н. Касымов. Прогрессивное значение образования русских поселков в Ходжентском уезде. Душанбе, 1968, стр. 130—131.

[367] Там же, ф. 47, оп. 1, д. 1550, л. 35; см. там же, д. 1458, л. 13.

[368] Там же, ф. 48, оп. 1, д. 1499, лл. 167—176.

[369] Там же, ф. 18, оп. 1, д. 8912, лл. 1—24.

[370] Там же, ф. 47, оп. 1, д. 1364, л. 2; см. также д. 1458, л. 2; д. 1550, л. 25.

[371] А. К. Писарчик. Миахил Степанович Андреев стр. 9.

[372] См. Автобиография 1944 г., л. 8.

[373] См. «Самарканд» от 27 апреля 1906 г.; «Русский Туркестан» от 24 мая 1906 г. и др.

[374] См. П. И. Сербов и А. Д. Никифоров. Народное просвещение в Узбекистане. Самарканд—Ташкент, 1927, см. также К. К. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. — «Учебное дело», СПб., 1910.

[375] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1088, л. 116.

[376] О вмешательстве местных властей в дела конфессиональных школ см.: Ф. Керенский. Медреса Туркестанского края. — «Журн. Министерства народного просвещения (ЖМНП)», ч. CCLXXXIV, 1892, ноябрь, отд. 4, стр. 25; В. П. Наливкин и др. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области, с некоторыми указаниями на историческое прошлое. — «Сб. мат-лов по мусульманству», т. 1, СПб., 1899, стр. 46; В. П. Наливкин. Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания. — «Ежегодник Ферганской области», т. 3, Скобелев, 1904, стр. 28, 47, 53 и сл.; Н. П. Остроумов. Мадрасы в Туркестанском крае. — ЖМНП, нов. сер., ч. 7, СПб., 1907, № 1, отд. 3, стр. 11, 29, 39 и сл.; Н. Бобровников. Русско-туземные училища, мактабы и медресе в Средней Азии. — ЖМНП, нов. сер., ч. XLX; ч. XLXV, 1913, отд. 3. Отд. отт., СПб., 1913, ср. 82, 86, 89 и сл. и др.

[377] См. Инструкция старшим мударрисам туземных мадраса Туркестанского края, от 14 марта 1894 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 113.

[378] О вмешательстве М. С. Андреева в дела конфессиональных мусульманских училищ уездов см. ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1391, лл. 1—223; там же, д. 1649, лл. 1—221; ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2761; ф. 1, оп. 2, д. 306, 323, и др.

[379] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1391, л. 186.

[380] З. Ш. Раджабов. Туркестан на страницах большевистских газет, стр. 155.

[381] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1391, лл. 5, 10, 37, 188 и сл.

[382] Е. Н. Павловский. О народном образовании в Таджикистане и прилегающих бластях в дореволюцинное время.—«Тр. ТФАН СССР», т. 21, 1945, стр. 97.

[383] К. Е. Бендриков. Народное просвещение в Туркестане в 1918—1920 гг. — «Светская педагогика», 1956, № 12, стр. 33.

[384] С. Раджабов. Из истории советской школы в Узбекистане... — «Уч. зап. Ташкентского гос. пед. ин-та им. Низами». Вып. 5, ч. 2, Ташкент, 1957, стр. 20; см. также П. И. Сербов и А. Д. Никифоров. Народное просвещение в Узбекистане, стр. 14.

[385] «Печать и революция», 1928, кн. 5, стр. 172.

[386] См. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Составил инспектор народных училищ Туркестанского края 1-го района С. Граменицкий, стр. 44.

[387] М. Ф. Душенко. Русско-туземные школы Туркестана. Ташкент, 1957, стр. 5.

[388] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 8916, л. 3.

[389] В. П. Наливкин. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913, стр. 106—107.

[390] З. Ш. Раджабов. Из истрии общественно-политической мысли таджикского народа, стр. 238; см. также, стр. 244—245, 309 и др.

[391] См. С. Айни. Воспоминания. М.-Л., 1960, стр. 246—252; Интересные материалы по истории школ нового типа в Бухарском ханстве — см. И. И. Умняков. К истории новометодной школы в Бухаре. — «Бюллетень Среднеазиатского ун-та», № 16. Ташкент, 1927.

[392] И. К. Нарзикулов. Расцвет экономики и культуры Таджикистана за 25 лет. — «Сб. мат-лов юбилейной сессии АН Тадж. ССР, посвященной 25-летию республики (1—5 октября 1954 г.). Тр. АН Тадж. ССР», т. 31, 1955, стр. 149.

[393] Фуркат. Избр. произв. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1951, стр. 18.

[394] М. Р. Шукуров. История культурной жизни Советского Таджикистана (1917—1941 гг.), ч. 1, Душанбе, 1970, стр. 21—27.

[395] Абай Кунанбаев. Избранное, 1945, стр. 286.

[396] З. Ш. Раджабов. Туркестан на страницах большевистских газет, стр. 156—166. Совершенно неправ В. П. Наливкин, в свое время пессимистически оценивавший результаты деятельности русско-туземных школ. — См. В. П. Наливкин. Туземцы раньше и теперь, стр. 110—111.

[397] Цит. по кн. К. Е. Бендриков. Очерки по истории народного образования, стр. 375, примеч. 1.

[398] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, стр. 313.

[399] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 309.

[400] См. ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 8916, л. 7.

[401] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 8916, л. 7.

[402] О хлопотах М. С. Андреева по поводу вновь открытых русско-туземных школ в Ходжентском уезде. — См. ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 8917, лл. 1—14; ф. 47, оп. 1, д. 1494, лл. 1—7; ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2132 и др.

[403] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1491, лл. 5—6; см. так же, там же, д. 1495, л. 7; ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 948.

[404] Г. А. Алиев. Успехи развития экономики и культуры Таджикской ССР М., 1957, стр. 23.

[405] См. ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 948.

[406] Там же, д. 2095.

[407] См. К. Е. Бендриков. Очерки по истории народного образования в Туркестане, стр. 247—282.

[408] Т. Н. Кары-Ниязов. Очерки истории культуры Советского Узбекистана, М., 1955, стр. 105—106.

[409] См. К. Е. Бендриков. Очерки по истории народного образования в Туркестане.

[410] И. Обидов. История развития народного образования, стр. 22.

[411] Джалал Икрами. Мой учитель, моя школа и я сам. Повесть М., 1970, стр. 30—31.

[412] См. Аз ёддоштҳои Яхёхӯча Орифов (Из воспоминаний участников восстания 1916 г.). — «Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», 1967, № 1 (47), стр. 74.

[413] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1364, л. 13; д. 1088, л. 124; д. 1243, л. 95 и др.

[414] Там же, ф. 47, оп. 1, д. 1550, лл. 24, 36; д. 1453, л. 13.

[415] См. ЦГА Тадж. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 2132, л. 21.

[416] Цитирую по кн.: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане, стр. стр. 95; см. также: Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 4.

[417] Автобиография 1944 г., л. 11.

[418] Личный фонд М. С. Андреева, д. 113, лл. 52—53.

[419] ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1733, л. 67.

[420] А. Кривенок. Первый высокогорный. — «Коммунист Таджикистана» от 21 ноября 1968 г.

[421] Об участии М. С. Андреева в организации Туркестанского восточного института. — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 128, 129.

[422] См. П. Б. Краткий исторический очерк деятельности 1-го Среднеазиатского университета за 5 лет (1918—1923 гг.). — Бюлл. САГУ, вып. 1—6, 1923—1924 гг., стр. 16; См. также Е. А. Дворкина. Основание университета в Туркестане (1918—1920 гг.). — Тр. САГУ им. В. И. Ленина, нов. сер., вып. 90, «Истор. науки», кн. 14 Изд-во САУ, Ташкент, 1957, стр. 7—35, и др.

[423] См. *История возникновения и начало деятельности* Туркестанского восточного института (1918—1919 гг.) (И. И. Умняков). Туркестанский восточный ин-т (1919—1922 гг.). — Сб. ТВИ, Изд-во Туркестанского Восточного ин-та, Ташкент, 1922, стр. 4—5 (стеклография).

[424] См. М. М. Вирский. Ближайшие меры для упорядочения русского влияния и распространения просвещения среди туземцев Туркестанского края. — «Туркестанские ведомости», 1900, № 11; С. Ф. Ольдебург. Французская школа Крайнего Востока в Сайгоне. — Журн. «Министерства народного просвещения, седьмое десятилетие», ч. 340, отд. 4, СПб., 1902, март, стр. 47—51; В. В. Бартольд. По поводу проекта С. Ф. Ольденбурга. — «Туркестанские ведомости», 1902, № 33; В. В. Бартольд. К вопросу об изучении местных языков. — Там же, 1906, № 63; И. Д. Ягелло. Восточный институт в Ташкенте. — Там же, 1906, № 143; В. В. Бартольд. К проекту Восточного института. — Там же, 1906 № 165; Н. С. Лыкошин. Знание туземных языков. — Там же, 1906, № 54, 56, 57; он же. О значении туземных наречий. — Журн. «Среднеазиатская жизнь», 1906, № 87 и т. д.

[425] А. Базиянц, Н. Кузнецова, Л. Кулагина. Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР (1918—1968). М., 1969, стр. 53—54.

[426] См. Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность, стр. 141.

[427] Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 12; см. также Архивные собрания ТашГУ, архив № 13, л. 11.

[428] Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана, стр. 141; он же. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии. — «Очерки по истории русского востоковедения», М., 1963, сб. № 6, стр. 328.

[429] П. Баранов. Среднеазиатский университет. Исторический очерк. — В кн.: «Среднеазиатский государственный университет к десятилетнему юбилею Октябрьской революции». Ташкент, 1927, стр. 27.

[430] Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, лл. 4—5; см. также. Автобиография 1944 г., л. 11.

[431] Б. В. Лунин. Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения, стр. 329.

[432] Личный фонд М. С. Андреева, д. 127, л. 100.

[433] См. Некоторые дополнительные сведения к автобиографии М. С. Андреева 1937 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 2.

[434] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 8.

[435] См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 129, л. 26.

[436] О нем см. В. В. Бартольд. Александр Александрович Семенов (Жизнеописание). — «Изв. РАН», сер. 6, Пг, 1918, № 14, стр. 1491—1492; З (Ш.) Рачабов. Олими намоёни советй (Ба муносибати 80-слагии рӯзи таваллуди профессор А. А. Семенов). — «Шарки-Сурх», 1953 № 9 стр. 107—112; Садриддин Айни — А. А. Семенову. — «Коммунист Таджикистана», 1953, 30 сент.; А. А. Семенов (К 80-летию со дня рождения). — «Коммунист Таджикистана», 1953, 30 сент.; «Точикистони Советй», 1953, 30 сент.; «Газетаи муаллимон», 1953, 30 сентябрь, Авт. Б. Н. Ниязмухамедов, А. М. Богоутдинов, М. Ф. Фазылов, Б. А. Литвинский и А. П. Колпаков; Б. В. Лунин. А. А. Семенов (Некролог). —

«Светская археология». 1959, № 2, стр. 299—300; А. А. Семенов (Некролог). — «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 240—242; Александр Александрович Семенов (1873—1958 гг.). (Некролог). — «Изв. АН Узб. ССР, сер. обществ. наук», 1959, № 1, стр. 83—84; А. А. Семенов (Некролог). — «Коммунист Таджикистана», 1958, 18 ноября; Александр Александрович Семенов (Некролог). — «Тоҷикистони Советӣ», 1958, 18 ноябрь; П. Ковалев. Памяти А. А. Семенова.—Газ. «Среднеазиатский университет», 15.XII-1958; Н. Акрамов. Олим ва шарқшинос. — «Шарқи Сурх», 1963, № 9, стр. 48—51; Х. Акрамова. Выдающийся советский востоковед (К 90-летию со дня рождения А. А. Семенова). — «Коммунист Таджикистана», 1963, 29 сентября; Н. Акрамов. Атоқли шарқшинос. (А. А. Семеновнинг туғулганига 90 йил тулиши муносибати билан). — «Совет Тожикистони», 1963, 29 сентября; он же. Из неопубликованных писем А. А. Семенова В. В. Бартольду. — «Уч. зап. кафедры истории СССР Душанбинского госпединститута им. Т. Г. Шевченко», т. 66, Душанбе, 1970, стр. 71—92; Б. А. Литвинский и Н. М. Акрамов. Александр Александрович Семенов. Научно-биографический очерк, М., 1971 и др.

[437] Письмо А. А. Семенова В. В. Бартольду от 4 февраля 1921 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 221, л. 104.

[438] Переписка непременного секретаря АН СССР С. Ф. Ольденбурга с частными лицами. Письмо М. С. Андреева С. Ф. Ольденбургу от 12 декабря 1922 г. — Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1923, д. 4, л. 21.

[439] А. К. Писарчик. *Михаил Степанович Андреев*, стр. 10.

[440] Личный фонд М. С. Андреева, д. 148, лл. 1—2.

[441] Автобиография 1944 г., л. 3; см. так же А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 10. Через несколько лет (в 1927 г.) в одном из заседаний научного кружка востфака САГУ М. С. Андреевым был прочитан доклад на тему: «О методах проведения летней практики». — См. Сборник научного кружка при Восточном факультете Ср. Аз. Гос. университета, вып. 1, Ташкент, 1928, стр. 94.

[442] А. Э. Шмидт. Туркестанский восточный институт за первые четыре года своего существования (1918—1922). — «Наука и просвещение», Ташкент, 1922, стр. 112.

[443] «Туркестанский Восточный институт (1918—1922)». Ташкент, 1922, стр. 82—83.

[444] См. П. Баранов. Среднеазиатский университет, стр. 14; см. также Присоединение Туркестанского Восточного института к Среднеазиатскому университету. — «Бюллетень Среднеазиатского государственного университета», вып. 7, Ташкент, 1924, стр. 46; А. Э. Шмидт. Востоковедение в Туркестане. — «Новый Восток», М., 1924, стр. 512—514.

[445] Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 100. Есть данные, что М. С. Андреев читал и курс «Истории Афганистана позднейшего времени».

[446] См. Автобиография 1945 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 5.

[447] См. Архив ТашГУ, д. 555 Востфак, 1925. Общая канцелярия

ТашГУ, д. 35. Годовой отчет о работе восточного факультета, лл. 14—15.

[448] Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, д. 10, л. 16.

[449] Личный фонд М. С. Андреева, д. 108, лл. 38—49; д. 131, л. 42.

[450] Личный фонд М. С. Андреева. д. 133, л. не указан.

[451] Материалы к автобиографии (1927 г.). — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 168.

[452] Последние годы своей жизни М. С. Андреев преподавал курс персидского языка на историко-филологическом факультете Таджикского государственного университета им. В. И. Ленина. — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 148.

[453] Личный фонд М. С. Андреева, д. 118, л. 6.

[454] Архив Института востоковедения АН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 25, л. 11.

[455] Личный фонд М. С. Андреева. д. 107, лл. 83—88.

[456] Там же, д. 118, л. 3.

[457] А. И. Лутченко. Советская интеллигенция. (Формирование кадров Советской интеллигенции, 1917—1961 гг.). М., 1962.

[458] В. И. Ленин. Пон. собр. соч., т. 38, стр. 167.

[459] В. Керженцев. Культура и Советская власть. М., 1919.

[460] «Архив по работе в НКИД». — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 103.

[461] Автобиография 1944 г., л. 13.

[462] М. С. Андреев. Вещие сны, несколько примет и детская игра «Сорока-ворона» среди некоторых народов, главным образом Средней Азии. Материалы по этнографии. — «Изв. Главн. Среднеаз. музея», вып. 2, Ташкент, 1923.

[463] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

[464] Б. И. Пак. Выполняя ленинское задание. — «История СССР», 1969, № 2, стр. 145.

[465] Там же, стр. 144—149.

[466] См. В. Н. Кун. Изучение этнического состава Туркестана. — «Новый Восток». М., 1924, стр. 355.

[467] М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. — «Изв. Турк. отд. русск. географ. обществ.», т. 17, Ташкент, 1924, стр. 122.

[468] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 218, л. 10.

[469] М. С. Андреев. Направление Герат—Кандагар как великий путь будщего. — «Военная мысль», Ташкент, 1922, стр. 61—67 (под псевдонимом «Афанасий Никитин»).

[470] М. С. Андреев. К материалам по старой персидской музыке. Названия тридцати музыкальных произведений знаменитого Барбуда придворного музыканта при Хосрове Первизе (начало VII в.).— «Наука и просвещение», Ташкент. 1922, № 2, стр. 22—24.

[471] Эта секция начала работу в 1923 г. и с самого начала М. С. Андреев принимал в ее работе активное участие. — см. М. А. Ахунова, Б. В. Лунин. История исторической науки в Уз-

бекистане. Краткий очерк. Ташкент, 1970, стр. 43; В 1927 г. М. С. Андреев выступал с докладами на секции дважды: 18 марта с докладом «Хуфский вариант сказки о царевне-лягушке»; 18 ноября — «Краткое предварительное сообщение о поездке в Ягноб летом 1927 года» (см. Бюллетень САГУ, вып. 17, Ташкент, 1928, стр. 191).

[472] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 11.

[473] См. Е. С. Шагалов. Первое научное общество Таджикистана (общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами). Душанбе 1966.

[474] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1343, оп. 1, д. 1, л. 11.

[475] Там же, л. 1.

[476] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 65.

[477] Там же, д. 2, лл. 1—2.

[478] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 1, лл. 1—8.

[479] Там же, д. 2, лл. 4—5.

[480] См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 13.

[481] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 2, л. 8.

[482] Письмо А. А. Семенова В. В. Бартольду от 27/I-1925 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 221, л. 133а.

[483] См. Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 4 февраля 1925 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5.

[484] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 3 марта 1925 г.— Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5; см. также Личный фонд М. С. Андреева, д. 170.

[485] Таджикистан. Сб. статей под редакцией Н. Л. Корженевского, Ташкент, 1925.

[486] Н. М. Акрамов. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд, стр. 90.

[487] М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. — В сб. Таджикистан. Ташкент, 1925, стр. 151—177, с приложением карты.

[488] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 14, л. 17.

[489] Там же, ф. 1, оп. 1, д. 22, л. 123.

[490] Там же, ф. 1434, оп. 1, д. 2, л. 25.

[491] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 2, л. 29.

[492] Там же, лл. 25, 29, 32, 47, 49 и др.

[493] М. Павлович — псевдоним Михаила Лазаревича Вельтмана (1871—1927), одного из первых марксистов-востоковедов в СССР. — См. «Горький и наука». Статьи, речи, письма, воспоминания», М., 1964, стр. 150—151.

[494] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 6, л. 32.

[495] Письмо М. С. Андреева А. А. Знаменскому от 3 августа 1925 г. — ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 12, л. 23.

[496] «Бурхан-уд-Дин-хан Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения» с 24 картами. Пер. с персидского

П. П. Введенского, Б. И. Долгополова и Е. В. Левкиевского, под ред., с предисл. и примеч. А. А. Семенова, Ташкент, 1926, 248 стр., (Об-во для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами).

[497] См. ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 2, л. 52.

[498] См. ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 2, лл. 53—56, 90—98; д. 10, л. 5; д. 18 л. 53 и др.

[499] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 12, л. 24.

[500] Там же, д. 5, л. 21.

[501] Там же, л. 21.

[502] Там же, д. 12, л. 24.

[503] Е. С. Шагалов. Первое научное Общество, стр. 24. Филиалы Общества были организованы также и в г. Бухаре и Самарканде. — См. ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, д. 1, л. 5.

[504] См. Сб. По Таджикистану, стр. 60—76.

[505] См. там же, стр. 77—83.

[506] М. С. Андреев. Чильтаны в среднеазиатских верованиях. — В сб. «В. В. Бартольду», Ташкент, 1927, стр. 334—348.

[507] М. С. Андреев. Вариант сказки о «Царевне-лягушке» из долины Хуф (Рушан, верховьях р. Пянджа).—«Докл. АН СССР—В», 1927, № 7, стр. 133—137.

[508] «Этнография», кн. 4, 1927, № 2, стр. 323—326; см. также М. С. Андреев «Рисаля» кузнечного цеха из Северной Индии на языке «пушту». — Сб. Туркестанского Восточного ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта», Ташкент, 1923, стр. 9—13.

[509] См. Памирская экспедиция 1928 г. — «Труды экспедиции», вып. !, Л., 1929, стр. 83.

[510] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1413, оп. 1, д. 2, лл. 103—106; см. также Личный фонд М. С. Андреева, д. 13, л. 3.

[511] Письмо М. С. Андреева А. А. Фрейману от 10 июня 1928 г. Личный фонд М. С. Андреева, д. 13, лл. 6—7.

[512] Письмо А. А. Фреймана М. С. Андрееву от 1 июля 1928 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 13, лл. 1—2.

[513] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 2, лл. 98, 105—106; см. также Личный фонд М. С. Андреева, д. 13, и др.

[514] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 27, л. 18; д. 30, л. 2.

[515] Там же, д. 27, л. 14.

[516] Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутриструктурного развития литературных иранских и иберийско-кавказских языков. М., 1969, стр. 71.

[517] Ю. Д. Дешериев. Введение. — В кн.: «Языки народов СССР», т. 1, Индоевропейские языки. М., 1966, стр. 17—18.

[518] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1,д. 27, лл. 36—37.

[519] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 27, лл. 23—24.

[520] См. М. С. Андреев. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (материалы). Сталинабад—Ташкент, 1930, 65 стр. Стеклография.

[521] М. С. Андреев. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров, стр. 2.

[522] С. Улуг-Заде. Утро нашей жизни. М., 1962, стр. 260—264; он же. Субҳи ҷавонии мо. Сталинабад, 1956, стр. 276—279.

[523] См. В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка. М.-Л., 1949, стр. 9; В. С. Расторгуева. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 1. Варзобский говор таджикского языка. М., 1952, стр. 12—13; она же. Изучение таджикского языка в СССР. — В кн.: «Очерки по истории изучения иранских языков». М., 1962, стр. 40—41; она же. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964, стр. 154—155 и др.

[524] М. С. Андреев. Автобиография, 1944, л. 14.

[525] М. С. Андреев. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров, стр. 5.

[526] См. также М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. — В сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 159—162.

[527] И. Е. Кузнецов. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий. — «Изв. Туркестанского отд. Русского геогр. об-ва», т. 10, вып. 2, ч. 1, Ташкент, 1915; здесь автор разделяет таджикское наречие на два говора.

[528] В. С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, стр. 154; см. также А. Мирзоев. Ҷамъбаст ва вазифаҳои навбатии мо дар соҳаи таъриҳ, археология, этнография, забон, луғатсози ва адабиёт.—«Тр. Тадж. ФАН СССР», т. 27, Сталинабад, 1951, стр. 213; Б. Н. Ниязмухамедов и А. С. Эдельман. Развитие таджикской филологии за 25 лет. — «Изв. ООН АН Тадж. ССР», вып. 6, 1954, стр. 12.

[529] Н. А. Мелех. Таджикские говоры и их распространение. — «Вест. Ленинградского ун-та», № 14, сер. истории языка и литературы, вып. 3, 1960, стр. 149—151.

[530] См. В. С. Расторгуева. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 1. Варзобский говор таджикского языка. М., 1952; вып. 2, Северные таджикские говоры полосы Шайдан—Ашт—Чуст—Кассансай. М., 1952; Вып. 3. Ленинабадско-канибадамская группа северных таджикских говоров. М., 1956; Вып. 4. Южноферганские говоры (Риштан, Сох) и говоры ура-тюбинской группы. М., 1961; Вып. 5. Таджикско-русский диалектный словарь. М., 1963; она же. Опыт классификации таджикских говоров. Брошюра в серии — «Доклады делегации СССР на XXV международном конгрессе востоковедов». М., 1960; Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. М., 1964, а также работы Ю. И. Богорад, Л. Бузургзода, О. Джалалова, И. И. Зарубина, С. Ю. Иванова, Н. А. Кислякова, А. А. Керимовой, Р. Л. Неменовой, Б. Н. Ниязмухамедова, А. З. Розенфельд, Л. В. Успенской, А. Л. Хромова и др.

[531] См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 131, лл. 42—43.

[532] Архив АН СССР, ф. 208, оп. 3, д. 12, лл. 16—17.

[533] Архив АН Таджикской ССР, ф. 1, оп. 1, св. 1, д. 1, л. 31.

[534] Е. С. Шагалов. Первое научное Общество Таджикистана, стр. 31.

[535] ЦГА Тадж. ССР, ф. 360, оп. 1, д. 46, л. 56.

[536] См. Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней, л. 8; Письмо М .С. Андреева И. И. Умнякову, от 6 января 1931 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 117; см. также Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 12.

[537] См. Проблемы Таджикистана. Тр. I конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР, т. 2, Л., 1934, стр. 153—154, где говорится о том, что исходя из недостатка количества квалифицированных научных работников и в дальнейшем во избежание дублирования работ постановлением СНК Тадж. ССР Научн-исследовательский институт был слит с Таджикской базой АН СССР.

[538] См. Е. С. Шагалов. Первый научно-исследовательский институт Таджикистана.—«Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», 1967, № 2 (48), стр. 63—72.

[539] См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 104, 107, 109, 168 и др.

[540] «Архив по Музею искусств». — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 105.

[541] Личный фонд М. С. Андреева, д. 104.

[542] Автобиография 1944 г., л. 17; см. также Личный фонд М. С. Андреева, д. 110.

[543] Т. Н. Кары-Ниязов. Путь развития социалистической науки в Узбекистане за 25 лет. — В кн.: «25 лет советской науки в Узбекистане», Ташкент, 1942, стр. 239.

[544] Личный фонд М. С. Андреева, д. 102, л. 64; см. «По организации отдела этнографии АН УзССР». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 114; см. также, д. 106, 112 и др.

[545] Автобиография 1944 г., л. 18.

[546] Н. А. Кузнецова, Л. М. Кулагина. Из истории советского востоковедения. 1917—1967. М., 1970, стр. 109, 110; см. также. А. Базиянц, Н. Кузнецова, Л. Кулагина. Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР, стр. 83.

[547] См. Наука в Таджикистане. — «Тр. ТФАН СССР», т. 21, 1945, стр. 7—8; Академияи Фанҳои РСС Тоҷикистон. — «Газетаи муаллимон», от 14 апреля 1951 г.; Г. А. Алиев. 25-летие Таджикской ССР. — «Докл. АН Тадж. ССР», 12, 1954, стр. 6; П. Н. Овчинников. Расцвет науки в Таджикистане. — «Тр. АН Тадж. ССР», т. 90, 1958, стр. 49—50, 53 и др.

[548] «Тадж филиал АН СССР». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 107.

[549] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 54.

[550] О научном значении археологического изучения территории УзССР см. М. С. Андреев. «К проекту музея истории, истории культуры и этнографии Узбекистана» (рукопись). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 104, лл. 107—108.

[551] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, лл. 19—24.

[552] М. М. Дьяконов. Перспективы археологического изучения Таджикистана.—«Тр. Тадж. ФАН СССР», т. 29, история, археология, этнография, язык и литература, Сталинабад, 1951, стр. 20.

[553] Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, л. 20.

[554] Там же, д. 101, лл. 52, 55, 58.

[555] Там же, д. 104, л. 107.

[556] См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, лл. 13—23.

[557] Личный фонд М. С. Андреева, д. 143, лл. 1—2.

[558] Личный фонд М. С. Андреева, д. 170; Историю археологического изучения и раскопки этих могильников — см. Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 9—70.

[559] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5, л. 7.

[560] Архив АН СССР, ф. 208, оп. 2, д. 13, л. 2. На самом деле эти крепости к тому времени были уже детально обследованы английским археологом А. Стейном — см. А. Д. Бабаев. Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана. (Ишкашимский район ГБАО). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата истор. наук, Душанбе, 1965.

[561] См. М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, стр. 3—4.

[562] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. 1, стр. 16—17.

[563] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 16; Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М., 1971 (Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, VI), стр. 98—99.

[564] А. Мирзоев. Ҷамъбаст ва вазифахои навбатии мо, стр. 207.

[565] М. С. Андреев. О таджикском языке настоящего времени. — В кн.: «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945.

[566] М. С. Андреев. О таджикском языке, стр. 69.

[567] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, лл. 19—24.

[568] См. А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 157.

[569] Личный фонд М. С. Андреева, д. 118, л. 6.

[570] Архив ИВАН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 25, лл. 8—9.

[571] Там же.

[572] З. (Ш.) Раджабов. К истории культурно-просветительных учреждений в Таджикистане (мат-лы). — «Изв. ООН АН Тадж. ССР», 1964, № 3 (38), стр. 28.

[573] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 18.

[574] Ю. Ф. Буряков. Основные отрасли научной работы Музея истории народов Узбекистана. — «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 4—5.

[575] Н. С. Садыкова. Этнографические коллекции Музея истории народов Узбекистана. (История комплектования и краткое описание). — «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 63; см. также Н. А. Кисляков. Этнографическое изучение Таджикистана. — «Тр. Тадж. ФАН СССР», т. 29, 1951, стр. 60.

[576] Б. Г. Гафуров. Глубже изучить богатое историческое прошлое таджикского народа. — «Тр. Тадж. ФАН СССР», т. 21, 1945, стр. 20.

[577] См. М. Цвибак. К постановке этнографической работы

Главного Среднеазиатскгоо музея. — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928, стр. 316—317; Т. В. Станюкович. — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого. М.-Л. 1964, стр. 80, 112; Т. К. Шафрановская. Чудес палата. Рассказы о вещах, хранящихся в музее антропологии и этнографии им. Петра I Академии наук СССР, Л., 1967, стр. 3; Личный фонд М. С. Андреева, д. 105, 107, 109, 145, 168 и др.

[578] См. М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. — «Изв. Турк. отд. русск. географ. обществ», т. 17, Ташкент, 1924, стр. 121—140; см. также «Военная мысль», 1921, август—декабрь, стр. 276—281.

[579] Б. И. Пак. Выполняя ленинское задание, стр. 147—148.

[580] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 24 мая 1922 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5.

[581] «Туркестанская правда», 22 сентября 1922 г.

[582] См. Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5, л. 7; там же, ф. 208, оп. 2, д. 13, л. 2; Личный фонд М. С. Андреева, д. 170, и др.

[583] Письмо М. С. Андреева С. Ф. Ольденбургу от 12/XII-1922 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 170; см. также Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1923, д. 4.

[584] Личный фонд М. С. Андреева, д. 137.

[585] См. Материалы к автобиографии 1927 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 2; см. также А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 11.

[586] Туркстанский Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусств и природы.

[587] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 22 сентября 1924 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5.

[588] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 14; см. также Личный фонд М. С. Андреева, д. 16, 17.

[589] См. М. Е. Массон. Еще о средневековых памятниках деревянной резной архитектуры из верховьев Зеравшана, стр. 23—25.

[590] См. М. С. Андреев. Деревянная колонна в Матче. — «Изв. Академии истории материальной культуры», т. 4, Л., 1925. стр. 115—118.

[591] См. М. С. Андреев. Краткие сведения об этнографической экспедиции, предпринятой летом 1924 г. к горным таджикам Матчи, Каратегина, Гиссарского края и Ягноба. — «Изв. Турк. отд. русск. географ. общ.», т. 17, Ташкент, 1924, стр. 217—218.

[592] Архив Музея истории народов Узбекистана, шкаф 3, пол. 2, коллекция № 12; см. также Материалы к автобиографии 1927 г., л. 1.

[593] Заслуги М. С. Андреева в деле сбора этнографической коллекции Музея истории народов Узбекистана — см. М. М. Цвибак. К постановке этнографической работы Главного среднеазиатского музея; М. З. Воронец. Музей истории народов Узбекистана (историческая справка). — «Тр. Музея истории народов Узбекистана». вып. I, Ташкент, 1951; Н. С. Содикова, Ю. Ф. Буряков. Тарихии ёдгорликлар хазинаси, Ташкент, 1963; Ю. Ф. Буряков. Основные отрасли научной работы музея истории народов Узбекистана.—

«Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, 1966, стр. 3—11; Н. С. Садыкова. Этнографические коллекции музея истории народов Узбекистана, стр. 62—70.

[594] Архив АН СССР, ф. 68. оп. 1, д. 443, лл. 64—65.

[595] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 22 сентября 1924 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5.

[596] Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (краткий очерк). — «Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. 26, Сталинабад, 1954, стр. 7.

[597] М. Е. Массон. О средневековых памятниках верховьев Зарафшана, стр. 24—25; см. также И. И. Умняков. Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Среднеазкомстариса в 1927 г. — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 274.

[598] Архив Республиканского музея истории культуры и искусства УзССР, г. Самарканд. Археологический фонд, № 101, л. 3.

[599] См. Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 22 сентября 1924 г. — Архив АН СССР, ф. 68. оп. 2, д. 5; см. также Личный фонд М. С. Андреева, д. 170.

[600] «Изв. Турк. отд. русск. географ. общ.», т. 17, Ташкент, 1924, стр. 217—218.

[601] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 12, л. 8; см. также М. С. Андреев. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. — В кн.: «По Таджикистану», вып. 1, стр. 20.

[602] См. М. С. Андреев. Дневник 1925 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 10; Незаконченная автобиография М. С. Андреева. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168; «Экспедиция 1925 г.». — Там же, д. 18 и др.

[603] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду, от 1 июля 1925 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5; см. также. Личный фонд М. С. Андреева, д. 170.

[604] Письмо М. С. Андреева А. В. Бартольду от 13.XII-1925 г. — Архив АН СССР, ф 68, оп 2, д. 5.

[605] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959, стр. 11, примеч. 5.

[606] М. С. Андреев. К материалу по среднеазиатской керамике. Запись экспедиции от Общества для изучения Таджикистана и Средазкомстариса работавшей в пределах Таджикистана летом 1925 года. Ташкент. 1926, 18 стр., 2 л., вкл. илл.

[607] А. А. Семенов. Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии. — «Изв. Средазкомстариса», вып. 3. Ташкент, 1928, стр. 21; см. также Н. С. Содикова, Ю. Ф. Буряков. Тарихий ёдгорликлар хазинаси, стр. 30.

[608] Письмо М. С. Андреева А. А. Знаменскому от 30 июня 1925 г. — ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 12, л. 18.

[609] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду т 5 июля 1925 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5. Последнюю ее, иллюстрацию см. Резьба по дереву в долине Зерафшана, стр. 66.

[610] М. С. Андреев. Краткий отчет по экспедиции в Таджикистане в 1925 г., стр. 10—12, рис. 5; он же. Деревянная колонна в Матче. — «Изв. РАИМК», т. 9, Л., 1925, стр. 115—118.

[611] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии, стр. 120.

[612] В. Л. Воронина. Резное дерево Зерафшанской долины. — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.-Л., 1950, № 15, стр. 210.

[613] ЦГА Тадж. ССР, ф. 1434, оп. 1, д. 12, лл. 20—21; см. также М. Р. Шукуров. История культурной жизни Советского Таджикистана, стр. 183—184.

[614] Б. А. Литвинский. Археологические изучения Таджикистана, стр. 8.

[615] В. Л. Воронина. Форма и детали деревянного ордера Средней Азии. — «Вопросы теории архитектурной композиции», М., 1958, № 2, стр. 97; см. также М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых М. С. Андреевым в городах Самаркандской области. — В кн.: М. С. Андреев. По Таджикистану, вып. 1, Ташкент, 1927; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М.-Л., 1940; В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. — «Новые исследования по истории архитектуры народов СССР», М., 1947; Б. А. Литвинский. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой; Резьба по дереву в долине Зеравшана и др.

[616] К. А. Богомолова. Следы древнего культа воды у таджиков. — «Материалы по истории, археологии и этнографии Таджикистан и Средней Азии», Сталинабад, 1952, стр. 115.

[617] М. С. Андреев. По Таджикистану, стр. 17 и сл.

[618] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 13 декабря 1925 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5.

[619] М. С. Андреев. Краткий отчет по экспедиции в Таджикистан в 1925 г., стр. 25—26.

[620] Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1, стр. 21.

[621] М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча (верховья Аму-Дарьи). Из мат-лов, собранных экспедицией Общ. для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летм 1925 г., Ташкент, 1926, стр. 17.

[622] См. Н. С. Содикова, Ю. Ф. Буряков. Тарихий ёдгорликлар хазинаси, стр. 32.

[623] См. М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928; см. он же. Зарисовки элементов орнамента памирских киргизов (многочисленные фотографии и рукописи по орнаменту). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 87.

[624] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 11.

[625] См. «Изв. Средазкомстарис», вып. 1, Ташкент, 1926. стр. 269.

[626] М. Цвибак. К постановке этнографической работы..., стр. 317; см. также А. М. Миронов. Организационная, научная и практическая деятельность «Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования. — «Изв. Средазкомстарис», вып. 1, Ташкент, 1926, стр. 29—30; А. А. Семенов. Некоторые особенности

материальной культуры прошлых эпох Средней Азии, стр. 21; А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 11 и др.

627 Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 432, *лл. 119—120.*

628 М. Асимов. Ученые страны гор. — «Дружба народов», 1967, № 10, стр. 186; см. такжеМ. Из глубины веков. Памятники XII—XIV столетий. Ценные археологические находки (от нашего спец. корр.). — «Правда Востока», 1925, № 175; Гафиз. Из глубины веков. Результаты научной экспедиции в Таджикистан. — «Правда Востока», 1926, № 65; Обурданская колонна в Ташкенте. — «Правда Востока», 1927, № 241; К. Ушаров. Колонна из вечного дерева. — «Семь дней», 1927, № 44; B. Denike' Quelques monuments de bois sculpté au Turkestan occidental. Ars islamica, Vol. II, part I. 1935. pp. 69-83 и др.

629 Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, Журн. поступлений, колл. 3083. Публикация этих (и других) кукол и игрушек — см. Е. М. Пещерева. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924—1935 гг.). — Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVII. М.-Л., 1957.

630 М. С. Андреев. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 г. — В кн.: «По Таджикистану», *вып. 1, Ташкент, 1927. стр. 5—26.*

631 М. С. Андреев. Ук. соч., стр. 21.

632 Там же, стр. 23—24.

633 М (С.) Андреев. Орнамент горных таджиков и киргиз Памира.

634 Там же, стр. 18.

635 Там же.

636 См. слова А. Н. Бернштама о том, что работа М. С. Андреева открывает «новую стадию в исследовании киргизского искусства». — См. А. Н. Бернштам. Киргизский национальный узор. — В кн.: Киргизский национальный узор. Ленинград—Фрунзе, 1948, стр. 6; также К. И. Антипина. Особенности материальный культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962, стр. 5. О месте этой работы М. С. Андреева в изучении таджикского декоративного искусства — см. Н. А. Белинская. Декоративное искусство горного Таджикистана. Душанбе, 1965, стр. 10.

637 «Поездка в Афганистан в 1926 г.». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 23.

638 *М. С. Андреев. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир* (материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.), Ташкент, 1927, стр. 5.

639 Там же, стр. 6.

640 Архив АН СССР, ф. 208, оп. 1, д. 369, л. 3.

641 «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.», стр. 2.

642 И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 21, 40—41, 80 и сл., см. также Аф-

гоншиносии шурави да рарсаи чихил сол (мачмуа) Академияи Иттиходи Чумхури Шурави. Институти Шаркшиноси. М., 1959, стр. VI (на арабском шрифте); В. А. Лившиц и Н. М. Оранский. Изучение афганского языка (пашто) в отечественной науке. — Сб. «Очерки по истории изучения иранских языков». М., 1962, стр. 75, прим. 31; Очерки истории исторической науки в СССР. Под ред. М. В. Нечкиной (главный редактор) Г. Д. Алексеевой, М. А. Алпатова и др., т. 4, М., 1966, стр. 765; Л. Н. Дорофеева. Язык фарси-кабули. М., 1960, стр. 10 и др.

[643] Архив МАЭ. Журн. поступлений, колл. 3458; см. также Т. В. Станюкович. Музей антропологии и этнографии за 250 лет, стр. 112; Т. К. Шафрановская. Чудес палата. Рассказы о вещах, стр. 3 и др.

[644] Письмо М. С. Андреева В. В. Бартольду от 14 февраля 1927 г. — Архив АН СССР, ф. 68, оп. 2, д. 5.

[645] М. С. Андреев. Полевой отчет по этнолого-лингвистической поездке в Ягноб через Шахрисябзский район и среднее течение р. Зарафшана (1934 г. — рукопись). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 24.

[646] М. С. Андреев. Краткий предварительный отчет по экспедиции в Ягноб в 1927 г., посланной совместно с Обществом по изучению Таджикистана и Средазкомстарисом под руководством М. С. Андреева. — Личный фонд М. С. Андреева д. 7«а», лл. 1—8, см. также, д. 7«б», 7«в», 20, 26 и др.

[647] См. Экспедиция в Ягноб 1927 г. под руководством М. С. Андреева. — «Бюлл. Средаз. гос. ун-та», № 17, Ташкент, 1928, стр. 163.

[648] См. М. Цвибак. К постановке этнографической работы, стр. 317.

[649] См. Архив Музея истории народов Узбекистана шкаф 3, пол. 2, папка 10.

[650] М. С. Андреев, Е. М. Пещерева. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, АН СССР и АН Таджикской ССР, изд. АН СССР, М.-Л., 1957, 391 стр.

[651] М. С. Андреев. О собранном мною в разное время (начиная с конца XIX ст. по 1942 г.) материале по языку и быту народов Средней Азии, до сих пор еще неизданном и большею частью неподготовленном к изданию. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, л. 4.

[652] М. С. Андреев. Краткий предварительный отчет по экспедиции в Ягноб в 1927 г., лл. 3—5; М. С. Андреев. Экспедиция в Ягноб в 1927 г. под руководством М. С. Андреева (краткий отчет).—«Бюллетень Среднеазиатского Гос. университета», № 17, Ташкент, 1928, стр. 164—166. О трех говорах — См. М. С. Андреев. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927—1928 гг.). Душанбе, 1970, стр. 31—34.

[653] В. А. Лившиц, А. К. Писарчик. Предисловие редакторов. — В кн.: М. С. Андреев и Е. М. Пещерева. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. М.-Л., 1957, стр. 8—9; М. Н. Боголюбов. Ягнобский язык. В кн.: Языки народов СССР,

т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966, стр. 359; А. Л. Хромов. Историко-лингвистическое исследование Ягноба и Верхнего Зеравшан. Автореферат докторской дисс. Душанбе 1970, стр. 24—25.

[654] Письмо А. А. Фреймана М. С. Андрееву, от 10 марта 1928 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 13, л. не указан.

[655] М. С. Андреев и Е. М. Пещерева. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словая, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик. Ред. В. А. Лившиц и А. К. Писарчик. М.-Л., 1957, стр. 391.

[656] А. Л. Хромов. Историко-лингвистическое исследование..., стр. 7—8.

[657] E, Benveniste, M. S. Andreev, E. M. Pescereva. Yagnobskie Tekstyi. Izdatel'stvo Akademi Nauk SSSR, Moskva-Leningrad, 1957, In-8° 139 pages. Bulletin de la Société de Linguistique de Paris, t. 54 (1959), fasc. 2, стр. 79-81.

[658] Рохномои китоби нашрияи анҷуман. Китоби шумораи аввал соли аввал. Техрон, бахори 1335, стр. 77—79.

[659] М. Н. Боголюбов. Иранское языкознание в Ленинграде (1917—1957). — «Уч. зап. ин-та востоковедения», т. 25, М., 1960, стр. 311.

[660] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 17—18; см. также Р. Х. Додыхудоев. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка. Душанбе, 1962, стр. 9.

[661] М. С. Андреев. Экспедиция в Ягноб, стр. 162—171.

[662] М. С. Андреев. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927—1928 гг.). Подготовила к печати А. К. Писарчик. Ред. А. К. Писарчик, Душанбе, 1970, 192 стр. + 30 рис.

[663] М. С. Андреев. Материалы по этнографии Ягноба..., стр. 91, 176.

[664] М. С. Андреев. Поездки летом 1928 года в Касанский район (север Ферганы). — «Изв. Общ. для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. 1, Ташкент, 1928, стр. 109—128, 2 л., вкл. илл.

[665] С. М. Абрамзон. «Тул» как пережиток анимизма у киргизов, стр. 7—8.

[666] Архив экспедиции 1929 г. — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 36«а»; см. также Памирская экспедиция 1928 г. Тр. экспедиции, вып. 1, Л., 1930 г., стр. 83.

[667] Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 74.

[668] Автобиография 1944 г., лл. 6—7. См. также предисловие М. С. Андреева. — М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 1. Под ред. А. К. Писарчик и А. А. Семенова, Сталинабад, 1953, (Тр. АН Тадж. ССР т. 7), стр. 7 (молодого хуфца звали Гулям-ша).

[669] М. С. Андреев. О собранном мною в разное время материале, л. 2.

[670] Письмо М. С. Андреева С. Ф. Ольденбургу, от 19 марта 1927 г. и от 29 июня 1929 г. — Архив АН СССР, ф. 208, оп. 2, д. 13.

[671] «Отчет о деятельности Государственного русского географического общества в 1929 году». Л., 1930, стр. 23.

[672] См. Архив Музея археологии и этнографии им. М. С. Андреева при Институте истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР. Журн. поступлений, колл. № 93.

[673] Архив Музея истории народов Узбекистана, шкаф 3, пол. 2, кол. № 10.

[674] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 1—2.

[675] М. С. Андреев. Полевой отчет по этнолого-лингвистической поездке в Ягноб (1934 г.). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 24.

[676] М. С. Андреев. Полевой отчет по этнолого-лингвистической поездке в Ягноб (1934 г.). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 24.

[677] Архив по Музею искусств. — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 105; см. также. Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 12. Об истории этого музея — см. Музей искусств Узбекистана (путеводитель). Ташкент, 1965 (составители Н. К. Азизова и др.), стр. 31—32.

[678] Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней, стр. 10—11.

[679] По данному поводу — см. также М. С. Андреев. Ташкентские памятники и архитектурный орнамент (рукопись). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 89; он же. Материалы по постройке ташкентских зданий. — Там же, д. 90.

[680] См. также М. С. Андреев. Цехи, ремесла, народные мастера. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 91; он же. Первичные записи по резьбе по ганчу, биографии мастеров, терминологический материал. — Там же, д. 92.

[681] См. также М. С. Андреев. Записи от усто Малика и небольшая сводка. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 92.

[682] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 13; см. также Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней, лл. 10—12; Автобиография 1944 г., лл. 16—17; Некоторые дополнительные сведения к автобиографии, 1937, лл. 2—3 и др.

[683] Личный фонд М. С. Андреева, д. 105, л. 29; см. также, лл. 1—205 и сл.

[684] Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней, л. 12.

[685] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 13; см. также М. С. Андреев. Старинные свитки — альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента. — «Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР», вып. 10—11, Сталинабад, 1956, стр. 121—136; он же. Орнамент Средней Азии (рукопись). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 87; он же. Записи по Бухаре и Хиве во время экспедиции 1936 (дневник). — Там же, д. 88; он же. Резьба по ганчу. Ташкент, Бухара, Маргелан (рукопись). — Там же, д. 92; он же. Бухарские потолки, жилой дом (рукопись). — Там же, д. 95; он же. Перечень и краткая опись хивинских памятников (рукопись). — Там же, д. 96; он же. Путеводитель по Хиве (рукопись). — Там же, д. 97 и др. (Результаты экспедиции 1936 г. нашли отражение в статье А. К. Писарчик. Жилой городской дом Бухары и Хивы. — «Архитектура СССР», 1937, № 1).

[686] См. Архив Государственного музея искусств УзССР, оп. 1 (дневник).

[687] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 13; см. также М. С. Андреев. Архитектурные памятники Маргелана (рукопись). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 98; он же. Шелкоткацкое производство в артелях Маргелана (рукопись). — Там же, д. 99 и др.

[688] См. М. С. Андреев. Газганский мрамор (рукопись). — Личный фонд М. С. Андреева, д. 100.

[689] См. М. С. Андреев. Записи во время экспедиции 1937 г. и фото. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 98 и др.

[690] Архив Государственного музея искусств УзССР, оп. 1.

[691] М. С. Андреев. Автобиография 1944 г., л. 16.

[692] М. С. Юсупов. 50 лет Самаркандского музея. 1896—1946 гг. Самарканд, 1948, стр. 29.

[693] См. М. С. Андреев. Краткий отчет о научной работе в 1940 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 102; он же. День бухарского эмира. — Там же, см. также д. 145 и др.

[694] Л. И. Рempель. Из истории градостроительства на Востоке (материлы по планировке старой Бухары). — Сб. «Искусство зодчих Узбекистана», Ташкент, 1962; Л. И. Рempель. Архитектура старого Джуйбара. — Сб. Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960. Материалы экспедиции 1940 г. нашли отражение и в книге — Л. И. Рempель. Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения, Ташкент, 1961.

[695] М. С. Андреевым написана работа (ныне подготовлена к печати) «Арк — кремль Бухары»; Она высоко оценена известным таджикским писателем Ҷалол Икроми. — См. Ҷалол Икроми. Читавр коғаз сиёх кардам. Сухбат бо рафиқони ҷавонам. — «Садои Шарк», 1967, № 1, стр. 124; М. С. Юсуповым составлены отчеты по темам «Администрация», «Войско», «Суд и судопроизводство», «Финансы»: Н. В. Русиновой по теме «Ремесло г. Бухары» (Записи бесед с мастерами); Л. И. Рempелем написана «Историческая топография Бухары», к которой вычерчено несколько планов. — См. Личный фонд М. С. Андреева. д. 86, 145, 168 и др.; См. также О. А. Сухарева. К истории городов Бухарского ханства. — В кн.: «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии (29 октября—4 ноября 1956 года)». М.-Л., 1959, стр. 73; она же. Бухара XIX — начала XX вв. (Позднe-феодальный город и его население). М., 1966, стр. 19, примеч. 59.

[696] Об организации экспедиции 1943 года. — См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 54.

[697] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 14.

[698] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 72.

[699] Там же, д. 106, л. 29.

[700] Там же.

[701] Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, лл. 1—2; см. там же, д. 64, лл. 1—2; см. там же, д. 54, 102, 168 и др.

[702] См. Архив АН СССР, ф. 138, оп. 1, д. 301; см. там же, ф. 208, оп. 1, д. 369, там же, оп. 2, д. 13; оп. 3, д. 10; Личный фонд М. С. Андреева, д. 54, 102 и др.

[703] См. М. С. Андреев. Таджики верховьев Оксуса (Аму-Дарья). Мат-лы по изучению истории, культуры, быта и языков древних таджиков. Долина Хуф. Быт и язык ч. 1, вып. 1. — «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение литературы и языка АН СССР», М.-Л., 1947, стр. 42—48; он же. Таджики долины Хуф, вып. 1, 2 и др.

[704] Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. 2, Душанбе, 1963, стр. 238.

[705] Е. Н. Павловский. Пути развития науки в Таджикистане. — «Тр. Таджикского ФАН СССР», т. 21, Сталинабад, 1945, стр. 32.

[706] Личный фонд М. С. Андреева, д. 54.

[707] М. С. Андреев. Таджики верховьев Оксуса (Аму-Дарья), стр. 42.

[708] А. К. Писарчик. Этнографическая работа в Таджикистане, стр. 63—64.

[709] См. М. С. Андреев. Отчет за первую половину 1942 г. — Личный фонд М. С. Андреева, д. 118; он же. Краткий отчет о научных работах в 1943 г. — Там же, д. 102; он же. Научная экспедиция в горный Бадахшан в 1943 г. — Там же, д. 54; он же. Автобиография 1944 г. — Там же, д. 168, см. также д. 110 и др. Записанные А. К. Писарчик в сел. Барушан во время экспедиции рушанские тексты были ею опубликованы — см. А. К. Писарчик. Рушанские тексты. Сталинабад—Ленинград, 1954, (ред. В. А. Лившиц).

[710] См. Архив Музея археологии и этнографии имени М. С. Андреева при Ин-те истории им. А. Дониша АН Талж. ССР. Журн. поступлений, колл. № 93.

[711] См. Архив Государственного республиканского объединенного музея историко-краеведческого и изобразительного искусства г. Душанбе. Отдел истории, коллекции № 1309.

[712] М. С. Андреев. Таджики верховьев Оксуса (Аму-Дарьи). Материалы по изучению истории, культуры, быта и языков древних таджиков. Долина Хуф. Быт и язык, ч. 1, вып. 1. — «Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. Отделение литературы и языка АН СССР», М.-Л., 1947, стр. 42—48. (Оригиналы рукописей данной работы — см. Архив АН СССР, ф. 138, оп. 1, д. 301). Тут же опубликован реферат работы М. С. Андреева «Ирано-египетские параллели. Объяснение изображения третьего лица египетской триады-бога Нила на почве восточно-иранских материалов» (стр. 48—49).

[713] Н. А. Кисляков. (Рецен.). М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 168.

[714] А. К. Писарчик. Этнографическая работ в Таджикистане. — «Изв. Отд. обществ. наук АН Талж. ССР», вып. 6; 1954, стр. 64.

[715] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. вып. 1, стр. 5; Вып. 2, стр. 6; См. также А. К. Писарчик. Материальная культура таджиков долины Хуф (К изданию монографии М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», вып. 2). — «Мат. II совещания археологов и этнографов Средней Азии». — М.-Л., 1959, стр. 226—232; см. также М. Рахимов. Омӯзиши этнографии Тоҷикистон дар зарфи 40 сол. Ба муносибати 40 солагии Революцияи Октябрь. — «Газетаи муаллимон», аз 24 октябри соли 1957.

[716] Д. Е. Хайтун и Ю. А. Шибаева. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира. — «Уч. зап. Тадж. гос. ун-та», т. 7, «Тр. историко-филологического факультета». Сталинабад, 1955, стр. 56—57.

[717] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 2. Материалы к изучению культуры и быта таджиков. подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А. К. Писарчик, Институт истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. — «Тр. АН Тадж. СР», т. 59, Сталинабад, 1958, 521 стр., 132 илл. в тексте; Рец. см. — «Советский Бадахшан», от 20 апреля 1958 г.

[718] А. К. Писарчик. Материальная культура таджиков долины Хуф, стр. 226.

[719] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф вып. 2, стр. 5.

[720] Там же, стр. 21.

[721] Там же.

[722] Там же, стр. 149.

[723] Там же. Примечания, стр. 320.
стр. 320.

[724] А. К. Писарчик. Ук. соч., стр. 333—339.

[725] По данному поводу — см. также М. С. Андреев. Выработка железа в долине Ванча (верховья Аму-Дарьи). Из мат-лов, собранных экспедицией Общ. для изучения Таджикистана и Средазкомстариса, бывшей в Таджикистане летом 1925 г., Ташкент, 1926, стр. 17.

[726] См. Таджики Каратегина и Дарваза (вып. 2). Душанбе, 1970, стр. 115. В архиве М. С. Андреева кроме того хранятся хуфско-русский словарь и таблица хуфских глаголов, составленные М. С. Андреевым. — См. А. К. Писарчик. Рушанские тексты. Сталинабад—Ленинград, 1954, стр. 4 и Материалы по фольклору хуфцев — см. А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 26.

[727] См. О. Е. Агаханянц. Между Гиндукушем и Тянь-Шанем. История изучения природы Памира. Душанбе, 1962, стр. 76.

[728] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107.

[729] Официальное открытие Музея состоялось в декабре 1949 г., в дни празднования 25-летнего юбилея Таджикской ССР. — См. Н. Н. Ершов и А. К. Писарчик. Сектор этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР, стр. 203.

[730] См. А. К. Писарчик и З. А. Широкова. Музей археологии и этнографии им. М. С. Андреева. — «Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж. ССР», Сталинабад, № 2, 1952; см. также Личный фонд М. С. Андреева, д. 145.

[731] См. «Изв. ТФАН СССР», Сталинабад, 1949, № 15, стр. 3—19.

[732] См. «Тр. ТФАН СССР», т. 29, Сталинабад, 1951, стр. 75—87.

[733] См. Д. Н. Анучин. Открытие огня и способы его добывания. Пг, 1922.

[734] Б. Ф. Поршнев. О древнейшем способе получения огня. — «Советская этнография», 1955, № 1, стр. 12; см. так же К. Задыкы-

хина. Таджикский филиал АН СССР. Труды, т. 29. История, археология ,этнография, язык и литература. Сталинабад, 1951. — «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 217.

[735] См. Д. И. Эдельман. К современному состоянию изучения памирских языков. — «Изв. Отдел. обществен. наук АН Тадж. ССР», 1964, № 1 (36), стр. 72.

[736] Н. А. Кисляков. Этнографическое изучение Таджикистана, стр. 52.

[737] Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 15; см. также Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 7.

[738] Автобиография, 1944 г., лл. 2—3; см. также «Воспоминания. Записано со слов М. С. Андреева А. К. Писарчик от 18 марта 1946 г. г. Ташкент». — Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 5.

[739] См. «Записки об учных трудах», стр. 1; см. также Архив АН СССР, ф. 138, оп. 1, д. 301, л. 5.

[740] С. П. Толстов. Сорок лет советской этнографии. — «Советская этнография», 1957, № 5, стр. 36; см. также С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии. — «Вопросы истории», 1964 № 7 стр. 7, примеч. 10; С. А. Токарев. История русской этнографии, стр. 386.

[741] А. А. Семенов. Отзыв о научной деятельности М. С. Андреева. — Архив ТашГУ, ф. 22, оп. 4, д. 1, л. 69.

[742] А. Н. Болдырев. Вопросы изучения таджикского народного творчества. — «Тр. ТФАН СССР», т. 29, 1951, стр. 100, 104.

[743] Личный фонд М. С. Андреева, д. 117, л. 153.

[744] С. П. Толстов. Советская школа в этнографии. — «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 14; См. также С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии, стр. 10; С. П. Толстов. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии. — «Советская этнография», 1960, № 6, стр. 14—15; См. также С. П. Толстов. В. И. Ленин и актуальные проблемы этногрфии (К 25-летию со дня смерти). — «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 16.

[745] Н. И. Кисляков (Рецензия). М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. 1, стр. 167.

[746] См. С. П. Толстов. Этнография и современность. — «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 3—11; он же. Советская школа в этнографии, стр. 8—28; Б. Г. Гафуров. Состояние и задачи советского востоковедения в свете решений XX съезда КПСС, стр. 23.

[747] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

[748] Б. В. Лунин. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении, Ташкент, 1965, стр. 308.

[749] См. Б. Н. Ниязмухамедов. Таджикский литературный язык. — «Тр. Ин-та истории, языка и литературы ТФАН СССР», т. 29, 1951, стр. 113; он же. Язык таджикской социалистической нации. — Сб. «Баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик», Душанбе, 1964, стр. 9.

[750] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 89.

[751] Личный фонд М. С. Андреева, д. 167, б. л.; там же, д. 109, л. 56; д. 110, лл. 31, 43 и др.

[752] С. П. Толстов. Этнография и современность, стр. 7.

[753] *Личный фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 17.*

[754] Там же, д. 110, л. 31.

[755] См. Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, лл. 9—11; см. также Архив ИВАН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 25, лл. 2—11; А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 19—20.

[756] А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 20.

[757] *Личный фонд М. С. Андреева, д. 64, лл. 4—5.*

[758] Там же, д. 168, л. 1.

[759] Протокол заседания историко-филологического отделения АН от 20/II-1902 г., стр. 4.

[760] Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 99.

[561] Автобиография М. С. Андреева и материалы к ней, лл. 1—2.

[762] Автобиография, 1944 г., л. 18.

[763] Краткую характеристику научного архива ученого — см. А. К. Писарчик. Михаил Степанович Андреев, стр. 23—29; см. также А. К. Писарчик, Б. Х. Кармышева. Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг. — «Советская этнография», 1954, № 3, стр. 118.

[764] Личный фонд М. С. Андреева, д. 102, л. 58.

[765] Личный фонд М. С. Андреева, д. 123.

[766] Там же, д. 128.

[767] Там же, д. 149; 168.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. 3

Введение. 9

Глава I. Начало научной деятельности М. С. Андреева. 30

Глава II. М. С. Андреев — Инспектор народных училищ. 65

Глава III. М. С. Андреев в годы Советской власти. 81

Педагогическая деятельность М. С. Андреева. . . 81

Общественно-научная работа. 91

Глава IV. Послеоктябрьские поездки. Сотрудничество М. С. Андреева в музеях страны. 126

Заключение. 172

Примечания 182

Хадича Файзиевна Акрамова,
Нариман Мансурович Акрамов

Востоковед Михаил Степанович Андреев

Редакторы издательства **С. Трофимов,**
В. Букарев.
Художественный ред. **Л. Винников.**
Технический редактор **Р. Анисимова.**

Издательство «Ирфон», Душанбе. Шевченко. 10.

Межвузовская типография при ТГУ им. В. И. Ленина.

Сдано в набор 14/IV-72 г. Подписано в печать 29/I-73 г. КЛ 02154. Бумага № 2. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Печ. л. 7 (11,76). Учетн. изд. листы 12,88. Зак. 207. Тираж 1000. Цена 1 руб. 30 коп.